Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Голодов П. В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Колодкин Л. М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Оботурова Н. С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент, действительный член международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

Новиков А. А. – начальник Центральной нормативно-технической лаборатории ФСИН России;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

№ 4 (40)

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

Вологда 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 4

БОРОВИКОВ С. А., ЧЖАН Ю. А.
Проблемы и практика исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами 4

ГОРБАНЬ Д. В.
Проблемы предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения 8

ДУДОРОВ Т. Д.
Уголовно-процессуальные аспекты использования криминалистической регистрации при производстве по уголовным делам 13

КУЗЬМИН С. И., ЯКУШИНА Е. С.
Трудовое и бытовое устройство осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, в 1924–1953 гг. (историко-правовой анализ) 20

РУДАКОВ А. М.
Роль библиотеки исправительного учреждения в организации воспитательной работы с осужденными 24

СЕРГЕЕВ Д. Н.
Научно-теоретическая модель Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: в поисках компромисса..... 28

СПИРИДОНОВА Ю. Н.
Об отдельных вопросах правового регулирования уголовно-процессуального статуса должностных лиц Федеральной службы исполнения наказаний..... 34

ШАНИНА А. А.
Регистрация лиц, совершивших преступления сексуального характера, в США..... 38

ШЕСЛЕР А. В.
Юридическая дефиниция неоконченного преступления в современном уголовном праве..... 43

ПЕРМИЛОВСКАЯ Е. А.
К вопросу о месте ограничения свободы в современной системе уголовных наказаний 47

РЯБЧЕНКО О. Н.
К вопросу о наказании за насильственные преступления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ 52

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 59

ЛАПШИН В. Е., ГАЛИЧ Т. В.
Особенности жизненных планов сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным стажем службы 59

ЛОБАНОВА Е. С., ГЛАДКОВ Е. А.
О возможности использования когнитивно-поведенческой психотерапии при лечении и профилактике психосоматических и психоневрологических расстройств у лиц, осужденных к лишению свободы 63

НОСОВА Н. В., ЦАТУРЯН М. О.
Личностные особенности эффективных сотрудников патрульно-постовой службы 69

РОГАЧ В. Г., ПОЛЯКОВА Е. А.
Личностные особенности осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению 73

СУЧКОВА Е. Л.
Основные направления изучения психологии правосознания осужденных в современных зарубежных исследованиях 79

ШТЕФАН Е. Ф.
Особенности межличностного взаимодействия осужденных с высоким пенитенциарным статусом..... 83

ПИСАРЕВ О. М.
К вопросу об архаизации психологического пространства личности в местах лишения свободы..... 87

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 91

ГУЩИНА Т. Н.
О базовых основаниях формирования нравственно-патриотических ценностей курсантов: сравнительный анализ методологических подходов 91

КУРЕНКОВА О. Е., ШИШИГИНА С. Н.
Особенности социального сопровождения осужденных иностранных граждан (из зарубежного опыта)..... 95

ПАНФИЛОВА О. А.
Повышение качества преподавания информационных технологий в ведомственном вузе 100

РАССАДИНА М. Н.
Совершенствование организации образовательного процесса посредством применения веб-квест-технологии в самостоятельной работе курсантов 104

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 109

CONTENT

JURISPRUDENCE 4

BOROVIKOV S. A., CHZHAN Y. A.
Problems and practice of execution the criminal punishment connected with deprivation of the right to drive vehicles 4

GORBAN' D. V.
Problems of preventing the entry of prohibited items into the territory of the penal system institutions and ways to solve them 8

DUDOROV T. D.
Criminal procedural aspects of criminal registration in criminal cases 13

KUZMIN S. I., YAKUSHINA E. S.
The labor and household device of convicts released from places of deprivation of liberty in 1924–1953 (historical and legal analysis) 20

RUDAKOV A. M.
The role of the library of the correctional institution in the organization of educational work with convicts 24

SERGEEV D. N.
The scientific and theoretical model of the General part of the New Penal Code of the Russian Federation: in search of a compromise 28

SPIRIDONOVA YU. N.
On some questions of legal regulation of the criminal-procedural status of the Federal pernal service officers 34

SHANINA A. A.
Registration of sex offenders in the USA 38

SHESLER A. V.
The legal definition of the unfinished crime in modern criminal law 43

PERMILOVSKAYA E. A.
On the issue of the place of restriction of freedom in the modern system of criminal penalties 47

RYABCHENKO O. N.
On the issue of punishment for violent crimes provided for in Art. 317 and Art. 318 of the Criminal Code. 52

PSYCHOLOGY 59

LAPSHIN V. E., GALICH T. V.
Peculiarities of life plans of the penal system employees with different service length. 59

LOBANOVA E. S., GLADKOV E. A.
On the possibility of using cognitive-behavioral psychotherapy in the treatment and prevention of psychosomatic and neuropsychiatric disorders persons sentenced to deprivation of liberty. 63

NOSOVA N. V., TSATURYAN M. O.
Personal features of effective employees of the patrol service 69

ROGACH V. G., POLYAKOVA E. A.
Personal characteristics of male convicts prone to suicidal behavior. 73

SUCHKOVA E. L.
The main directions of studying the psychology of the convicts sense of justice in contemporary foreign studies 79

STEFAN E. F.
Peculiarities of interpersonal interaction prisoners with high penitentiary status 83

PISAREV O. M.
To the question about archaization psychological space of the person in imprisonment places 87

PEDAGOGY 91

GUSHCHINA T. N.
On the basic foundations in formation moral and patriotic values of cadets: a comparative analysis of methodological approaches 91

KURENKOVA O. E., SHISHIGINA S. N.
Features of social support convicted foreign citizens (from foreign experience) 95

PANFILOVA O. A.
Improving the quality of teaching information technologies in a departmental institute of higher education 100

RASSADINA M. N.
Improving the organization of the educational process through the application of the Web technology quest in the independent work of cadets 104

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS. 109

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.847

Проблемы и практика исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами

С. А. БОРОВИКОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. А. ЧЖАН – инспектор филиала по Чернушинскому району уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН России по Пермскому краю

В статье рассматривается исполнение лишения права заниматься определенной деятельностью применительно к ст. 264.1 УК РФ. Анализируется проблема нарушения осужденными установленного судом запрета (лишения) на право заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, предлагаются возможные варианты решения этой проблемы.

Ключевые слова: уголовное наказание; осужденный; лишение права заниматься определенной деятельностью; управление транспортным средством; уголовно-исполнительная инспекция.

Problems and practice of execution the criminal punishment connected with deprivation of the right to drive vehicles

S. A. BOROVIKOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Y. A. CHZHAN – Inspector of the Branch in Chernushinsky district of the Penal Inspection of the Federal Penal Service of Russia Administration in the Perm Region

The article examines the execution deprivation of the right to engage in certain activities, in relation to Article 264.1 of the Criminal Code of Russia. It analyzes the problem of violation by convicts the prohibition (deprivation) for the right to drive vehicles, proposes possible variants for solving this problem.

Key words: criminal punishment; convicted person; deprivation of the right to engage in certain activities; driving a vehicle; penal inspection.

В ст. 47 УК РФ закреплен такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. На практике он применялся редко (например, в 2014 г. назначался 245 раз в качестве основного и 11 347 раз в качестве дополнительного вида наказания[1]).

Острота проблемы управления транспортными средствами лицами в состоянии

опьянения вынудила законодателя ввести с 01.07.2015 г. ст. 264 УК РФ, существенно изменившую частоту применения этого вида наказания[2].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 г. к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ было привлечено 75 282 чел.[3] Ранее такие лица несли только административную ответственность. Санкция статьи помимо основного вида наказания предусматривает дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующее: реальная цифра назначения дополнительного наказания по ст. 264.1 УК РФ составила 49 632 чел. В качестве дополнительного наказания по всем составам преступлений в 2016 г. лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было назначено 61 288 раз[4].

Таким образом, частота использования этого дополнительного вида наказания с 2014 по 2016 г. выросла в 5,4 раза. При этом 80 % от его общего объема судами назначалось в ходе применения ст. 264.1 УК РФ. Существенных изменений по его применению в качестве основного вида наказания не установлено (в 2016 г. – 227 раз)[5].

В то же время необходимо сказать, что исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, справедливо критикуется и научным сообществом, и практиками[6]. Учитывая увеличение частоты его назначения судами, можно предположить, что законодатель все же обратит на это свое внимание. Согласно ч. 2 ст. 16 УИК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства (работы) осужденного, исправительным учреждением или дисциплинарной воинской частью. Практика показывает, что с большей частью проблем, связанных с исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, сталкиваются именно уголовно-исполнительные инспекции.

В п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано: «Лишение права заниматься определенной деятельностью может выражаться в запрещении заниматься как профессиональной, так и иной деятельностью. В приговоре следует конкретизировать вид такой деятельности (педагогическая, врачебная, управление транспортом и т. д.)»[7]. Изучение приговоров, вынесенных судами по ст. 264.1 УК РФ, показывает, что в качестве дополнительного вида наказания назначается лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами.

По данным уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН России по Пермскому краю, также наблюдается резкий рост числа лиц, осужденных к лишению права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами. Так, в 2016 г. по учетам инспекции прошло 3105 осужденных указанной категории (в 2015 г. – 570). Одновременно практика показывает, что после постановки на учет осужденные этой категории часто нарушают установленный запрет управлять транспортным средством. Более того, неоднократно регистрируются случаи, когда они наряду с нарушением этого запрета вновь совершают повторные преступления, в том числе предусмотренные ч. 2, 4 или ч. 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ.

На наш взгляд, имеется несколько предпосылок совершения повторных преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 УК РФ, так и нарушений установленного запрета заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством данной категорией лиц. Они заключаются в следующем:

1. Статья 264.1 УК РФ предполагает, что данное преступление совершается лицом, находящимся в состоянии опьянения. Как правило, опьянение вызвано употреблением алкоголя, значительно реже – наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Повторное управление автотранспортным средством в состоянии опьянения характеризует личность как субъекта с пониженной способностью осознавать опасность совершаемых им действий и контролировать собственное поведение.

Сотрудники уголовно-исполнительной инспекции при проведении профилактической работы предлагают осужденным, злоупотребляющим алкогольными напитками, обратиться в лечебные учреждения для прохождения консультации и лечения от

алкогольной зависимости. Однако, как показывает практика, такие лица не желают добровольно проходить лечение от алкоголизма, а меры, осуществляемые в рамках воспитательной работы с ними, малоэффективны. Действенные способы воздействия на таких осужденных по предупреждению нарушения установленного судом запрета на управление транспортным средством отсутствуют.

2. Осуществлять контроль за данной категорией лиц сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции достаточно проблематично по объективным причинам. Физически невозможно круглосуточно контролировать каждого такого осужденного. В случае, когда осужденный не выполняет требования суда, предусмотрен только один вариант действий. Согласно п. 39 Приказа Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»[8] при установлении факта нарушения осужденным требований приговора суда инспекция уточняет время, в течение которого он занимал запрещенную должность или занимался запрещенной деятельностью, запрашивает соответствующие документы, подтверждающие данный факт, и выносит постановление о незачете в срок наказания определенного периода времени.

На практике начальник инспекции выносит постановление о незачете срока наказания на основании сверки с ГИБДД и органом внутренних дел.

Согласно подп. 4 п. 6 приказа Минюста России и МВД России от 04.10.2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений»[9] уголовно-исполнительная инспекция направляет не реже одного раза в квартал запрос в соответствующие подразделения территориальных органов МВД России на районном уровне для проверки по автоматизированным учетам информационных центров территориальных органов МВД России на региональном уровне наличия сведений о привлечении осужденных к административной или уголовной ответственности.

Иные варианты сбора материалов, подтверждающих факт управления транспортным средством, также имеют свои сложности. Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции не обладает правом остановки транспортного средства, которым управляет осужденный. Поэтому непосредственное обнаружение им осужденного, управляющего транспортным средством, позволяет принять соответствующее решение о незачете части срока наказания только в том случае, если осужденный сам это подтвердит, например, в ходе последующего получения у него объяснения. Однако на практике подобное не встречается. В этом случае для фиксации административного нарушения, предусмотренного ст. 12.7 КоАП РФ, и составления соответствующего протокола необходимо вызывать сотрудников ГИБДД или участкового уполномоченного. Можно предложить для фиксации исполнения этого вида наказания (при возникновении необходимости) использовать средства видеозаписи, например видеорегистратор. Полагаем, что в совокупности с составляемой справкой-проверкой по месту жительства осужденного, в которой указывается на установление факта управления транспортным средством осужденным, это может стать основанием для незачета срока наказания.

3. Уголовный закон не называет негативные последствия нарушения осужденным приговора, указывающего на лишение его права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В ч. 1 ст. 36 УИК РФ также ничего об этом не говорится: «В срок указанного наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью». На практике этот пробел восполняется следующим образом: день (сутки), во время которых в отношении осужденного был составлен протокол об административном правонарушении, не засчитывается за день (сутки) отбытия наказания. Таким образом, происходит продление срока наказания, установленного судом, которое, по сути, и есть наказание, подлежащее отбыванию. Таким образом, негативная реакция на нарушение осужденным установленного судом запрета фактически отсутствует. Более того, не все случаи управления транспортными средствами данной категорией лиц выявляются.

4. Осужденный не воспринимает как наказание незачет в срок наказания. Нужны более действенные меры. В данном случае сотрудник уголовно-исполнительной системы не может вынести осужденному предупреждение о замене данного наказания на более строгое, так как законом такая замена

не предусмотрена. Также нет возможности возложить дополнительную обязанность (например, не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток с 23.00 до 06.00). Более того, даже этот вполне приемлемый вариант мер не оказывает прямого воздействия на то, чтобы ограничить осужденного в праве управления транспортным средством. Полагаем, что нужны дополнительные способы воздействия на осужденного, которые были бы непосредственно направлены на исполнение этого наказания, а также обеспечение общественной безопасности от действий указанных лиц по управлению транспортными средствами.

Считаем, что вопрос реагирования на действия осужденных, лишенных права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, и нарушающих такой запрет, остается без надлежащего решения. В большинстве случаев такие лица управляют транспортными средствами, принадлежащими им на праве собственности.

Полагаем, что для решения этой задачи можно использовать зарубежный опыт. Так, например, во Франции в отношении лица, повторно управляющего транспортным средством с превышением допустимого уровня алкоголя в крови (0,8 промилле и выше), начиная с 2003 г. в качестве меры наказания предусмотрена конфискация транспортного средства[10]. Поэтому можно предусмотреть в отечественном законодательстве подобную меру реагирования на нарушение запрета управлять транспортным средством, находящимся в собственности. Данная мера будет обладать хорошим сдерживающим эффектом. Автомобиль остается во владении осужденного, которому назначено лишение права заниматься определенной деятельностью, связанной с управлением транспортным средством. Он может его продать, выписать доверенность на право управления другому лицу. В том случае, если он будет задержан сотрудниками ГИБДД, управляя транспортным средством в нарушение приговора суда, транспортное средство будет подлежать конфискации. В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве следует определить алгоритм действий в подобной ситуации начиная с предупреждения осужденного о негативных последствиях установленного судом запрета и заканчивая конфискацией транспортного средства. Реализацию изъятых транспортных средств возложить на Федеральную службу судебных приставов. Полагаем, что таким способом мы сможем оказать на осужденного существенное воздействие, удерживая его от управления транспортным средством, принуждая выполнять требования суда в связи с назначенным ему наказанием.

Проведенный нами анализ по рассматриваемой проблеме позволил сформулировать следующие выводы:

– частота применения дополнительного вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с 2014 по 2016 г. в Российской Федерации выросла в 5,4 раза. Около 80 % от общего объема этого дополнительного вида наказания назначается в ходе применения ст. 264.1 УК РФ и предполагает лишение лица права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами;

– уровень нарушения осужденными рассматриваемого наказания является высоким;

– предусмотренный УИК РФ вариант незачета времени управления транспортным средством в срок отбытия данного наказания фактически не работает. Нужен более эффективный вариант реагирования;

– ключевой проблемой исполнения наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, является отсутствие возможности контроля за исполнением этого вида наказания и недочеты законодательства на случаи реагирования по его неисполнению осужденным.

В этой связи предлагаются следующие решения:

1. Наиболее эффективным средством принуждения к исполнению анализируемого наказания является введение конфискации транспортного средства, принадлежащего на праве собственности, в случае установления факта управления им. Угроза такого негативного последствия может весьма успешно стимулировать правопослушное поведение осужденных, а также будет способствовать обеспечению общественной безопасности, связанной с управлением транспортными средствами.

2. Для предотвращения повторных преступлений или нарушения запрета на занятие деятельностью, связанной с управлением транспортным средством, считаем необходимым предусмотреть в законодательстве положения, позволяющие суду вменять осужденному дополнительные обязанности или ограничения в случае несоблюдения осужденным требований приговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2014 года». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883/ (дата обращения: 01.06.2017).

[2] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения : федер. закон от 31.12.2014 г. № 528-ФЗ // Российская газета. 2015. 12 янв.

[3] См.: Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2016 года». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834/ (дата обращения: 01.06.2017).

[4] См.: Там же.

[5] Sm.: Там же.

[6] См., напр.: Комбаров Р. В., Потапов А. М. Вопросы реализации отдельных обязанностей (запретов) осужденных к ограничению свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1 (42). С. 31–34; Боровиков С. А. Обеспечение контроля при исполнении обязательных работ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 17–20; Валеев М. Т. К вопросу о правовых последствиях уклонения от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовная юстиция. 2016. № 1. С. 5–9; Кафиатулина А. В. Уклонения от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3. С. 87–92; Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в России и зарубежных странах : моногр. / [Ф. В. Грушин и др.] ; под общ. ред. А. М. Потапова. Вологда, 2015. С. 50–56 и др.

[7] См.: Российская газета. 2015. 29 дек.

[8] См.: URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067922/ (дата обращения: 01.06.2017).

[9] См.: Российская газета. 2012. 26 окт.

[10] См.: Праслова Л. А. Административная ответственность водителей за управление транспортными средствами в состояние алкогольного опьянения в России и за рубежом // Журнал «Труды Института государства и права РАН». URL: http://www.igpran.ru/trudy/vypuski/2009/2009-2/119-127.pdf (дата обращения: 30.06.2017).

[1] Sm.: Forma № 10.1 «Otchet o chisle privlechennyh k ugolovnoj otvetstvennosti i vidah ugolovnogo nakazanija za 12 mesjacev 2014 goda». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883/ (data obrashhenija: 01.06.2017).

[2] Sm.: O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosu usilenija otvetstvennosti za sovershenie pravonarushenij v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija : feder. zakon ot 31.12.2014 g. № 528-FZ // Rossijskaja gazeta. 2015. 12 janv.

[3] Sm.: Forma № 10.1 «Otchet o chisle privlechennyh k ugolovnoj otvetstvennosti i vidah ugolovnogo nakazanija za 12 mesjacev 2016 goda». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834/ (data obrashhenija: 01.06.2017).

[4] Sm.: Tam zhe.

[5] Sm.: Tam zhe.

[6] Sm., napr.: Kombarov R. V., Potapov A. M. Voprosy realizacii otdel'nyh objazannostej (zapretov) osuzhdennyh k ogranicheniju svobody // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2017. № 1 (42). S. 31–34; Borovikov S. A. Obespechenie kontrolja pri ispolnenii objazatel'nyh rabot // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2007. № 2. S. 17–20; Valeev M. T. K voprosu o pravovyh posledstvijah uklonenija ot otbyvanija nakazanija v vide lishenija prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelennoj dejatel'nost'ju // Ugolovnaja justicija. 2016. № 1. S. 5–9; Kafiatulina A. V. Uklonenija ot otbyvanija nakazanija v vide lishenija prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelennoj dejatel'nost'ju // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2015. № 3. S. 87–92; Ispolnenie nakazanij, ne svjazannyh s izoljaciej osuzhdennyh ot obshhestva, v Rossii i zarubezhnyh stranah : monogr. / [F. V. Grushin i dr.] ; pod obshh. red. A. M. Potapova. Vologda, 2015. S. 50–56 i dr.

[7] Sm.: Rossijskaja gazeta. 2015. 29 dek.

[8] Sm.: URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12067922/ (data obrashhenija: 01.06.2017).

[9] Sm.: Rossijskaja gazeta. 2012. 26 okt.

[10] Sm.: Praslova L. A. Administrativnaja otvetstvennost' voditelej za upravlenie transportnymi sredstvami v sostojanie alkogol'nogo op'janenija v Rossii i za rubezhom // Zhurnal «Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN». URL: http://www.igpran.ru/trudy/vypuski/2009/2009-2/119-127.pdf (data obrashhenija: 30.06.2017).

УДК 343.82

Проблемы предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения

Д. В. ГОРБАНЬ – преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье проводится комплексное исследование проблем предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы, предлагается ряд организационных и правовых мер, направленных на пресечение рассматриваемых противоправных действий.

Ключевые слова: запрещенные предметы; пенитенциарная преступность; осужденный; лишение свободы; предупреждение преступлений; исправительное учреждение.

Problems of preventing the entry of prohibited items into the territory of the penal system institutions and ways to solve them

D. V. GORBAN' – Lecturer of the Department of Organization and Supervision Regime in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article conducts a comprehensive study of the problems of preventing the entry of prohibited items into the territory of the penal system institutions, proposes a number of organizational and legal measures aimed at suppressing the illegal actions under consideration.

Key words: prohibited items; penal criminality; convicted; deprivation of liberty; crime prevention; correctional institution.

Нормальное функционирование исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы обеспечивается рядом факторов, в том числе предупреждением правонарушений и преступлений со стороны осужденных в период отбывания наказания, пресечением проникновения на режимную территорию запрещенных предметов и вещей.

В последние годы в исправительных учреждениях отмечается крайне негативная тенденция ухудшения качественного состава осужденных. На фоне общего снижения численности осужденных, находящихся в местах лишения свободы, почти вдвое увеличились темпы роста количества лиц, осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, возросла доля лиц, состоящих на различных видах профилактического учета[1]. Так, например, продолжает увеличиваться число лидеров, активных участников группировок отрицательной направленности, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера. В результате просчетов в организации профилактической работы с лицами, состоящими на различных видах учета, количество преступлений, совершенных данной категорией осужденных, возросло на 20 %[2].

Ухудшение криминологических характеристик спецконтингента сказалось и на криминогенной обстановке исправительных учреждений. Из данных, представленных территориальными органами ФСИН России, о преступлениях, по которым имеются вступившие в законную силу приговоры суда, следует, что осужденными, состоящими на профилактическом учете, в 2015 г. совершено 161 преступление. При этом отмечается увеличение количества преступлений, связанных с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), а также числа случаев изготовления и передачи запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения (см. табл.).

Статистические сведения по изъятию запрещенных предметов и вещей при попытке доставки их на территорию исправительных учреждений в 2009–2015 гг.

Наименование запрещенных предметов	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Деньги (тыс. руб.)	9021,0	6277,4	6373,0	4000,0	5062,0	4000,0	3700,0
Спиртные напитки промышленного производства (л)	14 046	12 362	10 147	10 280	10 516	9600	7000
Наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги (кг)	46,4	58,9	78,9	91,0	84,5	91,0	77,0
Сотовые телефоны (тыс. ед.)	37,3	32,3	39,3	49,3	61,4	47,5	64,0

Согласно ч. 8 ст. 82 УИК РФ полный перечень запрещенных вещей и предметов устанавливается в ведомственных нормативных правовых актах Минюста России. Однако УИК РФ не содержит определения запрещенных вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать.

В приложении к Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов, утвержденным приказом Минюста России от 16.12.2016 г. № 295 (ред. от 06.07.2017 г.)[3], установлен перечень вещей и предметов, которые подозреваемые и обвиняемые могут иметь при себе, хранить, получать в посылках, передачах и приобретать по безналичному расчету, тогда как правила

внутреннего распорядка исправительных учреждений[4] и воспитательных колоний[5] устанавливают перечни запрещенных, а не разрешенных предметов и вещей. Следовательно, перечень вещей и предметов, которые разрешено иметь при себе подозреваемым и обвиняемым в следственном изоляторе, является ограничительным, и все вещи, которые им не охватываются, являются запрещенными. А для исправительных учреждений и воспитательных колоний, напротив, вещи и предметы, которые не включены в перечень, являются разрешенными.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным привести к унифицированному виду перечни вещей и предметов, которые запрещается либо разрешается иметь при себе, во всех ведомственных нормативных правовых актах, правилах внутреннего распорядка. Это поможет избежать законодательных коллизий, облегчит применение норм об ответственности за попытку доставки либо доставку запрещенных предметов и вещей на территорию пенитенциарных учреждений.

Более подробно остановимся на анализе перечня вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, закрепленного в приложении № 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений. В последний его вариант по сравнению с ранее действовавшим дополнительно были включены летательные средства передвижения, курительные смеси, электронные носители информации, предметы и тара, изготовленные из стекла, керамики и металла (за исключением алюминиевых ложек, вилок, кружек, тарелок и консервированных продуктов в металлической таре), телевизионные приемники с выходом в Интернет, военная и другая форменная одежда, татуировочные машинки и принадлежности к ним, расширен перечень запрещенной литературы (по паркуру, подготовке спецподразделений, призывающей к экстремисткой деятельности), установлена мощность электробытовых приборов, разрешенных к использованию (не более 0,5 кВт). Из нового перечня были исключены цветные карандаши, фломастеры, маркеры, чернила, тушь, шариковые и гелевые стержни, краски, копировальная бумага, а также наручные и карманные часы (в тюрьмах). Мы перечислили наиболее существенные изменения в перечне запрещенных предметов и вещей.

Осужденным, находящимся в облегченных условиях содержания и в колониях-поселениях, разрешено пользоваться аудиоплейерами без функции записи, техническими устройствами для чтения электронных книг без функции аудио- и видеозаписи выхода в Интернет в количестве не более одного устройства каждого вида на осужденного. В данной норме мы усматриваем определенный способ стимулирования осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях, а также в колониях-поселениях.

Правила содержат коллизию, состоящую в том, что в п. 5 количество вещей на одного осужденного устанавливается в размере 50 кг, а в приложении № 1 – до 36 кг. Данный вопрос требует разъяснения и решения.

В научной литературе предпринимаются попытки классификации запрещенных предметов и вещей. Так, например, О. В. Пенин предлагает разделить запрещенные вещи и предметы на следующие группы: орудия и средства совершения преступления; стимуляторы совершения преступлений, то есть предметы, способствующие совершению преступлений; предметы, которые не являются средствами совершения преступлений[6]. Данная классификация позволяет систематизировать все запрещенные предметы и вещества и, соответственно, разграничивать их общественную опасность, поскольку поступление на территорию исправительного учреждения, например, наркотических средств будет в большей степени общественно опасным, нежели поступление электробытового прибора мощностью более 0,5 кВт.

Профилактику проникновения в спецучреждения запрещенных предметов и связанной с этим преступности необходимо осуществлять путем реализации системы мер, образующих два основных направления деятельности – общую и индивидуальную профилактику[7].

Общая профилактика проникновения запрещенных предметов среди осужденных включает:

– выявление причин и условий поступления запрещенных предметов и разработку конкретных мер по их устранению;

– определение путей совершенствования деятельности структурных подразделений исправительных учреждений в сфере предупреждения поступления на их территорию запрещенных предметов.

Индивидуальная профилактика может рассматриваться и как самостоятельное на-

правление деятельности, и как составная часть общей профилактики. Профессионально правильно организованная индивидуальная профилактика имеет общепрофилактическое воздействие[8].

К числу основных проблем в борьбе с проникновением в исправительные учреждения запрещенных предметов относятся выявление источников и перекрытие каналов поступления запрещенных предметов осужденным. На сегодняшний день основными способами доставки (проникновения) запрещенных предметов остаются пронос, провоз, переброс, пересылка. Кроме того, осужденные самостоятельно изготавливают запрещенные предметы.

Профилактическое воздействие в сфере предупреждения проникновения на территорию спецучреждений запрещенных предметов и вещей оказывают нормы КоАП РФ. Так, ст. 19.12 КоАП РФ предусматривает за соответствующие деяния наложение административного штрафа в размере от трех до пяти тысяч рублей с конфискацией запрещенных предметов, веществ или продуктов питания. Приведенная норма предусматривает ответственность как непосредственно за передачу запрещенных объектов, так и за попытку передачи. «Используя в данном случае понятие “попытка совершения административного правонарушения”, законодатель тем самым подчеркивает общественную опасность не только оконченного состава незаконной передачи запрещенных предметов осужденным, но и попытки на нее»[9].

Необходимо отметить, что в истории отечественного законодательства существовала уголовная ответственность за попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительных учреждениях. В УК РСФСР 20.10.1987 г. была введена ст. 188.4 «Незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях»[10]. В санкции рассматриваемой правовой нормы предусматривались следующие виды наказаний: лишение свободы на срок до двух лет, исправительные работы на срок до двух лет, штраф до трех минимальных размеров оплаты труды.

Учитывая современную пенитенциарную криминогенную обстановку, связанную с проникновением запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, представляется целесообразным вернуться к вопросу о криминализации подобных деяний и дифференциации уголовной ответственности за их совершение при отягчающих обстоятельствах.

Анализ норм уголовно-исполнительного закона и ведомственных нормативных правовых актов свидетельствует о необходимости более четкой детализации запрета проникновения запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, поскольку у практических работников часто возникают затруднения при применении соответствующих норм.

В целях совершенствования уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в ИУ отдельными авторами предлагается ввести в действующее уголовное законодательство единую норму, устанавливающую уголовно-правовой запрет на все виды обращения и передачи запрещенных для осужденных веществ, вещей и предметов, в том числе дополнить УК РФ отдельной ст. 321.1[11].

Важное профилактическое значение в деле предупреждения проникновения запрещенных предметов и вещей на территорию исправительного учреждения имеют нормы правил внутреннего распорядка, предусматривающие возможность проведения личного обыска осужденных и иных лиц, прибывающих на территорию учреждений, в том числе для свиданий. С целью пресечения проноса запрещенных предметов для проведения досмотров используются более 70 рентген-установок, более тысячи стационарных и более 3,5 тыс. переносных металлообнаружителей. Проводится активная работа по наращиванию детекторов нелинейных переходов и видеоэндоскопов[12].

Отдельным направлением профилактики поступления запрещенных предметов и вещей выступает работа по информированию подозреваемых, обвиняемых, осужденных, их родственников и иных лиц об ответственности, в том числе уголовной, за передачу и попытку передачи осужденным таких предметов. Так, за 2015 г. за указанные правонарушения сотрудниками учреждений было задержано более 7 тыс. граждан, из которых более 5,5 тыс. привлечено к уголовной и административной ответственности[13].

В целях совершенствования предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы в научной литературе предлагаются следующие меры:

а) заполнение родственниками осужденных, а также всеми лицами, прибывающими на свидания, декларации ассортимента продуктов питания и вещей, которые они проносят с собой на режимную территорию, а также предупреждение их об административной ответственности по ст. 19.12 КоАП РФ;

б) привлечение осужденных к уголовной ответственности, предусмотренной при использовании ими некоторых запрещенных предметов (ст. 186, 191–192, 218, 222–226 УК РФ и др.);

в) организация и проведение комплексных профилактических операций «Сигнал», «Барьер», «Челнок», «Заслон» и т. п.;

г) установление 50-метровой границы режимной зоны с указателями «Режимная зона: проезд и проход запрещены» по согласованию с органами местного самоуправления;

д) совместное патрулирование сотрудниками исправительных учреждений и полиции внешнего периметра учреждения;

е) снабжение патрулирующих групп радиофицированными транспортными средствами для организации преследования нарушителей, а также техническое оснащение персонала уголовно-исполнительной системы личными радиостанциями;

ж) совершенствование организации соответствующей деятельности (планирование и проведение предупредительных мероприятий, налаживание взаимодействия между подразделениями, внешнего взаимодействия и др.).

Актуальным направлением является также разработка организационно-правовых и технических мер противодействия доставке в ИУ запрещенных предметов с применением беспилотных летательных аппаратов.

Таким образом, подводя краткий итог рассмотрению проблем предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений и следственных изоляторов, необходимо сделать следующие выводы:

1. Проникновение запрещенных предметов является действием общественно опасным, поскольку посягает на правопорядок в спецучреждениях, причиняя вред интересам личности, общества и государства либо создавая угрозу причинения такого вреда, нарушая упорядоченность, согласованность отношений в данной сфере. Проникновение к осужденным запрещенных предметов негативно влияет на состояние оперативной обстановки, наносит значительный урон правоотношениям, складывающимся в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

2. Для предупреждения передачи либо попытки передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, требуется целенаправленная организационная работа, связанная с техническим оснащением не только основного периметра учреждений, но и режимной территории.

3. В целях профилактики рассматриваемого правонарушения требуется активизация деятельности должностных лиц по реализации соответствующих административно-процессуальных полномочий (составление протоколов об административном правонарушении в соответствии со ст. 28.2 КоАП РФ).

4. Правильная организация и своевременное проведение режимных мероприятий, административно-процессуальных действий приведет к снижению потока поступающих в исправительные учреждения средств связи, а также комплектующих, обеспечивающих их работу, и, как следствие, уменьшению количества преступлений, совершенных осужденными с использованием средств сотовых систем подвижной связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: О недостатках в организации режима и обеспечения надзора за осужденными в 2014 году : указание ФСИН России от 04.03.2015 г. № 03-10348.

[2] См.: Там же.

[3] См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 46.

[4] См.: Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 16.12.2016 г. № 295 (ред. от 06.07.2017 г.). URL: http://www.pravo.gov.ru

[5] См.: Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 06.10.2006 г. № 311 (ред. от 15.08.2016 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 44.

[1] Sm.: O nedostatkah v organizacii rezhima i obespechenija nadzora za osuzhdennymi v 2014 godu : ukazanie FSIN Rossii ot 04.03.2015 g. № 03-10348.

[2] Sm.: Tam zhe.

[3] Sm.: Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2005. № 46.

[4] Sm.: Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporjadka ispravitel'nyh uchrezhdenij : prikaz Minjusta Rossii ot 16.12.2016 g. № 295 (red. ot 06.07.2017 g.). URL: http://www.pravo.gov.ru

[5] Sm.: Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporjadka vospitatel'nyh kolonij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy : prikaz Minjusta Rossii ot 06.10.2006 g. № 311 (red. ot 15.08.2016 g.) // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2006. № 44.

[6] См.: Пенин О. В. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в исправительные учреждения УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 3 (106). С. 7.

[7] См.: Барабанов Н. П. Исправительные учреждения России в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией. Рязань, 2012. С. 113.

[8] См.: Громов В. Г. Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 11.

[9] Барабанов Н. П., Савардунова В. Н., Кириченко В. М. Противодействие поступлению в исправительные учреждения запрещенных предметов, неслужебным связям сотрудников с осужденными (криминологический, организационный, психологический и правовой аспекты). Рязань, 2012. С. 19.

[10] См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 43. Ст. 1501 (утратил силу).

[11] См.: Пенин О. В. Противодействие проникновению запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

[12] См.: Ким В. В., Филипьев Р. А. Некоторые вопросы использования на контрольно-пропускных пунктах учреждений уголовно-исполнительной системы приборов контроля и досмотра людей на предмет обнаружения сокрытых запрещенных предметов // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25).

[13] См.: Дергачев А. В. Обыски и досмотры как средство обеспечения режима в исправительных учреждениях // Проблемы повышения эффективности режима исполнения наказаний : сб. тез. выступ. и докл. участников всерос. науч.-практ. конф., 6–8 апреля 2016 г. / сост. А. С. Мисюрев. Пермь, 2016. С. 6.

[6] Sm.: Penin O. V. Sovershenstvovanie ugolovno-pravovyh mer protivodejstvija proniknoveniju zapreshhennyh predmetov v ispravitel'nye uchrezhdenija UIS // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2011. № 3 (106). S. 7.

[7] Sm.: Barabanov N. P. Ispravitel'nye uchrezhdenija Rossii v bor'be s nezakonnym oborotom narkotikov i narkomaniej. Rjazan', 2012. S. 113.

[8] Sm.: Gromov V. G. Profilaktika prestuplenij osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 11.

[9] Barabanov N. P., Savardunova V. N., Kirichenko V. M. Protivodejstvie postupleniju v ispravitel'nye uchrezhdenija zapreshhennyh predmetov, nesluzhebnym svjazjam sotrudnikov s osuzhdennymi (kriminologicheskij, organizacionnyj, psihologicheskij i pravovoj aspekty). Rjazan', 2012. S. 19.

[10] Sm.: Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1987. № 43. St. 1501 (utratil silu).

[11] Sm.: Penin O. V. Protivodejstvie proniknoveniju zapreshhennyh predmetov v uchrezhdenija, ispolnjajushhie nakazanija v vide lishenija svobody : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. S. 7.

[12] Sm.: Kim V. V., Filip'ev R. A. Nekotorye voprosy ispol'zovanija na kontrol'no-propusknyh punktah uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy priborov kontrolja i dosmotra ljudej na predmet obnaruzhenija sokrytyh zapreshhennyh predmetov // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2015. № 4 (25).

[13] Sm.: Dergachev A. V. Obyski i dosmotry kak sredstvo obespechenija rezhima v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Problemy povyshenija jeffektivnosti rezhima ispolnenija nakazanij : sb. tez. vystup. i dokl. uchastnikov vseros. nauch.-prakt. konf., 6–8 aprelja 2016 g. / sost. A. S. Misjurev. Perm', 2016. S. 6.

УДК 343.12

Уголовно-процессуальные аспекты использования криминалистической регистрации при производстве по уголовным делам

Т. Д. ДУДОРОВ – доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал), кандидат юридических наук

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с особенностями процессуального регулирования использования информации, содержащейся в различных криминалистических учетах, возникающие при раскрытии и расследовании преступлений как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования. Также отмечается особое значение непроцессуальной информации для производства отдельных следственных действий и принятия процессуальных решений по уголовным делам.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация; учеты; уголовный процесс; дознание; следствие; доказывание; информация.

Criminal procedural aspects of criminal registration in criminal cases

T. D. DUDOROV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University of Justice (Central Branch), PhD. in Law

The article examines certain issues related to the peculiarities of procedural regulation of the use information contained in various forensic accounts during the disclosure and investigation of crimes both at the stage of initiating criminal proceedings and during the preliminary investigation. Also special importance is attached to non-procedural information for the production of certain investigative actions and the adoption of procedural decisions in criminal cases.

Key words: criminalistic registration; surveys; the criminal process; inquiry; investigation; evidence; information.

Основной задачей криминалистической регистрации является расследование и раскрытие преступлений. Наиболее часто данные криминалистической регистрации востребованы на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, то есть в стадии возбуждения уголовного дела, при предъявлении обвинения и избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения, производстве следственных действий, решении вопросов о соединении и выделении уголовных дел.

На протяжении всей истории становления и развития доказательственного права дискутируется вопрос о способах и средствах осуществления познания в уголовном процессе в стадии возбуждения дела. Проблема признания доказательствами материалов доследственной проверки сообщения о преступлении является наиболее противоречивой. Законодатель, активно редактируя правила производства в рассматриваемой стадии, до настоящего времени ясности в этот вопрос не внес. Как нам видится, в этой части УПК РФ не свободен от пробелов в правовом регулировании и отличается некоторой расплывчатостью формулировок. К примеру, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Однако закон не закрепляет исчерпывающего перечня процессуальных средств для осуществления такой проверки, нет правил производства проверочных действий. В этой связи следует обозначить ряд актуальных вопросов, разрешив которые можно будет определить общий подход к упорядочению совокупности средств доказывания в рамках первой стадии уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной науке нет унифицированной, общепризнанной трактовки понятия «средства доказывания» применительно к стадии возбуждения уголовного дела. Отдельные ученые отождествляют средства доказывания и сами доказательства, подразумевая под ними как сведения о фактах, так и их источники[1]. Ввиду этого принципиальная возможность осуществления деятельности по доказыванию в рамках стадии возбуждения уголовного дела отрицается; полученная при проверке сообщения о преступлении информация не может рассматриваться в качестве доказательства по делу в связи с тем, что она не обладает свойством допустимости. К примеру, В. И. Зажицкий аргументирует данную точку зрения отсутствием в рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства достаточных гарантий достоверности полученных сведений, отсутствием требований к порядку их получения. Игнорирование этого факта, по мнению ученого, идет вразрез с обоснованным толкованием природы уголовно-процессуальных доказательств (ст. 74 УПК РФ)[2].

Другие придерживаются иной позиции, согласно которой способы формирования доказательств считаются средствами доказывания[3], что нам видится более обоснованным. Если обратиться к лексическому значению слова «средства», то мы увидим, что оно определяется как «прием, способ действий, совокупность приспособлений»[4]. В свою очередь такое толкование понятия применительно к доказательственному праву дает основания для вывода о том, что средства доказывания в своей сущности представляют собой совокупность приемов и способов получения сведений, имеющих значение для правильного разрешения заявления (сообщения) о преступлении.

В УПК РФ нет определенной системы средств доказывания, прибегнув к которой возможно проверить сообщение о преступлении. Как нам видится, с учетом сквозного характера познания в уголовном процессе и имеющихся универсальных процедур его осуществления, раскрывая вопрос о системе средств познания, необходимо обратиться к положениям гл. 11 УПК РФ. Активное получение доказательств производится двумя способами: посредством осуществления следственных и иных процессуальных действий. Учитывая особенности стадии возбуждения уголовного дела, включая особенности процедуры доказывания, полагаем, что на этом этапе осуществляется

исключительно активное собирание доказательств должностным лицом при производстве проверки поступившего сообщения. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела напрямую зависит от максимально полного использования непроцессуальной информации, которая выполняет несколько функций. Она может быть востребована как способ установления потенциальных источников доказательственной информации. Кроме того, ориентирующая информация традиционно используется дознавателем и следователем при планировании производства предварительного расследования, разработке тактики производства комплекса, а также единичных следственных действий. Данные криминалистической регистрации уже на этапе возбуждения уголовного дела позволяют устанавливать и разыскивать вещественные доказательства, следы, предметы и документы, которые в дальнейшем могут служить объектами различного рода экспертных исследований. Если предварительная проверка сообщения о преступлении производится в отношении конкретного лица, то соответствующая информация помогает установить его причастность (непричастность).

Информация, полученная из криминалистических учетов, по мнению подавляющего большинства ученых-процессуалистов, не имеет доказательственного значения, носит вспомогательный характер, за исключением тех случаев, когда она трансформируется путем производства следственных и иных процессуальных действий в доказательства[5]. Таким образом, в рамках проверки сообщения о преступлении с точки зрения привлечения сведений из криминалистических учетов интерес представляют производство следственных действий, а также получение и использование непроцессуальной информации для установления основания возбуждения уголовного дела.

Производство следственных действий возможно в стадии возбуждения уголовного дела в четко определенных пределах. Как указано в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, до возбуждения уголовного дела допустимо назначить судебную экспертизу и получить образцы для сравнительного исследования, произвести осмотр места происшествия, предметов и документов, осмотр трупа, а также освидетельствование.

Полагаем, что, учитывая бесспорное доказательственное значение результатов перечисленных выше следственных действий, необходимо четко определить процессуальные условия их производства в стадии возбуждения уголовного дела. УПК РФ содержит императивное предписание о том, что осмотр места происшествия и освидетельствование допустимы до возбуждения уголовного дела только в случаях, не терпящих отлагательства, а осмотр трупа – при необходимости. При этом законодатель в тексте УПК РФ не разъясняет, чем может быть обусловлена необходимость производства осмотра трупа в стадии возбуждения уголовного дела. Мы склонны согласиться с мнением С. А. Грачева о том, что сочетания «не терпящие отлагательства случаи» и «при необходимости» используются как синонимы, и поддержать его предложение отказаться от одного из них в пользу другого при регламентации возможности производства данных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела[6]. Случаи, не терпящие отлагательства, – категория оценочная, они, как правило, определяются степенью опасности утраты следов преступления под воздействием определенных лиц или негативных природных явлений[7].

Приведенные законодательные формулировки говорят о минимизации использования рассматриваемых средств доказывания до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Подобный подход стал, на наш взгляд, причиной появления концепции розыскного характера познавательной деятельности до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, в рамках которой отдельные следственные действия рассматриваются лишь как способ обеспечения доказательств по аналогии с гражданским судопроизводством[8].

Думается, что законодательное оформление целей производства осмотра места происшествия и освидетельствования не дает оснований для подобного утверждения. Так, в ч. 1 ст. 176 УПК РФ говорится о том, что целями производства осмотра места происшествия являются в равной мере как обнаружение следов преступления, так и установление иных обстоятельств, имеющих значение для дела. В соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование направлено на обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. Следовательно, как нам видится, необходимо вести речь не только об обеспечительной функции указанных следственных действий:

посредством их решается проблема установления сведений, которые дают основания для возбуждения уголовного дела, в том числе и в случае, когда перед следователем либо дознавателем встает вопрос об адресном возбуждении уголовного дела (в отношении конкретного лица).

Данные криминалистических учетов достаточно часто являются востребованными при производстве экспертизы как в стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве предварительного расследования. Производство экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела являлось предметом перманентных научных дискуссий, результатом которых стало многократное изменение редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Наибольшее одобрение, причем не только в научной литературе, но и на законодательном уровне, получила позиция, обосновывающая необходимость производства судебной экспертизы. Но Федеральным законом от 09.03.2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[9] существенным образом была изменена процедура проверки сообщения о преступлении: возможность назначения и производства экспертизы была упразднена с заменой ее на иную форму использования специальных познаний – проведение предварительных исследований. Причиной такого законодательного решения были объективные трудности правоприменителя, сопряженные с назначением судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку само назначение экспертизы – это лишь одно из целого комплекса процессуальных действий, обеспечивающих проведение специальных исследований. Только лишь через назначение экспертизы невозможно сформировать доказательство, так как экспертом еще не проведено собственно исследование представленных объектов. В этой связи мы согласны с позицией С. А. Шейфера, который указал на недопустимость разделения назначения и производства экспертизы, поскольку только вместе они дают результат, имеющий доказательственное значение[10]. Именно по этому пути пошел законодатель, вновь внеся в ч. 1 ст. 144 УПК РФ изменения, которые допускают не только назначение, но и производство экспертизы и получение заключения эксперта в разумный срок. Кроме того, в качестве следственного действия, обеспечивающего возможность производства экспертных исследований, может выступать получение образцов для сравнительного исследования[11]. Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23 была введена ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которой результаты производства следственных и иных процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела используются в качестве доказательств при условии их соответствия требованиям ст. 75, 89 УПК РФ. Кроме того, при возникновении сомнений в достоверности экспертного заключения стороны ходатайствуют о производстве дополнительной или повторной экспертизы уже после возбуждения уголовного дела, и в удовлетворении такого ходатайства отказано быть не может.

Изучение следственно-судебной практики последовательно убеждает в том, что от полноты внесения в процессуальные документы сведений о совершенном преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, что чаще всего осуществляется именно в ходе оперативно-розыскной деятельности, зависят эффективность и оперативность расследования. Вместе с тем анализ архивных материалов уголовных дел позволяет утверждать, что в абсолютном большинстве случаев вопрос о юридической силе именно таких доказательств ставится с целью исключения их из процесса доказывания в связи с несоответствием требованиям УПК РФ, то есть из-за несоблюдения требований уголовно-процессуальной формы либо ее отсутствия. Так, по данным, обобщенным Воронежским областным судом по уголовным делам, рассмотренным по первой инстанции в 2015 г., в 46 % всех заявленных ходатайств об исключении доказательств ставился вопрос о юридической силе доказательств, собранных в стадии возбуждения уголовного дела, а 59,2 % из них – доказательств, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

Предпосылки придания процессуальной формы доказательства по делу оперативной информации, включая данные криминалистических учетов, содержатся в отдельных положениях действующего законодательства:

1) ст. 89 УПК РФ допускает возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам при условии их соответствия требованиям уголовно-процессуального законодательства; кроме того, ст. 11 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит корреспондирующее положение;

2) п. 36.1 ст. 5 УПК РФ дает определение результатов оперативно-розыскной деятельности как сведений, полученных в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия и суда;

3) ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает в качестве способа проверки сообщения о преступлении дачу дознавателем, следователем, руководителем следственного органа обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Основной массив криминалистически значимой информации трансформируется в доказательства уже в стадии предварительного расследования. Как правило, это результаты оперативно-розыскной деятельности, которые должны соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам в соответствии со ст. 74 УПК РФ. Во исполнение положений ст. 89 УПК РФ и на основании ч. 2 ст. 11 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» была принята межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд[12]. Касательно данных криминалистических учетов она содержит следующие принципиальные положения: 1) материалы наглядно-образного отображения значимых для дела фактов (фотографии, видеопленки, фонограммы), которые являются потенциальными объектами криминалистической регистрации, приобщаются к уголовному делу в качестве доказательств (п. 16); 2) результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе (п. 20); 3) результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для подготовки и осуществления процессуальных действий, должны содержать сведения о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; возможных источниках доказательств; местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу (п. 19). Таким образом, фактически вся криминалистически значимая информация может быть классифицирована на два вида: 1) информация, которая при придании ей определенной уголовно-процессуальным законом формы может быть трансформирована в доказательства и, соответственно, положена в основу принятия основных процессуальных решений по уголовному делу; 2) информация, которая остается только вспомогательной (ориентирующей) и используется для принятия тактических решений и выработки оптимальной методики расследования с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела.

Наиболее спорным с точки зрения доказательственного права является вопрос о форме предоставления регистрационной информации первого вида[13]. В частности, полученные из регистрационных органов справки о судимости традиционно рассматриваются как вид доказательств, относимых к категории «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). И, как справедливо отмечает С. В. Зуев, доказательственное значение может иметь не только положительный, но и отрицательный ответ регистрационного органа: когда сообщается, что объект проверки по учету не значится, это может доказывать то или иное смягчающее обстоятельство, например совершение преступления впервые[14]. Дискуссию вызывает иной вопрос: можно ли при проверке тождества довольствоваться только данными проверки по учетам либо необходимо производство экспертизы? Наиболее аргументированной нам представляется точка зрения тех специалистов, которые считают окончательным только отрицательный ответ регистрационного органа[15]. Положительный же ответ

имеет ориентирующий характер и требует дополнительных экспертных исследований. Приведенный тезис, на наш взгляд, может быть подтвержден следующим. Во-первых, положительное решение вопроса о тождестве объекта регистрации может иметь негативные последствия для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, что должно повлечь дополнительные гарантии защиты его прав и законных интересов. Во-вторых, ответ специалиста информационного центра не является аналогичным заключению эксперта ни в фактическом, ни в процессуальном смысле. Изобличение лица с использованием папиллярных узоров осуществляется только узкопрофильным специалистом в области дактилоскопирования, который выполняет функции эксперта, а соответственно, имеет определенный процессуальный статус (ст. 57 УПК РФ). В-третьих, существенной гарантией защиты прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) является установленный законом порядок назначения и производства экспертизы (ст. 195, 198, 199, 204–206 УПК РФ), предполагающий вынесение целого ряда процессуальных актов (постановления о назначении экспертизы, протоколов ознакомления подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, а в некоторых случаях и свидетеля как с вышеупомянутым постановлением, так и с заключением эксперта). Кроме того, лицо, в отношении которого проводится экспертное исследование, обладает комплексом процессуальных прав. Таким образом, получив информацию по линии криминалистической регистрации, следователь (дознаватель) должен решать вопрос о назначении экспертизы.

Данные криминалистической регистрации могут быть востребованы для анализа материалов по другим преступлениям (например, совершенных сходными способами), поиска лица по приметам внешности, использования вещественных доказательств, полученных при осмотрах мест происшествий по другим уголовным делам. Указанные данные влияют на принятие таких процессуальных решений, как решение о соединении или выделении уголовных дел. В соответствии с ч. 1 ст. 153 УПК РФ основаниями для соединения уголовных дел в одно производство могут быть: 1) совершение одного или нескольких преступлений в соучастии, 2) совершение одним лицом нескольких преступлений, 3) заранее не обещанное укрывательство. При расследовании преступлений, совершенных в соучастии, как правило, выдвигается и проверяется версия о совершении данной группой аналогичных преступлений. В качестве источников криминалистически значимой информации по данному вопросу выступают как находящиеся в производстве, так и приостановленные или прекращенные по нереабилитирующим основаниям уголовные дела; карточки первичного учета преступлений; материалы об отказе в возбуждении уголовных дел; учеты ранее судимых и т. д. Как показывает анализ правоприменительной практики, второе основание соединения уголовных дел встречается значительно чаще (около 90 % случаев)[16] и охватывается уголовно-правовым термином «множественность преступлений».

Решение о соединении уголовных дел по рассмотренным основаниям принимается исходя из данных о следах преступника, совершении преступления одним и тем же способом, использовании одного и того же оружия, одних и тех же средств совершения преступления, одних и тех же приметах преступника, поступивших из различных источников. Указанные сведения могут быть получены в результате проверки по местным и централизованным учетам преступлений с характерными способами совершения. В этой связи нам представляется вполне оправданным рассмотрение способа совершения преступления как объекта криминалистической идентификации, поскольку, как справедливо отмечается в специальной литературе, он содержит анализ и обоснование возможностей использования отождествления способов однородных преступлений в целях производства дальнейших следственных действий[17].

В качестве самостоятельного основания соединения уголовных дел, как уже было отмечено выше, законодатель предусматривает причастность лиц к преступлению, выраженную в форме заранее не обещанного укрывательства. В соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. Криминалистическому анализу в таких случаях должны подвергаться похищенные предметы, основные свойства и признаки которых подлежат внесению в ифнормационно-поисковые карты. Похищенные вещи и орудия преступления, найденные в ходе расследования, проверяются по АИПС «Вещи», «Оружие», «Автопоиск» и др.

Кроме того, криминалистически значимая информация используется при производстве по уголовному делу и для определения тактики расследования. Полученные с помощью криминалистических учетов сведения о задержании лица в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, его привлечении к административной или уголовной ответственности должны учитываться при выборе тактических приемов производства следственных действий (например, допроса подозреваемого, опознания и т. д.). Профессиональное использование данных криминалистической регистрации уже на этапе осмотра места происшествия влечет за собой раскрытие преступления по горячим следам.

Многогранность и многофункциональность данных криминалистической регистрации не позволяет исчерпывающим образом определить все случаи их использования при производстве по уголовному делу. Однако бесспорно, что криминалистические учеты имеют первостепенное значение в информационном обеспечении предварительного расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Селина Е. В. Средства доказывания в российском уголовном процессе: вчера, сегодня, завтра // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 182.

[2] См.: Зажицкий В. И. Соотношение доказывания в уголовном процессе и познания, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2010. № 75.

[3] См.: Коридзе М. Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и пути их решения // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 126.

[4] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 75.

[5] См.: Исаенко В. Н. Критерии комплексной оценки прокурором материалов предварительного расследования // Законность. 2013. № 9. С. 17.

[6] См.: Грачев С. А. К вопросу о применении терминов «безотлагательность», «исключительность» и «необходимость» в нормах уголовно-процессуального права // Мировой судья. 2011. № 3. С. 20–22.

[7] См.: Кальницкий В. В. Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : избр. тр. Омск, 2016. С. 75–77.

[8] См.: Трусов А. И. Доказательства и иные материалы, собираемые вне производства по уголовному делу. Воронеж, 1987. С. 115–117.

[9] См.: Российская газета. 2010. 12 марта.

[10] См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 56, 82.

[11] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] См.: Кореневский Ю. В., Токарева М. Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М., 2000. С. 62.

[14] См.: Зуев С. В. Положения Инструкции в решении вопроса о законности приговора: анализ практики // Законность. 2016. № 4. С. 58–60.

[15] См.: Макаров А. В., Фирсов О. В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам // Российский следователь. 2012. № 8. С. 36; Наумов М. В. Условия, мотивы и основания задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. С. 839.

[16] См.: Медведев Е. В. Судимость и ее место в системе средств реализации уголовной ответственности // Мировой судья. 2010. № 3. С. 19.

[17] См.: Данилова Б. Г., Цатурян Т. В., Саркисов Р. Р. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния // Российский судья. 2013. № 10. С. 18.

[1] Sm.: Selina E. V. Sredstva dokazyvanija v rossijskom ugolovnom processe: vchera, segodnja, zavtra // Advokatskaja praktika. 2015. № 5. S. 182.

[2] Sm.: Zazhickij V. I. Sootnoshenie dokazyvanija v ugolovnom processe i poznanija, osushhestvljaemogo v stadii vozbuzhdenija ugolovnogo dela // Rossijskaja justicija. 2010. № 75.

[3] Sm.: Koridze M. T. Sovremennye zadachi stadii vozbuzhdenija ugolovnogo dela i puti ih reshenija // Novyj juridicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 126.

[4] Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1960. S. 75.

[5] Sm.: Isaenko V. N. Kriterii kompleksnoj ocenki prokurorom materialov predvaritel'nogo rassledovanija // Zakonnost'. 2013. № 9. S. 17.

[6] Sm.: Grachev S. A. K voprosu o primenenii terminov «bezotlagatel'nost'», «iskljuchitel'nost'» i «neobhodimost'» v normah ugolovno-processual'nogo prava // Mirovoj sud'ja. 2011. № 3. S. 20–22.

[7] Sm.: Kal'nickij V. V. Voprosy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva : izbr. tr. Omsk, 2016. S. 75–77.

[8] Sm.: Trusov A. I. Dokazatel'stva i inye materialy, sobiraemye vne proizvodstva po ugolovnomu delu. Voronezh, 1987. S. 115–117.

[9] Sm.: Rossijskaja gazeta. 2010. 12 marta.

[10] Sm.: Shejfer S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovanija. M., 2008. S. 56, 82.

[11] Sm.: O vnesenii izmenenij v stat'i 62 i 303 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 04.03.2013 g. № 23-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

[12] Ob utverzhdenii Instrukcii o porjadke predstavlenija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti organu doznanija, sledovatelju ili v sud : prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii № 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii № 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27.09.2013. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

[13] Sm.: Korenevskij Ju. V., Tokareva M. E. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dokazyvanii po ugolovnym delam. M., 2000. S. 62.

[14] Sm.: Zuev S. V. Polozhenija Instrukcii v reshenii voprosa o zakonnosti prigovora: analiz praktiki // Zakonnost'. 2016. № 4. S. 58–60.

[15] Sm.: Makarov A. V., Firsov O. V. Osobennosti ispol'zovanija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v processe dokazyvanija po ugolovnym delam // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 8. S. 36; Naumov M. V. Uslovija, motivy i osnovanija zaderzhanija lica po podozreniju v sovershenii prestuplenija // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2013. № 7. S. 839.

[16] Sm.: Medvedev E. V. Sudimost' i ee mesto v sisteme sredstv realizacii ugolovnoj otvetstvennosti // Mirovoj sud'ja. 2010. № 3. S. 19.

[17] Sm.: Danilova B. G., Caturjan T. V., Sarkisov R. R. Sposob sovershenija prestuplenija kak kvalificirujushhij priznak prestupnogo dejanija // Rossijskij sud'ja. 2013. № 10. S. 18.

УДК 343.848.2

Трудовое и бытовое устройство осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, в 1924–1953 гг. (историко-правовой анализ)

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. С. ЯКУШИНА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией трудового и бытового устройства осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы, в РСФСР в период 1924–1953 гг. Анализируются причины и условия рецидивной преступности лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и проблемы ее предупреждения. На основании анализа исправительно-трудового законодательства, регламентировавшего трудовое и бытовое устройство освобождаемых осужденных, а также организацию данной деятельности в исправительно-трудовых учреждениях, дается оценка их эффективности.

Ключевые слова: пенитенциарная система; история; трудовое устройство; бытовое устройство; Советское государство; исправительно-трудовая политика.

The labor and household device of convicts released from places of deprivation of liberty in 1924–1953 (historical and legal analysis)

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow regional branch of the Moscow V. Ja. Kikotya University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor;

E. S. YAKUSHINA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow regional branch of the Moscow V. Ja. Kikotya University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law

The article discusses issues related to the labor and household device of convicted persons released from imprisonment places in the Russian Federation in the years 1924-1953. There are analyzed the causes and conditions of recidivism of persons who have served punishment of deprivation of liberty and its prevention.

Based on the analysis of the labor correctional legislation, regulating the labor and household device of convicts, and organization of the activities in the correctional labor institution is given an evaluation of their effectiveness.

Key words: penal system; the history; the labor device; household appliance; Soviet state; correctional labor policy.

Тема предупреждения рецидивной преступности и эффективной социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, а также вопросы трудового и бытового устройства освобождающихся являются актуальными независимо от исторического периода развития государства. Однако ретроспективный анализ содержа-

ния проводимой по данным направлениям работы представляет определенный интерес в целях оценки ее эффективности и возможного учета в современных условиях. На наш взгляд, советский опыт первой половины XX в. в обозначенной сфере весьма ценен. Так, основы исправительно-трудовой политики Советского государства середины 1920-х гг., получившие юридическое закрепление в ИТК РСФСР 1924[1], предусматривали организацию в исправительно-трудовой системе учреждений, оказывающих различные виды помощи освобождаемым из мест лишения свободы. Содержание этой работы достаточно подробно было определено в отделе X ИТК РСФСР. Организация помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения имела своей целью:

а) оказание материальной помощи неимущим осужденным;

б) оказание необходимой поддержки при возращении их на Родину или место постоянного жительства по освобождении из мест лишения свободы;

в) предоставление после освобождения на первое время помещения для проживания на льготных условиях;

г) предоставление ссуд на приобретение рабочих инструментов и обзаведение необходимыми предметами домашнего обихода;

д) устройство мастерских и предприятий для применения труда лиц, отбывших наказание;

е) подыскание им занятий;

ж) оказание юридической и медицинской помощи;

з) профессиональное и образовательное их развитие.

Решение поставленных задач Главное управление местами заключения РСФСР (далее – ГУМЗ РСФСР) осуществляло при участии советских, профессиональных и партийных органов (ст. 228 ИТК РСФСР 1924 г.). С этой целью предусматривалось в каждой губернии (области) организовать комитеты помощи освобождающимся из мест заключения. Для выполнения своих функций комитеты должны были располагать финансовыми средствами, источники поступления которых были четко определены: специальное ассигнование по общегосударственному и местному бюджету, доходы и прибыли от организуемых предприятий, а также специальные или целевые взносы, поступающие от учреждений и лиц.

Трудности организационного характера решались за счет предоставления комитету права ходатайствовать о помещении освобождаемых из мест заключения в переходные исправительно-трудовые дома, где они, не лишаясь прав свободных граждан, в полной мере подчинялись бы установленной трудовой дисциплине. Стоит отметить, что данный тип учреждений не получил развития из-за отсутствия необходимого количества контингента.

На комитеты помощи наряду с предоставлением жилья для временного (в пределах шести месяцев) проживания освобожденных из мест лишения свободы возлагалась обязанность обеспечения их питанием и медицинским обслуживанием. Они также должны были помогать решать вопросы временного трудоустройства до подыскания постоянной работы и устройства быта. Основываясь на опыте своей работы, комитеты пришли к выводу, что наиболее реалистичным путем решения поставленных перед ними задач является создание собственных производственных предприятий.

Ликвидация безработицы в стране к началу 1930-х гг. сняла остроту проблемы трудоустройства освобождающихся заключенных, поэтому Положением об ИТЛ 1930 г.[2] предусматривалось только создание особого фонда для материальной поддержки лиц, освобождаемых из лагерей, за счет частичных удержаний причитающегося заключенным премиального вознаграждения, отчислений от заработной платы и прочих поступлений.

Дальнейшее решение вопроса об оказании помощи осужденным в период отбывания наказания и после освобождения сопровождалось созданием фонда премирования. Он образовывался из 5-процентных отчислений от чистого дохода исправительно-трудовых колоний. Средства фонда подразделялись на три части: 30 % – на премирование ударников, 50 % – на улучшение быта содержащихся в ИТУ и 20 % – на оказание помощи освобождаемым.

В 1934 г. ГУИТУ издало циркуляр № 147 «О порядке выдачи пособий отбывавшим меру социальной защиты». В нем предусматривались возможности выдачи пособия самим начальником исправительно-трудового учреждения или постановки вопроса о выдаче перед наблюдательной комиссией. К заключению о выдаче пособия прилагались справки об имущественном положении, семейном положении, накоплениях, состоянии одежды, о том, по какой специальности освобождаемый проходил профессиональное техническое обучение, и др. В заявлении заключенный указывал, для чего просит

оказать помощь и в какой форме – денежной или натуральной.

Пособие могло выдаваться на следующие нужды:

а) на проезд к прежнему или вновь избранному месту жительства и довольствие в пути;

б) провоз семьи и необходимого имущества в ту местность, где освобождаемый рассчитывал обосноваться;

в) приобретение нескольких орудий производства для той работы, которой предполагает заниматься (пила, топор, инструменты и т. д.);

г) уплату взносов, установленных для вступления в колхоз или артель;

д) приобретение необходимой одежды и обуви.

В отдельных случаях на основании наблюдения за жизнью и работой лица в первое время после освобождения могло быть продолжено оказание ему помощи в той или иной форме по инициативе наблюдательной комиссии. Пособия подразделялись на два вида: возвратные и безвозвратные. Возвратное пособие выдавалось на срок не более года и предназначалось для уплаты взносов при вступлении в колхоз или артель, приобретения инструментов.

Несколько иначе обстояло дело в исправительно-трудовых лагерях. Их руководители понимали, что интересы борьбы с рецидивной преступностью требуют оказания материальной помощи заключенным в первое время после освобождения, поэтому в лагерях стали создаваться фонды помощи освобождающимся. В частности, создание такого фонда и порядок его расходования регулировались специальным циркуляром, изданным 12.10.1933 г. Фонд помощи освобождающимся формировался из начислений на списочный человеко-день. Их размер устанавливался распоряжением финансового отдела управления лагеря. В фонд помощи зачислялись также деньги, конфискованные у заключенных по постановлениям соответствующих органов. Средства из фонда не могли тратиться на поощрение и премирование заключенных, а также оказание им помощи в период отбывания наказания. Освобождаемым, если они получали за свой труд премиальное вознаграждение свыше 50 руб. в месяц, денежная помощь не оказывалась. Не могли на ее получение претендовать и те, кто оставался после отбывания наказания на работе в лагерях по вольному найму. Из фонда пособие выдавалось только тем заключенным, которые по разным причинам не имели средств к существованию даже на первое время. Эти лица получали по 2 руб. в сутки во время нахождения в пути к месту избранного места жительства и на первые 15 дней по прибытии на место. Общая же сумма денежной помощи не могла превышать 50 руб.[3]

Научный интерес в контексте исследуемой нами проблемы представляет содержание приказа начальника Дмитровского исправительно-трудового лагеря от 28.02.1933 г. № 45 «Об организации при культурно-воспитательном отделе управления Дмитровского ИТЛ комиссии связи»[4]. Перед данной комиссией ставились задачи установления письменной связи со всеми освобождающимися заключенными и оказания им помощи. В качестве приложения к приказу была разработана инструкция «О комиссии связи лагерей ОГПУ», носившая ярко выраженный классовый характер, так как касалась только социально близких власти заключенных. Цель деятельности комиссии состояла в оказании помощи советами, разъяснении законодательства освобождающимся из лагерей. Руководствовалась она в этом правительственными и иными специальными указаниями Народного комиссариата юстиции и органов ОГПУ.

В обязанности комиссии входило направление писем полномочным представителям ОГПУ по вопросам оказания освобождающимся заключенным помощи в трудовом устройстве. Кроме того, на нее возлагались задачи профилактического характера: организация переписки с социально близкими лицами о новой жизни и работе после освобождения, культурном обслуживании по месту жительства и участии в этом самих неисправившихся осужденных с тем, чтобы полезными советами и указаниями удержать их от возврата к старому, преступному образу жизни. Руководство лагерей усматривало в переписке конкретный наглядный аттестационный материал, поэтому письма, представляющие интерес с точки зрения воспитательного воздействия, следовало передавать в культурно-воспитательный аппарат для использования в повседневной работе.

Чтобы придать значимость комиссиям связи, организуемым при культурно-воспитательных отделах управлений лагерей, несмотря на широкое использование заключенных в управленческом аппарате в те годы, они формировались исключительно из вольнонаемных сотрудников в составе трех человек: председатель – начальник

культурно-воспитательного отдела, секретарь центральной аттестационной комиссии и представитель партийной организации лагеря. Комиссии первоначально действовали на общественных началах, а впоследствии в культурно-воспитательных отделах были введены соответствующие штатные должности и определены обязанности сотрудников. Комиссии должны были по согласованию с начальником управления лагеря заранее договариваться с местными территориальными организациями и управлениями новостроек о возможности трудоустройства у них после освобождения исправившихся заключенных[5].

Значительное число освобождавшихся из мест лишения свободы ежегодно препятствовало решению поставленной задачи по их трудоустройству, так как фактически данная работа проводилась на общественных началах. В связи с этим из общей массы освобождаемых стали выделяться ударники производства, нуждающиеся в трудоустройстве. Для обеспечения их работой при культурно-воспитательном отделе предусматривалось создание бюро по трудоустройству бывших заключенных в составе старшего инспектора, трех инспекторов и одного помощника инспектора из числа вольнонаемных работников[6]. На организованное бюро по трудоустройству возлагались также следующие задачи: во-первых, заключение соглашений с промышленными предприятиями и новостройками и широкое оповещение о вакансиях и условиях работы; во-вторых, организация и поддержание постоянной связи с предприятиями, новостройками и направленными на работу бывшими заключенными на предмет выяснения условий работы и быта последних; в-третьих, проверка состояния и организации работы по трудоустройству ударников в подразделениях лагеря.

Размер денежной помощи освобождающимся из специального фонда определялся начальником района или начальником отдельного участка. В случае выявленной необходимости могла быть оказана повторная материальная помощь. В частности, помощь в сумме свыше 25 руб. могла выдаваться с санкции начальника лагеря или его заместителей[7].

Заключенные, зарекомендовавшие себя в лагерях как ударники производства, представляли повышенный интерес для власти с точки зрения дальнейшего участия в социалистическом строительстве, поэтому о них проявлялась особая забота в плане трудового и бытового устройства после освобождения из лагеря. В частности, всем заключенным, получающим снижение срока наказания или досрочное освобождение за строительство канала Москва–Волга, дополнительно выдавались:

а) специальные удостоверения, свидетельствующие о том, что они ударно работали на строительстве канала Москва–Волга;

б) билеты на проезд к избранному ими месту жительства;

в) деньги на питание в пути;

г) указания по месту избранного ими места жительства (не в режимной полосе) об устройстве их на работу на строительстве, заводах или в сельском хозяйстве;

д) предписания органам милиции о прописке их в избранных ими местах жительства[8].

Непосредственно в предвоенные годы, во время Великой Отечественной войны и до середины 1950-х гг. тема трудового и бытового устройства освобождаемых из мест заключения не поднималась в силу субъективных и объективных причин, хотя необходимость решения проблем в этой сфере была очевидна.

Практика исправительно-трудовых учреждений подтвердила несостоятельность попытки достигнуть нужных результатов мерами принудительного характера, о чем свидетельствовала высокая рецидивная преступность среди освобождающихся от наказания. Требовались иные меры, и вовсе не случайно, формулируя свои предложения, направленные на повышение эффективности борьбы с преступностью, к предстоявшему в 1950 г. совещанию министров внутренних дел, начальников УМВД краев и областей, министр внутренних дел Украины писал: «Из тюрем и лагерей освобождается значительное число лиц, не имеющих дома, семьи и средств к существованию, которые нередко снова возвращаются к преступной деятельности. Считать необходимым обязательно трудоустраивать таких лиц на строительстве, промышленных предприятиях и сельском хозяйстве. Обязать начальников тюрем, колоний и лагерей МВД о каждом освобожденном из мест заключения сообщать соответствующим органам милиции»[9]. К сожалению, это предложение длительное время по различным причинам не находило практической реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 16.10.1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

[2] См.: Положение об исправительно-трудовых лагерях (утв. СНК СССР 07.04.1930) // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.

[3] См.: ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 3а. Л. 17.

[4] См.: Там же. Д. 25. Т. 2. Л. 80.

[5] См.: Там же. Л. 375–380.

[6] См.: Там же. Д. 69. Т. 1. Л. 72.

[7] См.: Там же. Ф. Р-9414. Оп. 2. Д. 76. Л. 106.

[8] См.: Там же. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 114. Л. 166–167.

[9] Жилкин М. Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 73–78.

[1] Sm.: Ob utverzhdenii Ispravitel'no-trudovogo kodeksa RSFSR : postanovlenie VCIK ot 16.10.1924 g. // SU RSFSR. 1924. № 86. St. 870.

[2] Sm.: Polozhenie ob ispravitel'no-trudovyh lagerjah (utv. SNK SSSR 07.04.1930) // SZ SSSR. 1930. № 22. St. 248.

[3] Sm.: GARF. F. 9489. Op. 2. D. 3a. L. 17.

[4] Sm.: Tam zhe. D. 25. T. 2. L. 80.

[5] Sm.: Tam zhe. L. 375–380.

[6] Sm.: Tam zhe. D. 69. T. 1. L. 72.

[7] Sm.: Tam zhe. F. R-9414. Op. 2. D. 76. L. 106.

[8] Sm.: Tam zhe. F. 9489. Op. 2. D. 114. L. 166–167.

[9] Zhilkin M. G. Ponjatie, proishozhdenie, pravovaja priroda pravopolozhenij i ih rol' v pravovom regulirovanii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 10. S. 73–78.

УДК 343.825

Роль библиотеки исправительного учреждения в организации воспитательной работы с осужденными

А. М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается роль библиотеки исправительного учреждения в организации воспитательной работы с осужденными, в частности раскрываются особенности формирования общественного мнения в коллективе осужденных на основе уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, представлен опыт исправительных учреждений по организации деятельности библиотек.

Ключевые слова: библиотека исправительного учреждения; осужденные; воспитательная работа; общественное мнение; социально-информационная среда.

The role of the library of the correctional institution in the organization of educational work with convicts

A. M. RUDAKOV – Researcher of the Research Laboratory of the Organizatinal and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the role of libraries in correctional institutions in the organization of educational work with convicts. In particular, the author reveals the features of formation of public opinion in the team of convicts on the basis of respect for human beings, society, labour, norms, rules and traditions of human society, using the potential of libraries. The article also presents the experience of correctional institutions to organize the activities of libraries.

Key words: library of the correctional institution; prisoners; educational work; public opinion; social and informational environment.

В числе основных задач воспитательной работы с осужденными в условиях исправительного учреждения можно выделить формирование (изменение) определенной

мотивационной структуры человека или устойчивых интересов личности в социально одобряемом направлении. В решении данной задачи задействованы все подразделения и службы исправительного учреждения, в числе которых особо хотелось бы выделить библиотеку. Книгохранилище и читальный зал библиотеки в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.08.1997 г. № 974 «Об утверждении норм создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях» включены в материально-техническую базу для организации указанной работы[1]. Вместе с тем в УИК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие участие библиотек в организации воспитательной работы с осужденными. Воспитательный элемент не раскрыт и в международных правовых актах. Так, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными регламентируют лишь некоторые общие организационные аспекты функционирования библиотеки. Так, пункт 64 правил гласит: «Каждое заведение должно иметь библиотеку, доступную для всех категорий заключенных и содержащую книги как развлекательного, так и образовательного содержания. Всех заключенных следует поощрять к пользованию библиотекой»[2]. Подобное положение (п. 41) отмечено и в Правилах Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы[3]. Европейские пенитенциарные правила немного расширяют организационные аспекты деятельности библиотек: «По возможности, работу библиотек пенитенциарных учреждений следует организовывать совместно с местными библиотечными службами» (п. 6)[4]. Регламентация деятельности библиотеки исправительного учреждения отсутствует в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), и в Руководящих принципах Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы).

Тем не менее результаты исследований, проведенных сотрудниками ВИПЭ ФСИН России в 2017 г. на базе 73 территориальных органов ФСИН России, сделали акцент на потенциале библиотек, который может быть успешно использован в организации воспитательной работы. Так, согласно полученным сведениям, активными пользователями библиотечного фонда исправительных учреждений являются более 40 % осужденных, объем библиотечного фонда составляет более 5,5 млн книг. В 2016 г. централизованное пополнение фонда составило 0,6 %, вместе с тем около 4 % книг было получено от общественных и религиозных организаций. Более того, в ряде учреждений имелся доступ к электронным библиотекам: НЭБ (http://нэб.рф) – все исправительные учреждения ГУФСИН России по Красноярскому краю, Пермская, Тюменская, Арзамасская, Мариинская, Архангельская, Бобровская, Кировоградская, Кизилюртовская воспитательные колонии, КП-15 УФСИН России по Оренбургской области; РНБ (www.nlr.ru) – Ангарская воспитательная колония; http://school-collection.edu.ru – СИЗО-1 УФСИН России по Хабаровскому краю; Библиотека русской классики (http://www.rulibrary.ru) – Новооскольская воспитательная колония; ЭБС Znanium.com (http://znanium.com) – Колпинская воспитательная колония. Фонды библиотек, как правило, составляет литература патриотического, исторического, юридического и художественного содержания.

В ходе исследования выявлены следующие формы деятельности библиотек исправительных учреждений в аспекте организации воспитательной работы с осужденными:

Во-первых, библиотека представляет собой платформу для презентативной работы, проведения массовых образовательных мероприятий (выставки книг, беседы, тематические чтения), организации встреч со специалистами различных отраслей знаний, конкурсов, литературных игр и викторин. Так, например, в 2016 г. на базе библиотек исправительных учреждений УФСИН России по Ивановской области были проведены такие мероприятия, как всероссийский конкурс «Калина красная», конкурс «Поэзия неволи», выставка-конкурс декоративно-прикладного творчества, живописи, мягкой игрушки; читательская конференция «Твори добро»; выставка поделок на читательской конференции «Светлое Христово Воскресение»; читательская конференция, приуроченная к юбилейному году со дня создания к/ф «Девчата»; конкурс плакатов «Эхо войны» и «День защиты детей»; читательская конференция о героизме в годы войны «Матерь человеческая»; встреча с ветеранами Великой Отечественной войны; выставка-конкурс вязаных изделий «Оренбургский платок»; концерт для ветеранов; литературно-музыкальный вечер, посвященный твор-

честву актера Евгения Евстигнеева; выставка-конкурс живописи на православную тему «Явление»; конкурс «Новогодняя игрушка»; тематические выставки «Весна идет, весне дорогу», «Победный май», «День памяти и скорби», «Весна в народном творчестве»; викторина «Российское кино»; тематический вечер «Стоп наркотики»; цикл бесед «Жизнь замечательных людей».

Во-вторых, на базе рассматриваемых структурных подразделений может осуществляться взаимодействие с общественными и религиозными организациями. В библиотеке исправительного учреждения сотрудники и приглашенные специалисты организуют совместно с осужденными читательские конференции и публичные чтения художественной литературы, культурные и творческие мероприятия. Кроме того, осуществляется активное сотрудничество с городскими библиотеками и общественными организация по вопросам просвещения осужденных. Так, например, ИУ УФСИН России по Вологодской области активно взаимодействуют с Великоустюгской центральной районной библиотекой, Центральной библиотекой им. Верещагина (г. Череповец), МБУК «Объединение библиотек г. Череповец», Вологодской областной универсальной научной библиотекой им. И. В. Бабушкина (г. Вологда), Детско-юношеской библиотекой (г. Вологда), Грязовецкой районной библиотекой. Сотрудничество с Омским отделением Всероссийского общества слепых способствовало укомплектованию библиотек ИУ УФСИН России по Омской области литературой с шрифтом Брайля для слабовидящих и слепых людей.

В-третьих, участие осужденных в деятельности библиотек исправительных учреждений позволяет выявить у них педагогические умения и навыки, направить их на раскрытие творческого потенциала других осужденных. Так, организованные инициативными осужденными читательские конференции, кружки, группы по интересам способствуют развитию интереса к чтению у остальных осужденных, расширяют их читательский кругозор, развивают коммуникативные умения, создают условия для расширения спектра социально конструктивных интересов, позволяют ненавязчиво руководить чтением. Заслуживает внимания деятельность студии библиотечного дела «Живая книга» при клубе ИК-28 ГУФСИН России по Пермскому краю. Коллектив студии состоит из осужденных, которые объединились под руководством сотрудников для организации просветительских и культурно-массовых мероприятий, проводимых с использованием информационных ресурсов библиотеки исправительного учреждения. В студии созданы условия для полезного и социально-конструктивного досуга осужденных, развития их индивидуальных и творческих способностей, формирования у них общей культуры посредством углубленного изучения творчества поэтов и писателей, композиторов, спортсменов, режиссеров, политиков, оказания методической и практической помощи осужденным при организации образовательного и воспитательного процесса. Представляет интерес деятельность культурно-досугового центра «Мир знаний» ИК-7 УФСИН России по Калужской области, где на базе библиотеки под руководством сотрудников колонии и приглашенных специалистов изучаются русский язык и литература, история, этнография, прикладное искусство, информационные и компьютерные технологии, проводятся мероприятия по духовно-нравственному воспитанию осужденных.

В-четвертых, организация деятельности библиотеки исправительного учреждения может сочетаться с разнообразными возможностями психолого-педагогического воздействия на осужденных, например, при формировании в коллективе осужденных общественного мнения с социально приемлемым содержанием. В рассматриваемом аспекте важно отметить, что осужденные a priori не доверяют сотрудникам правоохранительных органов, поскольку их образ в значительной степени искажен средствами массовой информации и прежним социальным окружением. При этом, что немаловажно, уровень образования осужденных не является определяющим фактором, а проблемы воспитания и нравственности не могут быть им компенсированы[5]. Поэтому при организации воспитательной работы в среде осужденных важен принцип опосредованности, предполагающий непрямое психолого-педагогическое воздействие сотрудников и отсутствие обратной связи, которая, вероятнее всего, была бы негативной реакцией на навязывание новых для осужденных критериев правильного образа жизни, тем самым препятствуя усвоению информации. Этот принцип успешно может реализовать библиотека исправительного учреждения через создание образовательной, познавательно-семантической, культурно-досуговой социально-информационной среды, в том числе посредством взаимодействия с общественными и рели-

гиозными организациями, родительским комитетом.

Актуальность формирования иного общественного мнения с социально приемлемым содержанием в коллективе осужденных связана с проблемой «тюремнизации» сознания осужденных, которая и определяет отрицательное отношение спецконтингента к обществу, сотрудникам исправительных учреждений, формируя соответствующее общественное мнение в среде осужденных, восприятие которого другими членами обеспечивается угрозами расправы[6]. Условия функционирования библиотек позволяют ненавязчиво корректировать компоненты общественного мнения: когнитивный, чувственно-эмоциональный и, как результат, поведенческий[7]. Так, на когнитивном и чувственно-эмоциональном уровнях социально-информационные ресурсы библиотеки создают определенную систему координат, в рамках которой происходит как оценка (одобрение или отрицание), так и формирование отношения (положительного или отрицательного) человека к миру, событиям и процессам в нем, а также изменение смысложизненных ориентаций, которые влекут изменения в представлениях человека о реальности, поведении и жизни в целом[8].

Таким образом, полагаем, что роль библиотеки исправительного учреждения не должна сводиться только к использованию помещения для хранения книг и выдачи их осужденным. Библиотеки – это органичный элемент (субъект) организации воспитательной работы с осужденными, способный увеличить результативность психолого-педагогического воздействия на их личность, а также оказать влияние на процесс формирования общественного мнения с социально приемлемым содержанием в коллективе осужденных. Особый статус библиотеки исправительного учреждения среди иных субъектов воспитательной работы с осужденными определяется ее возможностями в обеспечении профессионального взаимодействия различных специалистов колонии, государственных учреждений и общественных организаций при реализации практически всех направлений воспитательной работы (духовно-нравственное, правовое, экологическое и др.), отсутствием административных полномочий представителя власти у персонала библиотеки, а также значительным потенциалом позитивного воздействия на внутреннюю мотивационную структуру личности осужденного, его мировоззрение и убеждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: СЗ РФ. 11.08.1997. № 32. Ст. 3787.

[2] См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (Резолюция Генеральной Ассамблеи 70/175, приложение, принятая 17 декабря 2015 года). URL: http://www.un.org/ru/rulevents/mandeladay/rules.shtm (дата обращения: 17.01.2017).

[3] См.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 17.01.2017).

[4] См.: URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/EPR/RU_%20commentary_EPR.pdf (дата обращения: 17.01.2017).

[5] См.: Потапов А. М., Лепщиков А. Н. О личности осужденных, освобождаемых от отбывания наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 3 (35). С. 23–30.

[6] См.: Сучкова Е. Л. Теоретико-методологические проблемы изучения психологии группового правосознания осужденных // Там же. С. 76–79.

[7] См.: Михайлов В. А. Общественное мнение: структурно-функциональный подход // Вестник ТвГУ. 2015. № 2. С. 35–49.

[8] См.: Ракитская О. Н., Серякова И. Н. Психотерапевтический потенциал социального конструктивизма // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 78–82.

[1] Sm.: SZ RF. 11.08.1997. № 32. St. 3787.

[2] Sm.: Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob#edinennyh Nacij v otnoshenii obrashhenija s zakljuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely) (Rezoljucija General'noj Assamblei 70/175, prilozhenie, prinjataja 17 dekabrja 2015 goda). URL: http://www.un.org/ru/rulevents/mandeladay/rules.shtm (data obrashhenija: 17.01.2017).

[3] Sm.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (data obrashhenija: 17.01.2017).

[4] Sm.: URL: http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/prisons/EPR/RU_%20commentary_EPR.pdf (data obrashhenija: 17.01.2017).

[5] Sm.: Potapov A. M., Lepshhikov A. N. O lichnosti osuzhdennyh, osvobozhdaemyh ot otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. № 3 (35). S. 23–30.

[6] Sm.: Suchkova E. L. Teoretiko-metodologicheskie problemy izuchenija psihologii gruppovogo pravosoznanija osuzhdennyh // Tam zhe. S. 76–79.

[7] Sm.: Mihajlov V. A. Obshhestvennoe mnenie: strukturno-funkcional'nyj podhod // Vestnik TvGU. 2015. № 2. S. 35–49.

[8] Sm.: Rakitskaja O. N., Serjakova I. N. Psihoterapevticheskij potencial social'nogo konstruktivizma // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 4 (36). S. 78–82.

УДК 343.8

Научно-теоретическая модель Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: в поисках компромисса

Д. Н. СЕРГЕЕВ – старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук

В статье дается оценка научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, критикуется предложение разработчиков проекта о придании приоритетного значения цели исправления осужденных, обосновывается необходимость использования общего подхода к исправлению и предупреждению преступлений через призму понятия «исправительно-предупредительное воздействие», аргументируется важность расширения предмета правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства России за счет включения в него всех существующих мер уголовно-правового характера, дается положительная оценка предложений о придании правовым отношениям по исполнению наказаний процессуального характера, о необходимости регулирования статуса всех основных участников данного процесса, оценивается предлагаемая система учреждений и органов, исполняющих наказания.

Ключевые слова: научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ; исполнение наказаний; цели уголовно-исполнительного законодательства; исправительно-предупредительное воздействие; участники уголовно-исполнительного процесса; предмет правового регулирования уголовно-исполнительного права.

The scientific and theoretical model of the General part of the New Penal Code of the Russian Federation: in search of a compromise

D. N. SERGEEV – Lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, PhD. in Law

The author gives an evaluation of the scientific and theoretical model of the General part of the new Penal Code of the Russian Federation, criticizes the proposition of the project developers to give a priority to the correction of convicts, substantiates the necessity to apply a common approach to correcting and preventing crime through the prism of the concept «preventive-corrective effect», underlines the significance of expanding the legal regulation subject of Russian criminal executive legislation by including all measures existing under the criminal law, the paper gives a positive evaluation of the authors' proposals on giving legal relations on the execution of punishments the procedural nature, on the need to regulate the status of all the main participants in this process, assesses the proposed system of institutions and bodies executing punishments.

Key words: the scientific and theoretical model of the General part of the Penal Code; execution of sentences; purposes of the penal law; corrective-preventive effect; participants of the criminal executive process; the subject matter of legal regulation of the penal law.

По ряду внутренних и внешних причин российская наука отдалилась от законотворчества, что резко снизило качество нормативных правовых актов. Несмотря на большое количество публикаций с обоснованной критикой действующего законодательства, цельных концептуальных проектов, которые подготовили бы ученые, не дожидаясь приглашения от законодательной власти, практически нет. Теоретическая юриспруденция, по словам Н. Н. Тарасова, сейчас стоит перед выбором: объяснять текущее «настоящее» и эффективно прогнозировать и проектировать принципиальное

«будущее» права или «планомерно отступить» на описательно-комментаторские позиции[1]. Отрадно, что появился такой проект в российском уголовно-исполнительном праве до проекта изменений уголовного законодательства. По словам Н. В. Щедрина, ранний старт специалистов по разработке нового кодекса преодолевает извечную недооценку уголовно-исполнительного цикла. Эффективность системы наказаний, задаваемой УК РФ, зависит от уголовно-исполнительной подсистемы. Пример с арестом, предусмотренным уголовным законом, но так и не введенным в связи с невозможностью исполнения данного наказания, приводит ученого к образной мысли, что «уголовно-правовую ''лошадь'' следует подбирать из параметров проектируемой уголовно-исполнительной ''телеги''»[2].

С января 2016 г. на базе Центра проблем уголовно-исполнительного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова коллективом ученых ведется подготовка научно-теоретической модели Общей части нового УИК РФ[3]. К середине 2016 г. проект был разработан и опубликован для обсуждения. Основные новеллы проекта затрагивают цели уголовно-исполнительного законодательства, предмет правового регулирования, вопросы правового положения участников уголовно-исполнительных правоотношений. Рассмотрим данные новеллы подробнее.

1. Цели уголовно-исполнительного законодательства.

Цель законодательства задает направление для развития и применения всей системы. Разработчики научно-теоретической модели Общей части УИК РФ[4] (далее – модель УИК РФ или проект) избрали обеспечение достижения исправления основной целью уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 2). При этом воздержание от совершения новых преступлений не по причине страха перед наказанием, а вследствие произошедших изменений в сознании человека представляет собой наиболее труднодостижимый и одновременно социально значимый и гуманный результат[5]. Цели всегда находятся в единстве и взаимосвязи (в частности, превенция обеспечивает исправление и наоборот). Научный руководитель проекта В. И. Селиверстов в качестве одного из обоснований необходимости выделения приоритетной цели указывает на то, что исправление осужденных представляет собой наиболее гарантированный способ достижения цели предупреждения совершения новых преступлений[6]. Однако, по существу, этим же можно обосновать и главенство цели превенции. Более того, содержание ряда наказаний в значительной степени нацелено на предотвращение совершения новых преступлений, а не на исправление. К числу таковых относятся смертная казнь, пожизненное лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Разделить цели исправления и превенции практически невозможно, поэтому нет объективной необходимости определения приоритетной цели. Немаловажно и то, что придание исправлению особого статуса противоречит действующему УК РФ, провозглашающему равными все три цели наказания.

Вместе с тем авторами модели УИК РФ предложен термин «исправительно-предупредительное воздействие», которым можно легко характеризовать всю систему исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Но выделение приоритетной цели привело к тому, что данный термин получил внутренние противоречия. Например, средства достижения целей наказания разделены на исправительные и превентивные, тогда как режим одновременно является средством исправительного воздействия (ч. 1 ст. 22) и обеспечивает превенцию (ч. 2 ст. 23).

Другое противоречие представляется более существенным. В соответствии со ст. 25 проекта одним из средств исправления является социальная работа, под которой понимается профессиональная деятельность по оказанию социальной помощи, поддержки и защиты осужденных в целях достижения исправления в период исполнения (отбывания) наказания, а также адаптации после освобождения. Эта новелла существенно повышает значение социальной помощи, встраивая ее в саму систему исполнения наказания, а не ограничиваясь по примеру действующего УИК РФ (ст. 181–182) во многом декларативными законоположениями. Модель УИК РФ выиграла бы, если социальная работа была бы также подчинена и цели предупреждения совершения новых преступлений. Около 60 % опрошенных осужденных[7] отметили, что социальная помощь должна предоставляться им в качестве компенсации за лишения, которые претерпевались при отбывании уголовного наказания. Казахстанские авторы на основании аналогичных данных отмечают, что социальная помощь для освобожденного

из мест лишения свободы не должна быть исключительно способом удовлетворения бытовых нужд[8]. Она должна быть подчинена цели превенции, быть в русле всего процесса ресоциализации.

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии прямой связи между оказанием или неоказанием социальной помощи и поведением осужденных, в том числе освобожденных от отбывания наказания. Более того, тот факт, что осужденные рассматривают социальную помощь как «компенсацию», может обусловить неправильную расстановку акцентов: общество должно возместить лишения, которые они понесли в ходе отбывания наказания и претерпевают на постпенитенциарной стадии. Наличие данной установки может привести к выработке решимости у отдельных категорий освобожденных получить эту «компенсацию» не путем обращения в специализированные органы и учреждения, реализующие программы социальной поддержки, а посредством совершения новых преступлений. Следовательно, неправильно организованная и не нацеленная на предотвращение совершения новых преступлений социальная поддержка осужденных может негативным образом сказаться на эффективности наказания. Тем не менее значимость социальной работы с осужденными не должна подвергаться сомнению, а система такой поддержки должна быть не только средством исправления, но и частью всего механизма исправительно-предупредительного воздействия.

Социальная работа должна осуществляться с учетом ее возможного влияния на правопослушное поведение. Для этого меры социальной поддержки (меры социальной адаптации) можно разделить на обязательные и дополнительные. К обязательным предлагаем отнести обеспечение медицинской и психологической помощью (в том числе лечение от разного рода зависимостей), содействие в трудоустройстве, восстановление документов, к дополнительным – получение пособий, дополнительного лечения, предоставления жилья и т. д. Полагаем, что меры первой группы должны оказываться всем бывшим осужденным одновременно с осуществлением контроля (естественно, при условии реальной нуждаемости в их получении). Меры второй группы должны применяться при условии правопослушного поведения и прекращаться при совершении лицом противоправных деяний. Оформлять дополнительные меры социальной поддержки целесообразно с помощью заключаемого с осужденным соглашения, в котором должны отражаться применяемые меры социальной поддержки и последствия нарушения условий их предоставления. Соглашение как документ, подписанный осужденным, будет восприниматься им более правильно, чем абстрактные правила оказания социальной поддержки, принятые, например, региональным министерством. Данная форма оказания социальной поддержки будет способствовать адаптации осужденного и непосредственно зависеть от его поведения. Только в этом случае рассматриваемая помощь может стать средством исправительно-предупредительного воздействия.

Концентрация внимания на цели исправления привела к тому, что превентивные меры описаны в модели Общей части УИК РФ фрагментарно и фактически ограничены мерами специально-предупредительного воздействия (ст. 33). Что понимается под данными мерами? С одной стороны, к ним относятся возлагаемые на осужденных юридические обязанности, ограничения или запреты, а также отдельные полномочия администрации учреждений и органов, в том числе по применению мер безопасности и оружия (ч. 1 ст. 33). Вместе с тем ч. 2 ст. 33 модели УИК РФ предусматривает, что специально-предупредительные меры не должны использоваться в качестве взысканий либо для ужесточения условий отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера. Но куда тогда встроить меры ответственности за нарушение осужденными уголовно-исполнительного законодательства? Возьмем, например, перевод осужденного в одиночную камеру вследствие нарушения режима отбывания наказания. Какую цель реализует такой перевод? С одной стороны, такое взыскание призвано обеспечить соблюдение режима (который, согласно ст. 23 проекта, является средством исправительного воздействия). Но разве можно отрицать превентивное значение такой меры? Разделение исправления и предотвращения совершения новых преступлений невозможно и в этом примере. Именно поэтому термин «исправительно-предупредительное воздействие» является важным достоинством модели Общей части УИК РФ и должен использоваться для объединения всех мер, применяемых к осужденным в процессе отбывания или исполнения уголовного наказания, и иных мер уголовно-правового характера.

Актуальным является закрепление в проекте условия, при выполнении которого достижение целей уголовно-исполнительного законодательства будет эффективно, а именно, соблюдение прав человека при исполнении наказаний (ч. 3 ст. 2). В. И. Селиверстов отмечает, что обеспечение соблюдения прав человека является, по сути, самостоятельной целью уголовно-исполнительного законодательства, значимой не только для осужденных, но и для других субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (потерпевших, родственников и т. д.)[9]. Вопросы соблюдения прав осужденных всегда находятся в центре внимания общества, в этой связи обеспечение соблюдения прав человека при исполнении наказания должно объявляться одной из целей законодательства юридически.

Это предложение вполне соотносится с другой новеллой проекта – уходом от традиционного для УИК РФ и ранее действовавшего ИТК РСФСР дословного заимствования целей из уголовного закона. В проекте цели сформулированы как обеспечение достижения целей исправления и превенции. Вместе с тем авторы модели обошли стороной вопрос обеспечения достижения цели восстановления социальной справедливости. А. В. Сумачев пишет, что законодатель поставил эту цель на первое место в сравнении с иными целями, что является свидетельством логики законодателя, отражением концепции защиты и обеспечения интересов потерпевших[10]. В российском уголовном праве наблюдается тенденция усиления защиты интересов потерпевших от преступления. Это отразилось в изменении подхода к основаниям условно-досрочного освобождения, а также проявилось в институте возмещения причиненного ущерба (ст. 104.3 УК РФ) при конфискации имущества. Регулирование исполнения такой меры могло бы стать одной из форм реализации цели восстановления социальной справедливости.

Авторы проекта, несмотря на неоднозначность предложения о выделении приоритетной цели, ушли от устаревшей модели целеполагания в уголовно-исполнительном праве, сконцентрировав усилия не на декларировании, а на придании целям реального и практического наполнения.

2. Предмет правового регулирования нового УИК РФ.

Правовая компетенция нового УИК РФ – важный и фундаментальный для отрасли вопрос. Разработчики проекта следуют идее расширения предмета правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства, заложенной еще в Концепции основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР. Однако в новой модели эта идея не реализована до конца.

В соответствии с ч. 2 ст. 3 проекта уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливает общие положения правового регулирования исполнения и отбывания осужденными уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Из этого следует, что кодекс должен урегулировать все вопросы исполнения всех уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Что авторы проекта понимают под «иными мерами уголовно-правового характера»? В первую очередь (ст. 51 проекта) условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания всеми категориями осужденных, отсрочку отбывания наказания (ст. 81, 82, 82.1 УК РФ), а также принудительные меры воспитательного воздействия (проект называет их мерами воспитательного характера). Нельзя не отметить, что разработчики оговорили то обстоятельство, что отсутствие соответствующего проекта Общей части УК РФ осложнило работу по подготовке проекта Общей части УИК РФ[11]. По этой причине они вынуждены были принять за основу виды наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предусмотренные действующим уголовным законодательством[12]. Но именно в этом смысле проект не соответствует действующему УК РФ, который к иным мерам уголовно-правового характера относит принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискацию и судебный штраф. Таким образом, понятие «иные меры уголовно-правового характера» по-разному понимается в УК РФ и проекте.

Традиционно условное осуждение, отсрочки отбывания наказания рассматриваются в теории как способы исполнения уголовных наказаний, а условно-досрочное освобождение как вид освобождения от отбывания наказания, однако реально данные меры давно приобрели самостоятельное значение. Идея авторов проекта обособить указанные меры и урегулировать их полно, а не фрагментарно, как это сделано в действующем законодательстве, понятна и своевременна. Однако при этом необходимо исходить из того, что на сегодняшний день называть такие меры «иными мерами уго-

ловно-правового характера» не совсем верно с позиций соответствия УК РФ.

Для исключения приведенного противоречия можно было бы заменить термин «иные меры уголовно-правового характера» на более широкий, который позволит объединить в себе не только соответствующие меры, предусмотренные УК РФ, но и все другие меры, фактически сложившиеся в качестве самостоятельных мер уголовной ответственности (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочки и др.). Сами иные меры уголовно-правового характера понимаются в науке неоднозначно. А. И. Чучаев предлагает использовать термин «меры уголовно-правового воздействия»[13], включая при этом в его объем судимость. Он отмечает, что, несмотря на «зависимое» положение и недостаточную четкость правового определения сущности и содержания, судимость можно рассматривать как одну из мер уголовно-правового воздействия[14]. Полагаем, что судимость целесообразно включить в проект Общей части УИК РФ как одну из иных мер уголовно-правового характера и урегулировать ее правовой режим. Особенно необходимо уделить внимание кодификации более сотни «общеправовых последствий» судимости, разбросанных по самым разным законам и нормативным актам. Уголовно-исполнительный кодекс должен стать единым актом, регулирующим данную меру.

К судимости примыкает административный надзор, также не включенный авторами модели Общей части УИК РФ в объект правового регулирования отрасли. Т. В. Понятовская пишет, что правовая природа административного надзора по действующему уголовному законодательству является противоречивой. Административный надзор имеет уголовно-правовую природу, так как условиями его установления являются: 1) освобождение из мест лишения свободы; 2) наличие судимости за определенные преступления. Наличие формальных уголовно-правовых оснований установления, а также задача специального предупреждения обусловливают сходство его природы с природой конфискации имущества. В этом контексте сосуществование двух мер безопасности в системе разд. VI УК РФ выглядит вполне логичным[15].

Разработчики проекта также не включили в предмет правового регулирования все иные меры уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискацию и судебный штраф). Осторожность авторов и так во многом инновационного проекта вполне объяснима, но необходимость завершения формирования предмета правого регулирования отрасли уголовно-исполнительного права представляется своевременной и соответствующей идеологии теоретического моделирования уголовно-исполнительного законодательства.

В. И. Горобцов отмечал, что «более логичным представляется отнесение к предмету будущего уголовно-исполнительного законодательства общественных отношений, которые складываются при исполнении всех видов уголовно-правового принуждения: наказания, принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного характера, условного осуждения и отсрочки исполнения приговора, мер постпенитенциарного воздействия»[16]. С таким мнением трудно не согласиться, поскольку вывод исследователя основан на адекватной оценке системы взаимодействия всех трех отраслей криминального цикла, предмет правового регулирования которых в целом можно охарактеризовать как регулирование уголовной ответственности. Такая близость должна при этом исключать дублирование правового регулирования и пересечения предметов отдельных отраслей. Немаловажно для уголовно-исполнительного права и то, что расширение правовой компетенции УИК РФ, завершение кодификации всего массива законодательства по исполнению уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера повысит значение отрасли.

3. Основные участники уголовно-исполнительного процесса.

Большим достижением рассматриваемого проекта является признание процессуального характера уголовно-исполнительных правоотношений. Это нашло отражение в названии разд. II «Основные участники уголовно-исполнительного процесса» модели кодекса. Введение такой нормы поставит точку в споре об определении характера правоотношений, возникающих в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Более продуманно урегулирован статус осужденного. Новеллой проекта являются требования к персоналу учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (ст. 53). Такие правоположения также подчеркивают процессуальную природу отрасли, ведь процессуальная деятельность

невозможна без целостно и подробно урегулированного статуса и полномочий участников. Однако норма ст. 53 проекта выглядит неполной. Например, часть третья «Персонал пенитенциарных учреждений» Европейских пенитенциарных правил 2005 г. состоит из 26 статей. Полное и исчерпывающее урегулирование полномочий персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, также будет служить обеспечению прав человека на стадии исполнения приговора.

4. Система наказаний и система учреждений и органов.

Закрепление системы наказаний относится к предмету правового регулирования уголовного права. Определение системы учреждений и органов должно относиться к компетенции уголовно-исполнительного законодательства. В действующем УК РФ вопрос системы учреждений и органов напрямую не регулируется, за исключением перечня исправительных учреждений (ст. 57–58). Приоритет УИК РФ в закреплении перечня учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера, должен быть подчеркнут в новом кодексе.

Поскольку проект УИК РФ родился раньше проекта УК РФ, разработчики модели стояли перед сложной задачей определения системы учреждений и органов, лишь прогнозируя развитие системы наказаний. В частности, из проекта следует сохранение ареста только для военнослужащих (ч. 6 ст. 51), исключение наказания в виде принудительных работ. Авторами введено новое учреждение для исполнения обязательных и исправительных работ, а также ограничения свободы по месту жительства осужденного – уголовно-исполнительные центры пробации (ч. 4 ст. 51). Пересмотрена система исправительных учреждений: воспитательные колонии заменены воспитательными центрами, лечебно-исправительные учреждения – лечебно-профилактическими. Система колоний представлена в виде исправительных учреждений минимальной, средней и строгой изоляции. Введена исправительная тюрьма максимальной изоляции. Последний вид учреждения не вписывается в общую систему, так как это единственное учреждение тюремного типа. Нужно ли в этом случае подчеркивать статус максимальной изоляции? Возможно, целесообразно слово «тюрьма» заменить на «учреждение»? Столь существенный пересмотр системы учреждений и органов нуждается в научно-теоретическом и криминологическом обосновании.

5. Законодательная техника.

Вопросам законодательной техники при конструировании норм уголовно-исполнительного права не уделяется должного внимания. Научно-теоретическая модель в этом смысле делает существенный шаг вперед, предлагая закрепить перечень основных понятий уголовно-исполнительного законодательства. К слову, в первоначально опубликованном в 2016 г. проекте кодекса статьи, посвященной раскрытию основных понятий, не было. Она появилась лишь в окончательной редакции 2017 г.

Основные понятия, описанные в ст. 1 проекта, охватывают только шесть единиц: «персонал учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера», «администрация исправительных учреждений», «уголовно-исполнительная система», «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний», «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обороны», «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных». Представляется правильным включить в перечень ст. 1 также понятия «осужденный», «режим», «близкие родственники», «территория исправительного учреждения», «контроль телефонных переговоров», «начальник учреждения» и многие другие, необходимые для правильного толкования и применения норм уголовно-исполнительного законодательства.

Новеллы научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса всколыхнули обсуждение многих, казалось бы, уже решенных вопросов пенитенциарной сферы. А поэтому модель, даже если она не станет основой будущего кодекса, будет способствовать глубокой проработке научных вопросов, значительно обогатит теорию уголовно-исполнительного права и приведет к обоснованию новых подходов в законотворчестве и исполнении уголовных наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9

[2] Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 280–281.

[3] См.: Селиверстов В. И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 90.

[4] См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2016; Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования.

[5] См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. С. 43–44.

[6] См.: Там же.

[7] Исследование проводилось в 2013–2014 гг. в форме анкетирования готовящихся к освобождению осужденных (1000 чел.) в исправительных колониях общего и строгого режимов на территории Свердловской области (50 % респондентов), Республики Башкортостан (20 %) и Алтайского края (30 %).

[8] См.: Шнарбаев Б. К., Мизанбаев А. Е., Молдашева А. Б. Организация социальной и иной помощи лицам, отбывающим уголовное наказание, и их ресоциализация : учеб.-практ. пособие. Костанай, 2015. С. 47.

[9] См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. С. 18.

[10] См.: Сумачев А. В. О восстановлении социальной справедливости как цели наказания // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1. С. 334.

[11] См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования. С. 8.

[12] См.: Там же. С. 9.

[13] См.: Уголовно-правовое воздействие : моногр. / под ред. А. И. Рарога. М., 2013. С. 22.

[14] См.: Там же. С. 31.

[15] См.: Там же. С. 245.

[16] Горобцов В. И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : моногр. Орел, 1995. С. 56.

[1] Sm.: Tarasov N. N. Metodologicheskie problemy juridicheskoj nauki. Ekaterinburg, 2001. C. 9

[2] Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija / pod red. V. I. Seliverstova. M., 2017. C. 280–281.

[3] Sm.: Seliverstov V. I. O razrabotke nauchno-teoreticheskoj modeli Obshhej chasti UIK RF // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 1 (33). S. 90.

[4] Sm.: Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: rezul'taty teoreticheskogo modelirovanija / pod red. V. I. Seliverstova. M., 2016; Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija.

[5] Sm.: Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija. C. 43–44.

[6] Sm.: Tam zhe.

[7] Issledovanie provodilos' 2013–2014 gg. v forme anketirovanija gotovjashhihsja k osvobozhdeniju osuzhdennyh (1000 chel.) v ispravitel'nyh kolonijah obshhego i strogogo rezhimov na territorii Sverdlovskoj oblasti (50 % respondentov), Respubliki Bashkortostan (20 %) i Altajskogo kraja (30 %).

[8] Sm.: Shnarbaev B. K., Mizanbaev A. E., Moldasheva A. B. Organizacija social'noj i inoj pomoshhi licam, otbyvajushhim ugolovnoe nakazanie, i ih resocializacija : ucheb.-prakt. posobie. Kostanaj, 2015. S. 47.

[9] Sm.: Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovanija teoreticheskogo modelirovanija. C. 18.

[10] Sm.: Sumachev A. V. O vosstanovlenii social'noj spravedlivosti kak celi nakazanija // II Mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 60-letiju prinjatija Minimal'nyh standartnyh pravil obrashhenija s zakljuchennymi i 30-letiju prinjatija Minimal'nyh standartnyh pravil, kasajushhihsja otpravlenija pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih) : sb. tez. vystuplenij i dokladov uchastnikov (Rjazan', 25–27 nojab. 2015 g.) : v 8 t. Rjazan', 2015. T. 1. S. 334.

[11] Sm.: Obshhaja chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: rezul'taty teoreticheskogo modelirovanija. S. 8.

[12] Sm.: Tam zhe. S. 9.

[13] Sm.: Ugolovno-pravovoe vozdejstvie : monogr. / pod red. A. I. Raroga. M., 2013. S. 22.

[14] Sm.: Tam zhe. S. 31.

[15] Sm.: Tam zhe. S. 245.

[16] Gorobcov V. I. Teoreticheskie problemy realizacii mer postpenitenciarnogo vozdejstvija : monogr. Orel, 1995. S. 56.

УДК 343.13:343.83

Об отдельных вопросах правового регулирования уголовно-процессуального статуса должностных лиц Федеральной службы исполнения наказаний

Ю. Н. СПИРИДОНОВА – начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы регламентации в действующем уголовно-процессуальном законодательстве процессуального статуса таких участников уголовного судопроизводства, как орган дознания, начальник органа дознания и дознаватель, применительно к Федеральной службе исполнения наказаний.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний; уголовно-процессуальные полномочия; орган дознания; начальник органа дознания; дознаватель; начальник исправительного учреждения.

On some questions of legal regulation of the criminal-procedural status of the federal pernal service officers

YU. N. SPIRIDONOVA – Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with the issues of regulating the procedural status of such participants in criminal proceedings, as an inquiry agency, the head of the inquiry body and the investigator, in the current criminal procedural legislation, with reference to the Federal Penal Service.

Key words: Federal Penal Service; criminal procedural powers; the body of inquiry; head of the body of inquiry; inquirer; head of the correctional facility.

Несмотря на то что основной задачей учреждений и органов ФСИН России является исполнение наказаний в виде лишения свободы, на территории исправительных учреждений продолжают совершаться преступления, что обусловливает необходимость реализации уголовно-процессуальных полномочий, предоставленных законом Федеральной службе исполнения наказаний. Количество зарегистрированных преступлений остается стабильным: 2016 г. – 960, 2015 г. – 940, 2014 г. – 861[1]. При этом необходимо учитывать высокую латентность пенитенциарной преступности, вызванную как существующей в местах лишения свободы криминальной субкультурой осужденных, так и стремлением сотрудников продемонстрировать «нужные» показатели в работе[2]. Однако отдельные неточности в законодательной регламентации процессуального статуса органов дознания и проблемы реализации нормативных установлений в практической деятельности сотрудников ФСИН России не способствуют эффективной борьбе с преступлениями в рассматриваемой сфере.

Следует отметить, что в научной литературе длительное время ведутся дискуссии по поводу того, является ли Федеральная служба исполнения наказаний органом дознания. Сомнения возникают в связи с отсутствием конкретного упоминания данного ведомства в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, а также тем, что оно не фигурирует в ч. 3 ст. 151 в качестве субъекта расследования уголовных дел в форме дознания. Однако в п. 1 ст. 1 ст. 40 УПК РФ четко указывается, что к органам дознания относятся органы исполнительной власти, обладающие полномочиями по производству оперативно-розыскной деятельности, а на основании ст. 13 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Федеральная служба исполнения наказаний таким полномочием обладает. Что же касается отсутствия полномочий по производству дознания, то анализ ч. 1 ст. 40 и ч. 3 ст. 152 УПК РФ позволяет сделать вывод, что действующий уголовно-процессуальный закон предоставляет это право не всем органам дознания. К примеру, данное полномочие отсутствует также у начальников органов военной полиции, командиров воинских частей и соединений, у начальников военных учреждений и гарнизонов, хотя эти должностные лица указаны в п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ в качестве органов дознания. Вместе с тем такая конструкция закрепления полномочий органов дознания в указанных нормах кодекса входит в противоречие с определением органов дознания, содержащимся в п. 24 ст. 5 УПК РФ. На основании приведенной выше нормы органами дозна-

ния признаются государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия, то есть дознание устанавливается как основное и обязательное полномочие органов дознания. Ж. Е. Емурханов предлагает устранить это противоречие, добавив союз «или» в определение органа дознания: «органы дознания – государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с настоящим Кодексом осуществлять дознание и (или) другие процессуальные полномочия»[3]. Данное предложение весьма обоснованно, однако, по нашему мнению, определение органов дознания необходимо совершенствовать по двум направлениям. Во-первых, поскольку по действующему уголовно-процессуальном законодательству практически половине органов дознания, в том числе Федеральной службе исполнения наказаний, не предоставлено право расследования уголовных дел в форме дознания, в определении следовало бы либо указать основные присущие всем органам дознания полномочия, такие как производство неотложных следственных действий, прием, регистрация и проверка сообщений о преступлениях, выполнение поручений следователей, либо ограничиться обобщенными терминами (например, «государственные органы и должностные лица, которым предоставлены предусмотренные настоящим Кодексом уголовно-процессуальные полномочия»). Во всяком случае, включать в определение лишь одно полномочие, которое отсутствует у значительного числа органов дознания, не вполне логично. Во-вторых, поскольку уголовно-процессуальные полномочия были предоставлены органам дознания изначально для более эффективной борьбы с преступлениями в конкретной подотчетной им сфере деятельности, указание на данный существенный отличительный признак данного субъекта также было бы уместным.

Кроме органа дознания субъектами уголовно-процессуальной деятельности в уголовно-исполнительной системе являются начальник органа дознания, которым, как правило, является начальник исправительного учреждения, а также дознаватель, функции которого выполняют сотрудники оперативных подразделений. Относительно данных участников уголовного судопроизводства среди ученых и практиков также существуют некоторые разногласия.

Полномочия начальника органа дознания с недавнего времени закреплены в отдельной статье УПК РФ – ст. 40.2. Основной функцией данного должностного лица является организация уголовно-процессуальной деятельности в подотчетном подразделении, контроль за деятельностью дознавателей. Сам начальник органа дознания уголовно-процессуальные действия, как правило, не производит в силу ряда обстоятельств, таких как необходимость выполнения организационно-распорядительных функций относительно всех подразделений конкретного органа, отсутствие в ряде случаев необходимого образования и опыта работы в сфере уголовного судопроизводства. Начальник исправительного учреждения также сам не регистрирует и не проверяет сообщения о преступлениях, не производит неотложные следственные действия. Однако некоторые авторы считают вопрос производства неотложных следственных действий сотрудником исправительного учреждения, а не его начальником, неурегулированным, поскольку п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ предусматривает в качестве субъекта неотложных следственных действий именно начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а никаких предписаний в ведомственных нормативных актах по поводу возможности делегирования данных полномочий не предусмотрено. Предыдущая редакция п. 17 ст. 5 УПК РФ нивелировала данную проблему, поскольку предусматривала, что начальник органа дознания – это должностное лицо органа дознания, уполномоченное давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий. Действующая же редакция рассматриваемой нормы, установленная федеральным законом от 30.12.2015 г. № 440-ФЗ, определяет начальника органа дознания как должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания. Вместе с тем этим же федеральным законом в УПК РФ была включена ст. 40.2, в п. 1 ч. 1 которой указано, что начальник органа дознания уполномочен поручать производство неотложных следственных действий по уголовному делу. При этом следует обратить внимание на то, что относительно проверки сообщений о преступлениях данной нормой начальнику органа дознания предоставляется возможность как поручать проверку сообщения о преступлении, так и лично рассматривать сообщения о преступлениях и участвовать в их проверке. Относительно же производства неотложных следственных действий речь идет только о поручении данных действий подчиненным сотрудникам.

Что касается лиц, непосредственно осуществляющих в исправительных учреждениях уголовно-процессуальную деятельность, то ими являются сотрудники оперативных подразделений. Поскольку в Федеральной службе исполнения наказаний отсутствуют должности дознавателей, некоторые авторы предлагают ввести в УПК РФ нового участника, который будет именоваться «иное должностное лицо органа дознания»[4]. На наш взгляд, реализация данного предложения повлечет излишнее загромождение гл. 6 УПК РФ, которая и так содержит четыре статьи, посвященные различным субъектам органов дознания. Определение дознавателя, содержащееся в п. 7 ст. 5 кодекса, гласит о том, что дознаватель – это не только лицо «правомочное», но и «уполномоченное» начальником органа дознания осуществлять полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом. На основании данной нормы любой сотрудник органа дознания, в том числе оперуполномоченный оперативного отдела исправительного учреждения, приобретает статус дознавателя, если начальник органа дознания поручит ему производство процессуальных действий, входящих в компетенцию данного органа дознания. Полномочиями ФСИН России как органа дознания по-прежнему остаются прием, регистрация и проверка сообщений о преступлениях, производство неотложных следственных действий и выполнение поручений следователей, хотя в регламентации данных направлений деятельности также имеются проблемы, требующие своего разрешения[5]. Например, на основании ч. 1 ст. 148 УПК РФ орган дознания или дознаватель при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела должны вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако сотрудники исправительных учреждений, которым поручена проверка сообщения о преступлении, при выявлении в ходе этой проверки оснований для отказа в возбуждении уголовного дела (к примеру, таких как отсутствие события, состава преступления, отсутствие заявления по делам частного и частно-публичного обвинения) в соответствии с указанной нормой кодекса действовать не могут, поскольку это запрещено Указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 25.10.2013 г. № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».

Четкая и ясная, не подразумевающая двойного толкования регламентация процессуального статуса должностных лиц, задействованных в уголовно-процессуальной деятельности, имеет большое значение для организации работы при поступлении информации о совершенном преступлении в исправительных учреждениях. Однако не менее важным для достижения целей уголовного судопроизводства является компетентность сотрудников, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, знание ими норм соответствующего законодательства и порядка их применения.

Так, например, 01.01.2017 г. в 04.00 ч. в ИК-18 УФСИН России по Мурманской области г-н Т., 1994 года рождения, осужденный за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167, ч. 1, 2 ст. 166, ч. 2 ст. 161 УК РФ, к 9 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, находясь рядом с выходом из общежития отряда № 6, 7, оскорбил гр-на Я., 1986 года рождения, осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, и нанес последнему не менее трех ударов по лицу. В ответ осужденный Я. достал из кармана заточенную металлическую пластину и нанес удар в область грудной клетки осужденному Т. Находившийся поблизости от места происшествия осужденный К. отобрал у осужденного Я. данную пластину, которую в дальнейшем передал сотрудникам администрации колонии. Потерпевший Т. в 04 ч. 52 мин. был доставлен в приемное отделение больницы № 2 МСЧ-10 ФСИН России для оказания медицинской помощи, в 05 ч. 03 мин. врачом МСЧ-10 констатирована его смерть, причиной которой явилось колото-резаное проникающее ранение грудной клетки, ранение сердца. В рамках проведения проверки от осужденного получено заявление о явке с повинной[6]. Между тем явка с повинной – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, о котором правоохранительным органам не было известно либо отсутствовала информация о лице, его совершившем. В данной ситуации нанесение телесных повреждений происходило в присутствии очевидца – осужденного К., поэтому информацию о признании вины осужденным Я. оперуполномоченному следовало отобразить в объяснении, полученном им от данного осужденного.

Полагаем, что единообразное толкование норм, регламентирующих процессуальный статус органов дознания, в том числе Федеральной службы исполнения наказаний, и должностных лиц органов дознания, а также совершенствование ряда рассмотренных норм будет способствовать повышению эффективности уголовно-процессуальной практики в уголовно-исполнительной системе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2016 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2017. С. 20; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2015 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. С. 19; Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2014 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2015. С. 19.

[2] См., напр.: Уваров А. Г. Латентность пенитенциарной преступности: понятие и виды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 134.

[3] Емурханов Ж. Е. Учреждения ФСИН России как орган дознания // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2016. С. 82.

[4] См., напр.: Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы. М., 2016. С. 79.

[5] См., напр.: Колпакова Л. А. К вопросу о процессуальных полномочиях сотрудников УИС при расследовании пенитенциарных преступлений // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Владимир, 1 марта 2017 г.). Владимир, 2017. С. 72–74; Крымов А. А. Взаимодействие органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы в вопросах предупреждения и раскрытия преступлений // Вестник Томского университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 68–69.

[6] См.: Справка по анализу конфликтных ситуаций среди обвиняемых и осужденных, имевших место в исправительных учреждениях и изоляторах территориальных органов ФСИН России в январе–феврале 2017 г. // Письмо ФСИН России от 29.03.2017 г. № 03-18898.

[1] Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'–dekabr' 2016 g.) : inform.-analit. sb. Tver', 2017. S. 20; Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'–dekabr' 2015 g.) : inform.-analit. sb. Tver', 2016. S. 19; Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (janvar'–dekabr' 2014 g.) : inform.-analit. sb. Tver', 2015. S. 19.

[2] Sm., napr.: Uvarov A. G. Latentnost' penitenciarnoj prestupnosti: ponjatie i vidy // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2016. № 5. S. 134.

[3] Emurhanov Zh. E. Uchrezhdenija FSIN Rossii kak organ doznanija // Juridicheskaja nauka i praktika : al'manah nauchnyh trudov Samarskogo juridicheskogo instituta FSIN Rossii. 2016. S. 82.

[4] Sm., napr.: Malysheva O. A. Dosudebnoe proizvodstvo v rossijskom ugolovnom processe: teorija, praktika, perspektivy. M., 2016. S. 79.

[5] Sm., napr.: Kolpakova L. A. K voprosu o processual'nyh polnomochijah sotrudnikov UIS pri rassledovanii penitenciarnyh prestuplenij // Kriminalisticheskoe i processual'noe obespechenie rassledovanija prestuplenij v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme : materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (Vladimir, 1 marta 2017 g.). Vladimir, 2017. S. 72–74; Krymov A. A. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del i ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v voprosah preduprezhdenija i raskrytija prestuplenij // Vestnik Tomskogo universiteta. Pravo. 2013. № 2 (8). S. 68–69.

[6] Sm.: Spravka po analizu konfliktnyh situacij sredi obvinjaemyh i osuzhdennyh, imevshih mesto v ispravitel'nyh uchrezhdenijah i izoljatorah territorial'nyh organov FSIN Rossii v janvare–fevrale 2017 g. // Pis'mo FSIN Rossii ot 29.03.2017 g. № 03-18898.

УДК 343.982.33:343.54(7)

Регистрация лиц, совершивших преступления сексуального характера, в США

А. А. ШАНИНА – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В статье рассматривается действующая в Соединенных Штатах Америки система регистрации лиц, совершивших преступления сексуального характера, с точки зрения содержания и правовых ограничений, которые она накладывает. Анализ осуществлен с целью выявления необходимости реализации подобной системы учета преступников в Российской Федерации.

Ключевые слова: постпенитенциарный контроль; превенция; рецидивизм; преступления сексуального характера; регистрация преступлений.

Registration of sex offenders in the USA

A. A. SHANINA – Postgraduate of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Moscow State M. V. Lomonosov University

The article provides an analysis of the system of registration of sex offenders in the United States of America in terms of the content and the legal restrictions of this system that it imposes. The analysis was carried out with the purpose of revealing the need to implement such a system for recording criminals in the Russian Federation.

Key words: post-penal control; prevention; recidivism; sex crimes; registration of crimes.

В настоящее время в Соединенных Штатах Америки существует система регистрации и учета лиц, совершивших преступления сексуального характера. Ключевая цель, которая преследуется ею, заключается в превенции совершения новых преступлений, в частности в отношении детей, а также в осуществлении контроля над лицами, ранее судимыми за общественно опасные деяния сексуального характера. Регистрационная система возникла как реакция на совершенные жестокие сексуальные преступления, всколыхнувшие общественность и имевшие место в различных штатах страны. Законодательному оформлению и претворению в жизнь идеи о ее создании предшествовало принятие ключевых правовых актов, которые будут рассмотрены ниже.

Современное законодательство Российской Федерации подобных специальных мер, предусматривающих общественный контроль за лицами, совершившими преступления сексуального характера, не содержит. Административный надзор, существующий в России и устанавливаемый в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заметно отличается от американского института, рассматриваемого в настоящей статье, хоть и имеет схожие с ним черты.

В марте 2009 г. на совещании по вопросам борьбы с преступлениями против детей Президент Российской Федерации Д. А. Медведев выступил за ужесточение наказания лицам, совершившим преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Президент подчеркнул, что России необходима современная система защиты детства[1]. В 2012 г. был принят федеральный закон № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», включивший в число лиц, которым могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, лиц в возрасте старше 18 лет, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. Выделение данной категории повлекло за собой изменения в Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации. Кроме того, было также внесено изменение относительно применяемого в отношении лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица, наказания: возможным в таких случаях стало назначение пожизненного лишения свободы.

В настоящий момент изменения, предусмотренные федеральным законом от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ, связанные с усилением ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, нельзя признать эффективными. Примечательно, что согласно заявлению главы Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, по данным криминальной статистики, в 2012 г. было совершено 6499 преступлений подобного рода, а в 2015 г. – уже 10 942[2]. Количество преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних, значительно выросло уже после принятия вышеуказанного федерального закона. Таким образом, изучение средств и методов обеспечения безопасности несовершеннолетних, защиты их от пре-

ступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу не теряет своей актуальности.

В рамках исследования мер постпенитенциарного контроля, безусловно, вызывает интерес американский опыт подобного рода деятельности. Изучение практики зарубежных стран, в данном случае Соединенных Штатов Америки, позволит оценить необходимость применения в Российской Федерации системы регистрации лиц, совершивших преступления против половой свободы и неприкосновенности.

В 1994 г. в Соединенных Штатах Америки был подписан закон, направленный на защиту детей и обязывающий вести регистрацию лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, названный в честь Джейкоба Веттерлинга, ставшего жертвой преступления. 11-летний подросток был похищен незнакомцем неподалеку от своего дома в 1989 г., его тело было найдено только спустя 27 лет.

Случай с Джейкобом спровоцировал принятие закона, обязавшего все американские штаты, каждую юрисдикцию[3], осуществлять соответствующий регистрационный учет. Впервые были установлены руководящие принципы для отслеживания сексуальных преступников. На лиц, совершивших преступления сексуального характера, была возложена обязанность подтверждать место своего жительства и прочую информацию о себе ежегодно, а при наличии специальных указаний в законе и чаще.

В 1996 г. в акт Веттерлинга были внесены поправки, связанные с принятием закона, неофициально именуемого законом Меган в честь 7-летней девочки, ставшей жертвой преступника в Нью-Джерси. Меган Николь Канка была изнасилована и убита соседом, проживавшим в доме напротив, ранее судимым за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Родители девочки заявили, что если бы знали о том, что рядом с ними проживает бывший преступник, они не позволили бы гулять своей дочери одной. Закон Меган обязал сделать регистры и информацию о лицах, ранее судимых за сексуальные преступления, общедоступными.

В июле 2006 г. был принят федеральный закон «О защите детей от сексуальной эксплуатации, насильственных преступлений, противодействии их растлению, обороту детской порнографии, содействии их безопасности в сети Интернет в память Адама Уолша и других жертв преступлений против детей». Адам Уолш – 6-летний мальчик, похищенный из супермаркета. Спустя несколько недель после исчезновения, более чем за 160 километров от его дома были найдены части его тела. В соответствии с законом Уолша, регистрации подлежат не только лица, совершившие преступления, непосредственно посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу, но и совершившие иные преступления, например вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, производство или распространение детской порнографии, секс-торговля, похищение с целью осуществления сексуальных действий и др.[4]

Первый раздел акта Уолша регулирует регистрацию сексуальных преступников и оповещение общественности и называется Sex Offender Registration and Notification Act (SORNA). SORNA направлен на преодоление несовершенства предшествующих законов о регистрации и на устранение пробелов в последних. Кроме того, он распространяет обязанность осуществления регистрации на все 50 штатов, а также округ Колумбия, Содружество Пуэрто-Рико, Гуам, Американское Самоа, Северные Марианские острова, Вирджинские острова, территории индейских племен.

По сравнению с предшествующими нормативными правовыми актами SORNA расширяет объем доступной для общественности информации в отношении зарегистрированных сексуальных преступников. В круг данных о лице, совершившем общественно опасное деяние сексуального характера, подлежащих фиксации, входит два типа информации: информация, обязательная к предоставлению самим лицом, и информация, предоставляемая юрисдикциями. Информация, которую обязан предоставить преступник: фамилия и имя; номер социального страхования; адрес каждого места жительства, где лицо, совершившее преступление, проживает или планирует проживать; данные о работодателе, как настоящем, так и потенциальном; данные об учебном заведении, если в нем лицо проходит обучение или планирует проходить; государственный регистрационный номер транспортного средства, находящегося в собственности лица либо управляемого им, а также описание такого транспортного средства; любая иная информация, указанная генеральным прокурором. Информация, предоставляемая юрисдикциями: физическое описание сексуального преступника; положения уголовного закона, на основании

которого лицо было зарегистрировано; уголовная история (the criminal history), в том числе даты всех арестов и приговоров; текущая фотография; отпечатки пальцев и ладони; образец ДНК; копия лицензии, действительного водительского удостоверения или удостоверения личности; любая другая информация, запрошенная генеральным прокурором. Осужденному необходимо пройти процедуру регистрации после вынесения приговора за совершенное преступление сексуального характера либо после отбытия наказания в виде тюремного заключения.

Зарегистрированных сексуальных преступников (sex offenders) классифицируют в зависимости от тяжести совершенного преступления, а также возраста жертвы. Первой категории соответствуют осужденные за наименее серьезные преступления. Таковыми признаются лица, совершившие проступок (misdemeanor) или преступление (felony) на сексуальной почве, которое наказывается лишением свободы на срок один год либо более мягким наказанием. Регистрация данной категории лиц осуществляется в течение 15 лет. Ко второй категории относятся лица, которые не могут быть отнесены к третьей категории, совершившие преступление сексуального характера, наказываемое лишением свободы на срок более одного года, либо лица, относящееся к первой категории, совершившие подобное преступление повторно. Регистрация лиц, входящих во вторую категорию, осуществляется в течение 25 лет. Сексуальный преступник третьей категории – это лицо, совершившее насильственное преступление против половой свободы и неприкосновенности, либо лицо, совершившее преступление против половой неприкосновенности лица, не достигшего 13-летнего возраста, либо лицо, относящееся ко второй категории, совершившее повторное подобное преступление. Регистрация лиц, относящихся к третьей категории, обязательна на протяжении всей их жизни[5].

Реестр координируется Министерством юстиции США и работает как поисковая система, размещенная на веб-сайте и позволяющая пользователю делать запросы для получения информации о сексуальных преступниках на всей территории США.

Необходимость регистрации сексуальных преступников в США была продиктована следующими причинами: высокий риск рецидива сексуальных преступлений, заинтересованность государства в защите населения от сексуальных преступлений. В данном случае государственные интересы и цели борьбы с преступностью ставятся значительно выше интересов и прав частного лица: предусматривающие регистрацию лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, и предоставление общественности информации о таких лицах, ограничивают право бывших осужденных на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения, выбора места работы.

Общедоступность сведений о лицах, совершивших преступления сексуального характера, призвана обеспечить возможность для прочих лиц, общества получать информацию о находящемся рядом с ними в месте проживания, учебы, работы и т. д. сексуальном преступнике. Доступ к персональным данным такого лица возможен в любое время. Такой подход обосновывается целями защиты общества. Получается, что любое лицо в любое время получает доступ к персональной информации, даже не имея на то законной необходимости, в отсутствие угрозы нарушения его прав и свобод или прав и свобод другого лица, в том числе интересов общества и государства. Информация является открытой в течение продолжительного периода после отбытия наказания. На наш взгляд, это приводит к излишней стигматизации лиц, совершивших преступления сексуального характера, и порождает общественную враждебность в отношении них. Такая общедоступность сведений создает угрозу травли, преследования бывших преступников. Кроме того, постпенитецциарная адаптация и установление социальных связей также затрудняются ввиду общедоступности сведений о лице. Такое положение нельзя признать соответствующим принципам гуманности и, кроме того, при этом нарушается право лица на частную жизнь и достоинство. Публикация сведений о лице, ранее совершившем преступление, в общий доступ основывается на предположении, а не на реальной опасности лица. Такая практика имеет сходство с исторической практикой посрамления (шельмования) за совершенное преступление. Фактически, общественное порицание продолжает иметь место после отбытия лицом наказания, установленного судом.

Примечательно, что в США весьма обширна практика оспаривания законов о регистрации сексуальных преступников. Так, первым штатом, реализовавшим федеральную программу, стал в 2007 г. Огайо, что привело, по данным CNN, к более чем 7000

судебных исков против штата и многолетним судебным разбирательствам[6]. В деле жителей штата Флорида против штата истцы выступали за отмену вышеупомянутой регистрации, обосновывая свои требования тем, что закон нарушает их право на проживание с их семьями, право быть свободными от нападений и преследований и право свободно устраиваться на работу и выбирать место проживания. Апелляционный суд отклонил иск, не признав ни одно из этих прав в качестве фундаментального.

Безусловно, каждое государство обязано принимать меры, направленные на защиту несовершеннолетних, ограждать их от любых преступлений, в особенности тех, что сопряжены с сексуальным насилием. Защита прав детей является приоритетной задачей, стоящей перед государством. Однако стоит признать, что не должно существовать внутренних противоречий при осуществлении одновременной защиты прав детей и прав осужденных и лиц, отбывших наказание. Очевидно, что существующая в США система регистрации не принимает во внимание степень общественной опасности лица, характер совершенного преступления, особенности личности, совершившей преступление сексуального характера. Позволим себе сделать вывод, что для соблюдения прав каждого (и преступника, и жертвы), правильнее было бы сделать доступной информацию из регистров только для правоохранительных органов.

Как известно, регистрация лиц, совершивших преступления сексуального характера, в Российской Федерации законодательством не предусмотрена, поэтому вызывает особый интерес наличие на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации раздела, в котором публикуется информация о преступлениях, совершенных против несовершеннолетних, с указанием данных и размещением фотографии лица, совершившего преступление[7]. В интервью «Российской газете» официальный представитель следственного ведомства Владимир Маркин заявил, что цели создания раздела «В защиту детей» – профилактика преступлений в отношении несовершеннолетних и напоминание о неотвратимости наказания[8]. Между тем такое обнародование подробной информации о лицах, совершивших преступление, нельзя признать правомерным. Меры, принятые Следственным комитетом Российской Федерации, скорее, напоминают средневековый способ наказания в виде стояния у позорного столба и не согласуются с конституционном правом на неприкосновенность частной жизни, в соответствии с которым «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»[9]. Заметим, что согласно ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Стоит поставить под сомнение возможность появления в Российской Федерации способа превенции в виде создания общедоступной системы регистрации осужденных. Оценка данного института, основанная на анализе законодательства США, приведенная в настоящей статье, актуальна и применительно к российской действительности. Общедоступность информации о лицах, совершивших преступления сексуального характера, дает обществу лишь ощущение, но не реальную гарантию безопасности. При этом она мешает бывшему преступнику начать новую жизнь.

На наш взгляд, реализация в России общедоступной системы регистрации лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, нецелесообразна. В то же время следовало бы обратить внимание на возможность развития системы учета лиц, совершивших подобные преступления, доступной исключительно представителям правоохранительных органов, в том числе посредством подробной регламентации перечня сведений, подлежащих учету. Это могло бы быть реализовано в рамках административного надзора, предусмотренного Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[10]. Полагаем, что наличие такой федеральной базы данных с возможностью ограниченного доступа позволило бы соблюсти баланс интересов общества, государства и отдельно взятой личности и стало бы полноценным средством борьбы с преступлениями сексуального характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: URL: http://kremlin.ru/events/president/news/3457/ (дата обращения: 22.06.2017).

[1] Sm.: URL: http://kremlin.ru/events/president/news/3457/ (data obrashhenija: 22.06.2017).

[2] См.: URL: https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestuplenij-protiv-nesovershennoletnih.html/ (дата обращения: 21.06.2017).

[3] Под термином «юрисдикция» в акте понимаются штат, округ Колумбия, Содружество Пуэрто-Рико, Гуам, Американский Самоа, Северные Марианские острова, Вирджинские острова, территории индейских племен.

[4] См.: URL: https://www.congress.gov/109/plaws/publ248/PLAW-109publ248.pdf/ (дата обращения: 22.06.2017).

[5] См.: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-109publ248/pdf/- PLAW-109publ248.pdf/ (дата обращения: 22.06.2017).

[6] См.: URL: http://edition.cnn.com/2011/CRIME/07/28/sex.offender.adam.walsh.act/index.html/ (дата обращения: 20.06.2017).

[7] См.: URL: http://sledcom.ru/press/protect/ (дата обращения: 15.06.2017).

[8] См.: URL: https://rg.ru/2016/04/09/na-sajte-sledstvennogo-komiteta-poiavilsia-razdel-v-zashchitu-detej.html/ (дата обращения: 25.05.2017).

[9] СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[10] См.: Там же. 2011. № 15. Ст. 2037.

[2] Sm.: URL: https://rg.ru/2016/09/29/skr-vyroslo-kolichestvo-prestuplenij-protiv-nesovershennoletnih.html/ (data obrashhenija: 21.06.2017).

[3] Pod terminom «jurisdikcija» v akte ponimajutsja shtat, okrug Kolumbija, Sodruzhestvo Pujerto-Riko, Guam, Amerikanskij Samoa, Severnye Marianskie ostrova, Virdzhinskie ostrova, territorii indejskih plemen.

[4] Sm.: URL: https://www.congress.gov/109/plaws/publ248/PLAW-109publ248.pdf/ (data obrashhenija: 22.06.2017).

[5] Sm.: URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-109publ248/pdf/- PLAW-109publ248.pdf/ (data obrashhenija: 22.06.2017).

[6] Sm.: URL: http://edition.cnn.com/2011/CRIME/07/28/sex.offender.adam.walsh.act/index.html/ (data obrashhenija: 20.06.2017).

[7] Sm.: URL: http://sledcom.ru/press/protect/ (data obrashhenija: 15.06.2017).

[8] Sm.: URL: https://rg.ru/2016/04/09/na-sajte-sledstvennogo-komiteta-poiavilsia-razdel-v-zashchitu-detej.html/ (data obrashhenija: 25.05.2017).

[9] SZ RF. 2014. № 31. St. 4398.

[10] Sm.: Tam zhe. 2011. № 15. St. 2037.

УДК 343.01

Юридическая дефиниция неоконченного преступления в современном уголовном праве

А. В. ШЕСЛЕР – профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматривается проблема фактического отсутствия определения неоконченного преступления в действующем российском уголовном законе, что вызывает некоторые затруднения при привлечении лиц к уголовной ответственности за совершение деяния, не содержащего в полном объеме всех признаков состава преступления. На основании имеющихся в науке уголовного права мнений о сущности неоконченного преступления, а также с учетом социально-правовых особенностей данного института предлагается авторская дефиниция неоконченного преступления.

Ключевые слова: неоконченное преступление; стадии совершения преступления; приготовление; покушение; уголовное наказание; ответственность за неоконченное преступление.

Incomplete crime as a legal definition in the modern criminal law

A. V. SHESLER – Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Yugra State University, Dsc. in Law, Professor

The article discusses the problem of the actual lack of definition of an incomplete crime in the current Russian criminal law, which causes some difficulties in bringing persons to criminal responsibility for an act that does not fully include all the signs of the crime. On the basis of the proposed in the science of criminal law opinions on the nature of the incomplete crime, and also taking into account the social and legal peculiarities of this institution, an author's characteristic of the definition of «incomplete crime» is proposed.

Key words: incomplete crime; stages of commission of a crime; preparation; attempt; criminal punishment; responsibility for an incomplete crime.

Для должной охраны общественных отношений в уголовном законодательстве Российской Федерации установлена ответственность не только за оконченное преступление, но и за юридически незавершенные общественно опасные деяния, если недостижение преступного результата вызвано объективными причинами, не зависящими от сознания и воли злоумышленника. Ответственность за подобные посягательства определяется нормами института неоконченного преступления.

К сожалению, юридическая дефиниция «неоконченное преступление» имеет крайне бедную уголовно-правовую регламентацию. Это порождает проблемы практического применения уголовного закона в тех случаях, когда преступление «не доводится до конца по независящим от лица обстоятельствам», равно как и вызывает непрекращающиеся научные споры относительно квалификации неоконченного преступления и уголовной ответственности за его совершение.

Действительной проблемой, которая до настоящего времени не получила в уголовно-правовой науке окончательного решения, является определение юридического статуса неоконченного преступления: являются ли категории «преступление» и «неоконченное преступление» тождественными с точки зрения возможностей применения мер уголовно-правового реагирования и может ли совокупность признаков состава неоконченного преступления рассматриваться в соответствии со ст. 8 УК РФ в качестве основания для привлечения лица к уголовной ответственности.

Было бы неверным утверждать, что институт неоконченного преступления как предмет научного исследования не пользуется популярностью: по самым скромным подсчетам только с начала с 90-х гг. прошлого века было подготовлено и успешно защищено более 30 кандидатских диссертаций, не считая появления иных монографических научных работ по указанной проблематике.

Противоречивое содержание института неоконченного преступления хотя и не явно, но все же раскрывается в действующем уголовном законе. Момент окончания преступления определен в ч. 1 ст. 29 УК РФ, тогда как ч. 2 этой же нормы указывает на то, что неоконченным преступлением признается приготовление или покушение на его совершение. Данная норма явно не содержит правовой характеристики неоконченного преступления. Вместо приведения совокупности юридически значимых признаков и раскрытия их сущности в ней или предлагаются частные виды неоконченного преступления (приготовление, покушение), или перечисляются некоторые виды стадий осуществления преступной деятельности (те же приготовление, покушение), которые вообще никак не соотносятся с базовой категорией преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

В сформулированных в научной литературе определениях неоконченного преступления преимущественно делается акцент или на отсутствии полной совокупности юридически значимых признаков состава конкретного преступления, или на незавершенности преступной деятельности. При этом большинство предлагаемых определений небесспорны с позиций как юридического содержания, так и техники правовой регламентации. Например, И. С. Тишкевич определяет неоконченное преступление как умышленную общественно опасную деятельность виновного, которая содержит в себе лишь часть признаков состава преступления, вследствие неполного развития его объективной стороны[1]. Также этот автор обращает внимание на отсутствие в неоконченном преступлении всех признаков состава соответствующего уголовно наказуемого деяния. А. А. Тер-Акопов предлагает неоконченным считать такое преступление, которое направлено на достижение преступного результата, не наступившего по причинам, не зависящим от лица, совершившего данное деяние[2].

Предлагаемые авторами определения представляются дискуссионными. В первом случае оставлена без внимания направленность и юридическая незавершенность противоправной деятельности. Кроме этого, И. С. Тишкевич не учитывает субъективной стороны содеянного, указывая лишь на неполное развитие объективной стороны. Второй вариант определения, предложенный А. А. Тер-Акоповым, вызывает трудности восприятия ввиду значительного количества юридически неопределенных признаков, равно как и наличия логической погрешности: уголовный закон (нормы Особенной части УК РФ) не предусматривает деяний, направленных на достижение преступного результата, так как этот результат в совокупности с иными предусмотренными уголовно-правовой нормой признаками и образует общественно опасное деяние.

Представители еще одной группы ученых предлагают определять неоконченное преступление посредством обозначения ста-

дий осуществления преступной деятельности. Так, А. А. Анисимов под неоконченным преступлением понимает общественно опасное, противоправное, умышленное и наказуемое создание лицом необходимых условий для совершения преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, либо последующее непосредственное совершение им данного деяния, если они не доведены до конца, в силу возникших обстоятельств, не зависящих от данного лица[3]. Приблизительно такое же по содержанию определение неоконченному преступлению дает К. Т. Тедеев: «неоконченным преступлением является общественно опасное, противоправное, умышленное и наказуемое создание лицом необходимых условий для совершения деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, либо последующее совершение им деяния, непосредственно направленного на выполнение преступления, если они были прерваны и не доведены до конца в силу возникших обстоятельств, не зависящих от данного лица»[4].

В этих случаях наблюдается явная попытка авторов раскрыть содержание уголовно наказуемых приготовления и покушения через официальную дефиницию преступления. Однако подобный вариант решения проблемы спорен, поскольку уголовный закон в нормах Особенной части не предусматривает «противоправного создания условий», равно как и «виновно совершаемого, но не доведенного до конца деяния». Кроме того, громоздкость рассматриваемых конструкций свидетельствует о непродуманности содержания юридически значимых признаков, совокупность которых позволяет установить наличие неоконченного преступления.

А. П. Козлов, напротив, предлагает чрезмерно лаконичное определение неоконченного преступления, понимая под ним прерванную на той или иной стадии развития преступную деятельность[5]. Здесь обращает на себя внимание отсутствие указания на причину, по которой преступная деятельность была прервана. При этом известно, что если действия лица были прекращены по собственному желанию при осознании им возможности доведения преступления до конца, то налицо добровольный отказ от преступления.

В качестве общего замечания по поводу подхода к даче определения неоконченного преступления через стадии осуществления преступной деятельности можно указать, что категория стадий не отражает общественной опасности деяния, предусмотренного уголовным законом. Вследствие этого недопустимо смешение сущности преступления и процесса его совершения.

Некоторые авторы при формулировании определения неоконченного преступления вовсе пытаются предусмотреть все случаи незавершенности преступной деятельности, даже те, которые исключают возможность привлечения к уголовной ответственности. Так, А. И. Ситникова в своих работах под неоконченным преступлением подразумевает «умышленное деяние, не доведенное до конца по не зависящим от лица обстоятельствам, а также добровольно оставленное при приготовлении к преступлению и покушении на преступление»[6]. Во многом схожее мнение высказывает Г. В. Назаренко. Он пишет, что «неоконченное преступление – это умышленное деяние, не доведенное до конца по не зависящим от лица обстоятельствам либо в силу добровольного отказа»[7].

Рассматривать добровольный отказ как неоконченное преступление нельзя, поскольку он как раз и характеризует завершение преступной деятельности по собственной воле лица, что исключается при установлении уголовно-правового покушения или приготовления. К тому же, по общему правилу, содеянное при добровольном отказе преступлением вообще не является, а даже если и содержит признаки иного состава преступления, то не квалифицируется в соответствии с той нормой Особенной части УК РФ, которая предусматривает изначально задуманный вид преступления.

Небезынтересными с методологической точки зрения видятся определения неоконченного преступления, сформулированные М. П. Рединым и В. Н. Некрасовым. Учитывая, что в соответствии со ст. 8 УК РФ для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо устанавливать признаки состава преступления, а не момент его завершенности, первый из указанных авторов предлагает законодательную новеллу о неоконченном преступлении следующего содержания: «Преступление признается неоконченным, если в деятельности лица по реализации преступного намерения содержатся все признаки состава приготовления к преступлению либо неполного или полного покушения на преступление, предусмотренные статьей Особенной части УК»[8]. Стремление определить неоконченное преступление через его состав, безусловно, заслуживает одобрения, поскольку действую-

щий закон (ст. 8 УК РФ) не знает исключений из правила определения основания для привлечения лица к уголовной ответственности. Однако нарекание в этом случае вызывает попытка автора выделить виды составов, не содержащих всей совокупности элементов, а, как известно, данное обстоятельство является непреодолимым препятствием для привлечения лица к уголовной ответственности.

В. Н. Некрасов под неоконченным преступлением понимает прерванное общественно опасное умышленное, в оговоренных в УК РФ случаях наказуемое деяние лица по созданию условий для совершения преступления либо непосредственному совершению преступления, которое в силу определенных обстоятельств не доводится до конца, и намеченный результат не наступает[9]. Как представляется, данное определение из всех приведенных выше наиболее точно отражает как юридическое, так и фактическое содержание неоконченного преступления. Единственное частное замечание, которое можно высказать в адрес автора, сводится к чрезмерно большому объему формулировки, что затрудняет восприятие смысла.

Подводя итог проведенному исследованию проблемы определения неоконченного преступления, следует отметить, что до настоящего времени любое привлечение лица к уголовной ответственности за покушение, а тем более за приготовление к предусмотренному нормой Особенной части УК РФ деянию не соответствует базовым требованиям уголовного законодательства. Буквальное толкование ст. 8 УК РФ обязывает правоприменителя устанавливать совокупность всех признаков состава соответствующего преступления с целью констатации основания для привлечения виновного к уголовной ответственности. В рассматриваемых случаях априори все необходимые признаки, относящиеся к объективной стороне состава преступления, установить нельзя. Это, с одной стороны, не является препятствием для привлечения к уголовной ответственности[10], а с другой – прямо не признается исключением из действующих правил квалификации преступления и реализации уголовной ответственности. Решение данной проблемы видится в формулировании и последующем законодательном закреплении дефиниции «неоконченное преступление», которая не должна принципиально отличаться от базового определения (ч. 1 ст. 14 УК РФ), поскольку в противном случае непременно встанет вопрос о достаточности общественной опасности юридически незавершенного деяния: создается только угроза нарушения объекта уголовно-правовой охраны и (или) причиняется реальный вред общественным отношениям, пусть и не в том объеме, который предусмотрен уголовным законом.

Таким образом, не претендуя на окончательность разрешения проблемы содержания неоконченного преступления, можно предложить следующий вариант его определения: неоконченным преступлением признается содеянное лицом, непосредственно направленное на совершение преступления, но не доведенное до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 27.

[2] См.: Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 111.

[3] См.: Анисимов А. А. Неоконченные преступления и особенности их доказывания : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 7.

[4] Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов. М., 2005. С. 48.

[5] См.: Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 349.

[6] Ситникова А. И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 108.

[7] Назаренко Г. В. Русское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2000. С. 116.

[8] Редин М. П. Преступления по степени их завершенности. М., 2006. С. 65.

[9] См.: Некрасов В. Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 7.

[10] См.: Лапшин В. Ф. Средства дифференциации ответственности в новейшей уголовно-правовой доктрине // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3. С. 106–107.

[1] Sm.: Tishkevich I. S. Prigotovlenie i pokushenie po sovetskomu ugolovnomu pravu. M., 1958. S. 27.

[2] Sm.: Ter-Akopov A. A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoj prichinnosti v ugolovnom prave. M., 2003. S. 111.

[3] Sm.: Anisimov A. A. Neokonchennye prestuplenija i osobennosti ih dokazyvanija : dis. … kand. jurid. nauk. Voronezh, 2003. S. 7.

[4] Tedeev K. T. Stadii sovershenija prestuplenija i konstrukcii sostavov. M., 2005. S. 48.

[5] Sm.: Kozlov A. P. Uchenie o stadijah prestuplenija. SPb., 2002. S. 349.

[6] Sitnikova A. I. Prigotovlenie k prestupleniju i pokushenie na prestuplenie. M., 2006. S. 108.

[7] Nazarenko G. V. Russkoe ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' : kurs lekcij. M., 2000. S. 116.

[8] Redin M. P. Prestuplenija po stepeni ih zavershennosti. M., 2006. S. 65.

[9] Sm.: Nekrasov V. N. Normy o neokonchennom prestuplenii: problemy zakonodatel'noj tehniki i differenciacii otvetstvennosti : avtoref. dis. … kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2013. S. 7.

[10] Sm.: Lapshin V. F. Sredstva differenciacii otvetstvennosti v novejshej ugolovno-pravovoj doktrine // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 3. S. 106–107.

УДК 343.263

К вопросу о месте ограничения свободы в современной системе уголовных наказаний

Е. А. ПЕРМИЛОВСКАЯ – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова

В статье дается общая характеристика российской системы уголовных наказаний, раскрывается содержание основных подходов к определению места в ней ограничения свободы, проводится сравнительный анализ данного наказания и иных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, обосновывается необходимость изменения места ограничения свободы в системе наказаний.

Ключевые слова: система уголовных наказаний; ограничение свободы; исправительные работы; обязательные работы.

On the issue of the place of restriction of freedom in the modern system of criminal penalties

E. A. PERMILOVSKAYA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Process of the Northern (Arctic) Federal M. V. Lomonosov University

The article gives a general description of the Russian system of criminal penalties, the content of the main approaches to determining the place of restriction of freedom is disclosed. The author carried out a comparative analysis of this punishment and other non-isolation of the convict from society; the necessity of changing the position of restriction of freedom in the system of punishments is grounded.

Key words: system of criminal punishments; restriction of freedom; correctional labor; compulsory work.

Современное российское законодательство предусматривает достаточно широкий перечень уголовных наказаний, различных по своему юридическому содержанию, строгости, порядку назначения и применения, срокам и характеру воздействия на осужденного. Это предоставляет судам возможность в каждом конкретном случае назначать лицу, совершившему преступление, справедливое наказание, максимально эффективно обеспечивающее его исправление. Все предусмотренные уголовным законом виды наказаний объединяются в иерархическую структуру – систему наказаний.

Первая попытка формализации отечественной системы уголовных наказаний была предпринята в т. XV Свода законов Российской империи 1832 г., где в гл. «О разных родах казней и наказаний» содержался перечень всех применяемых к осужденным карательных мер[1]. Результатом дальнейшей систематизации стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., создатели которого «не столько думали о предположении новых наказаний, сколько о приведении существующих уже в правильнейшую систему»[2]. В гл. 2 данного документа была закреплена единая упорядоченная сложноструктурированная система уголовных наказаний, предусматривавшая их деление на разряды, роды и степени.

В процессе последующего исторического развития отечественного уголовного законодательства происходили неоднократные изменения структуры и принципов построения системы наказаний, обусловленные особенностями «существующего политического строя, экономической ситуации, общественного мнения»[3] и иными факторами общественной жизни.

В настоящее время в соответствии со ст. 44 УК РФ в российскую систему уголовных наказаний входят 13 наказаний. Следу-

ет признать, что даже без учета не подлежащих применению ареста и смертной казни данный перечень достаточно широк. Это позволяет законодателю дифференцировать ответственность при формулировании санкций норм, закрепленных в статьях Особенной части УК РФ, а судам – индивидуализировать наказание в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, личностью виновного, а также иными обстоятельствами, подлежащими учету при его назначении.

Система наказаний подчиняется принципу законности, то есть устанавливается и изменяется только уголовным законом, при этом перечень, закрепленный в ст. 44 УК РФ, является исчерпывающим и обязательным как для законодателя, так и для суда.

Важной особенностью современной российской системы уголовных наказаний является ее гуманизм, который проявляется не только в отсутствии жестоких наказаний, унижающих честь и достоинство осужденного, причиняющих ему физические и нравственные страдания, но и в превалировании наказаний, не предполагающих изоляцию от общества.

Все виды наказаний, включенные в систему, располагаются в определенной последовательности – от наиболее мягкого к наиболее строгому. Это имеет большое практическое значение: таким образом законодатель ориентирует судебные органы на преимущественное назначение менее жестких наказаний из тех, которые перечислены в санкциях норм Особенной части УК РФ. И только в случае явной невозможности достичь целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений суд может применить к виновному более строгий вид наказания. Кроме того, такой порядок построения системы уголовных наказаний дает судам возможность правильно назначать наказание при наличии смягчающих или отягчающих обстоятельств, замене неотбытой части наказания более мягким видом и в иных, предусмотренных уголовным законом случаях.

Именно поэтому так важно правильно определить и законодательно закрепить место того или иного вида наказания в существующей системе наказаний. Однако представители доктрины уголовного права в настоящее время указывают в качестве одного из наиболее значимых ее недостатков нарушение порядка расположения видов наказания в результате неверной оценки законодателем их сравнительной тяжести[4]. Особенно острую дискуссию вызвало коренное преобразование содержания, порядка и условий отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы в связи с принятием Федерального закона от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы»[5]. По мнению многих авторов, эти изменения привели к значительному смягчению карательной составляющей ограничения свободы, что неизбежно должно было отразиться на его положении в системе наказаний. Но этого не произошло, и вопрос о месте ограничения свободы в современной системе наказаний по-прежнему актуален.

Следует отметить, что в уголовно-правовой науке сложилось несколько подходов к решению указанной проблемы.

Существует точка зрения, в соответствии с которой ограничение свободы совершенно утратило свой карательный потенциал и должно быть исключено из системы уголовных наказаний. Так, Г. В. Верина считает, что по своей сути «оно в большей мере отвечает требованиям иной меры уголовно-правового характера»[6]. Подобной позиции придерживается и О. В. Тюшнякова. Она отмечает в содержании ограничения свободы отсутствие карательных элементов, присущих уголовным наказаниям, и предлагает дополнить им систему иных мер уголовно-правового воздействия[7].

По мнению же Р. С. Зайнутдинова, данный вид наказания занимает в перечне наказаний соответствующее место[8]. Анализируя положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, он приходит к выводу о том, что при назначении и исполнении ограничения свободы вполне возможно достижение всех установленных законодателем целей наказания.

В. Д. Филимонов считает, что в целях обеспечения индивидуализации карательно-воспитательного воздействия на осужденных, а также эффективной реализации восстановительной и предупредительной функций уголовного права необходимо укрупнять существующие виды наказания с детализацией ограничений, образующих их содержание[9]. Именно поэтому ограничение свободы, сохраняя свое место в системе, должно соединиться с наказанием в виде

принудительных работ и назначаться с отбыванием по месту жительства осужденного или с содержанием его в исправительном центре.

Весьма спорной представляется точка зрения О. Н. Ничуговской о том, что принудительные работы (или «направление в исправительный центр») следует расположить «сразу за исправительными работами»[10], сохраняя позицию ограничения свободы в системе наказаний. Однако в таком случае оно будет уступать в строгости только лишению свободы, что явно не соответствует современному юридическому содержанию исследуемого наказания.

Некоторые ученые полагают, что сохранение за ограничением свободы занимаемого им в настоящий момент места в системе наказаний возможно только при условии включения в его содержание дополнительных ограничений и обязанностей, устанавливаемых для осужденных. Это должно увеличить его карательный потенциал и установить более четкую грань между ним и условным осуждением, а также административным надзором, осуществляемым за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы. В частности, А. Н. Тарбагаев предлагает включить в содержание исследуемого наказания обязанность осужденного «подчиняться использованию в отношении него технических средств надзора и контроля»[11]. Аналогичной точки зрения придерживаются А. В. Звонов и О. В. Соколова[12]. Они указывают на необходимость предоставления суду возможности с учетом особенностей личности виновного и обстоятельств совершенного преступления выносить решение о применении к подсудимому указанных средств. По мнению Д. А. Рясова, существенно повысить эффективность наказания в виде ограничения свободы можно путем включения в его содержание обязанностей осужденного «трудоустроиться, продолжить обучение, пройти курс лечения от алкоголизма или наркомании, венерического заболевания и т. д.»[13]. В качестве одного из вариантов «реформирования наказания в виде ограничения свободы» И. В. Соколов также усматривает дополнение его содержания иными запретами и обязанностями для осужденных[14].

Достаточно распространенным в настоящее время является представление о том, что ограничение свободы должно занимать иное, соответствующее его современному содержанию, а значит, более высокое место в системе уголовных наказаний. Указывая на весьма перспективный характер данного наказания, Р. С. Рыжов предлагает поместить его на второе место в лестнице наказаний, следующее за штрафом[15]. По мнению Д. А. Гарбатовича, ограничение свободы по своей карательной сущности является менее строгим наказанием по сравнению со штрафом, обязательными и исправительными работами[16]. Г. В. Верина, допуская возможность сохранения за ограничением свободы статуса уголовного наказания, считает, что его следовало бы поместить перед обязательными работами, поскольку «смешанные наказания по своей репрессивной силе в принципе не должны быть жестче основных наказаний»[17]. Подобную точку зрения высказывает и А. И. Рарог[18].

На наш взгляд, именно последний подход к определению места ограничения свободы в системе уголовных наказаний с учетом его современного юридического содержания является наиболее верным.

Несмотря на то что исследуемое наказание ограничивает не столько личную свободу осужденного, сколько свободу его передвижения и выбора мест жительства и пребывания, ограничению могут подлежать и иные права, для «реализации которых необходима эта свобода»[19]. К ним прежде всего относятся право свободного выбора места и рода занятий, в том числе предпринимательской, трудовой и творческой деятельностью, а также право на образование, охрану здоровья и медицинскую помощь (применительно к свободному выбору образовательного и медицинского учреждения). При установлении судом ограничений на выезд за пределы территории муниципального образования, посещение определенных мест, расположенных в его пределах, а также посещение или участие в массовых и иных мероприятиях осужденные могут утратить возможность в полном объеме реализовывать право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, свободу вероисповедания, проведение собраний, митингов и демонстраций. Посредством применения в отношении осужденного аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля ущемляется его право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Таким образом, в процессе исполнения (отбывания) наказания значительным ограничениям подвергаются многие конституционные права и свободы личности, что указывает на необходимость сохранения за ограничением свободы статуса уголовного наказания. Об этом также свидетельствуют длительность срока претерпевания ограничений, образующих содержание иссле-

дуемого наказания, и уголовно-правовые последствия злостного уклонения от его отбывания[20].

Однако при назначении судом только предусмотренных законодательством запретов и возложении на осужденного обязанности ежемесячно являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации ограничение вышеназванных прав сводится к минимуму. Кроме того, сопоставляя современную редакцию норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства об ограничении свободы с их первоначальным вариантом, следует признать неоднократно отмечаемое в научной литературе значительное снижение карательного потенциала данного наказания, которое обусловливает необходимость перемещения его по ступеням лестницы наказаний на более высокую позицию.

Так, уголовным законом в настоящее время предусмотрено, что ограничение свободы может быть назначено в качестве как основного, так и дополнительного наказания, а смешанные наказания должны рассматриваться как менее строгие, чем те, которые применяются только в качестве основных. Кроме того, законодатель в ч. 2 ст. 53 УК РФ установил возможность назначения ограничения свободы в качестве основного вида наказания только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, косвенно согласившись, таким образом, со значительным смягчением образующих его содержание правоограничений. Это подтверждается также исключением федеральным законом от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ возможности применения в отношении лиц, осужденных к ограничению свободы, условного осуждения. В соответствии с Федеральным законом от 04.10.2010 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации»[21] к данной категории осужденных не применяется и отсрочка от отбывания наказания.

Бесспорно, ограничение свободы является более мягким наказанием, чем принудительные работы. Однако, сравнивая его с иными наказаниями, занимающими более высокую позицию в системе, следует признать, что по объему и характеру образующих его ограничений и обязанностей оно уступает в строгости исправительным и обязательным работам, отбывая которые, осужденные существенно поражаются прежде всего в трудовых правах. В то же время, по справедливому замечанию Г. К. Буранова, «из обязанности трудиться вытекает принуждение находиться в период рабочего времени на рабочем месте»[22].

Осужденный к обязательным работам привлекается к труду в рабочие и выходные дни, а также в дни, когда он не занят по основному месту работы или учебы. При этом предоставление ему очередного ежегодного отпуска по основному месту работы в соответствии с ч. 2 ст. 26 УИК РФ не приостанавливает исполнение данного наказания. Таким образом, осужденный существенно ограничивается и в свободе передвижения, поскольку в период отбывания обязательных работ фактически лишен возможности покидать территорию муниципального образования, в пределах которой живет и работает. Кроме того, он должен являться по вызову уголовно-исполнительной инспекции, исполняющей данный вид наказания, и обязательно уведомлять ее об изменении места своего жительства (ч. 1 ст. 26 УИК РФ). При максимально назначенных судом 480 часах обязательных работ календарный срок отбывания наказания составляет 8–10 месяцев.

Осужденный к исправительным работам в соответствии со ст. 40 УИК РФ не может отказаться от предложенной ему работы, уволиться по собственному желанию без письменного разрешения уголовно-исполнительной инспекции, а также обязуется уведомлять ее об изменении места работы и жительства в течение десяти дней. Его ежегодный оплачиваемый отпуск на период отбывания наказания сокращается до 18 рабочих дней и предоставляется работодателем по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией (ч. 6 ст. 40 УИК РФ). В случае нарушения порядка и условий отбывания исправительных работ на осужденного в соответствии с ч. 2 ст. 46 УИК РФ может быть наложена обязанность являться в инспекцию для регистрации до двух раз в месяц. Учитывая, что в срок наказания засчитывается только то время, когда осужденный работал и из его заработка производились соответствующие удержания (ч. 1 ст. 42 УИК РФ), фактическое время пребывания лица в статусе осужденного к исправительным работам может быть весьма продолжительным и даже превышать максимально установленный уголовным законом для данного наказания двухлетний срок. Таким образом, в период отбывания исправительных работ существенным ограничениям подвергается также свобода передвижения осужденного и выбора им места своего нахождения.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что осужденные к исправительным и обязательным работам помимо поражения в трудовых правах фактически вынуждены претерпевать ограничения своей свободы передвижения, имеющие определенное сходство с теми, которые образуют содержание наказания в виде ограничения свободы. Таким образом, ограничение свободы следует признать более мягким по своему содержанию наказанием, нежели обязательные и исправительные работы, и закрепить в современной системе уголовных наказаний на предшествующем им четвертом месте. Аналогичным изменениям должна быть подвергнута и система уголовных наказаний, предусмотренная для несовершеннолетних. Кроме того, соответствующие изменения должны быть внесены в санкции норм, закрепленных в Особенной части УК РФ и предусматривающих в качестве одного из альтернативных видов наказаний ограничение свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 161.

[2] Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. С. 81.

[3] Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. С. 368.

[4] См.: Тарбагаев А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 75–82; Тюшнякова О. В. «Бессистемная» система уголовных наказаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 80–85; Уголовно-правовое воздействие : моногр. / под ред. А. И. Рарога. М., 2014.

[5] См.: СЗ РФ. 2009. № 52 (Ч. 1). Ст. 6453.

[6] Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл // Уголовное право. 2010. № 5. С. 10.

[7] См.: Тюшнякова О. В. «Бессистемная» система уголовных наказаний. С. 82.

[8] См.: Зайнутдинов Р. С. Ограничение свободы: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60). Т. 3. С. 282.

[9] См.: Филимонов В. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. 2013. № 2. С. 44.

[10] Ничуговская О. Н. Перспектива реформирования современной системы уголовных наказаний // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. межведомств. конф. (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016. С. 435.

[11] Тарбагаев А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве. С. 80.

[12] См.: Звонов А. В., Соколова О. В. О месте ограничения свободы в системе мер уголовно-правового воздействия // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 22.

[13] Рясов Д. А. Ограничение свободы в системе уголовных наказаний, предусматривающих ограничение личной свободы осужденного // Актуальные проблемы современной науки. 2013. Вып. 2. Т. 2. С. 85.

[14] См.: Соколов И. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2012.

[15] См.: Рыжов Р. С. Ограничение свободы и его место в системе уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1 (68). С. 83.

[16] См.: Гарбатович Д. А. Проблемы эффективности уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8. С. 33.

[17] Верина Г. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в свете законодательных новелл. С. 10.

[18] См.: Уголовно-правовое воздействие. С. 144.

[19] Рясов Д. А. Ограничение свободы в системе уголовных наказаний, предусматривающих ограничение личной свободы осужденного. С. 84.

[20] См.: Звонов А. В., Соколова О. В. О месте ограничения свободы в системе мер уголовно-правового воздействия. С. 21.

[1] Sm.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. / pod obshh. red. O. I. Chistjakova. M., 1988. T. 6. S. 161.

[2] Fojnickij I. Ja. Uchenie o nakazanii v svjazi s tjur'movedeniem. M., 2000. S. 81.

[3] Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' : ucheb. / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva. M., 2008. S. 368.

[4] Sm.: Tarbagaev A. N. Problemy jeffektivnosti sistemy nakazanij v rossijskom ugolovnom prave // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2014. № 4. S. 75–82; Tjushnjakova O. V. «Bessistemnaja» sistema ugolovnyh nakazanij // Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika. 2015. № 4 (34). S. 80–85; Ugolovno-pravovoe vozdejstvie : monogr. / pod red. A. I. Raroga. M., 2014.

[5] Sm.: SZ RF. 2009. № 52 (Ch. 1). St. 6453.

[6] Verina G. Ogranichenie svobody kak vid ugolovnogo nakazanija v svete zakonodatel'nyh novell // Ugolovnoe pravo. 2010. № 5. S. 10.

[7] Sm.: Tjushnjakova O. V. «Bessistemnaja» sistema ugolovnyh nakazanij. S. 82.

[8] Sm.: Zajnutdinov R. S. Ogranichenie svobody: ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4 (60). T. 3. S. 282.

[9] Sm.: Filimonov V. Problemy differenciacii vidov nakazanij, ne svjazannyh s lisheniem svobody, i otvetstvennosti za uklonenie ot ih otbyvanija // Ugolovnoe pravo. 2013. № 2. S. 44.

[10] Nichugovskaja O. N. Perspektiva reformirovanija sovremennoj sistemy ugolovnyh nakazanij // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema na sovremennom jetape: vzaimodejstvie nauki i praktiki : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. mezhvedomstv. konf. (16–17 ijunja 2016 g.) / pod obshh. red. A. A. Votinova. Samara, 2016. S. 435.

[11] Tarbagaev A. N. Problemy jeffektivnosti sistemy nakazanij v rossijskom ugolovnom prave. S. 80.

[12] Sm.: Zvonov A. V., Sokolova O. V. O meste ogranichenija svobody v sisteme mer ugolovno-pravovogo vozdejstvija // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 4 (22). S. 22.

[13] Rjasov D. A. Ogranichenie svobody v sisteme ugolovnyh nakazanij, predusmatrivajushhih ogranichenie lichnoj svobody osuzhdennogo // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki. 2013. Vyp. 2. T. 2. S. 85.

[14] Sm.: Sokolov I. V. Ogranichenie svobody kak vid ugolovnogo nakazanija : dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2012.

[15] Sm.: Ryzhov R. S. Ogranichenie svobody i ego mesto v sisteme ugolovnyh nakazanij // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2010. № 1 (68). S. 83.

[16] Sm.: Garbatovich D. A. Problemy jeffektivnosti ugolovnogo nakazanija v vide ogranichenija svobody // Rossijskaja justicija. 2013. № 8. S. 33.

[17] Verina G. Ogranichenie svobody kak vid ugolovnogo nakazanija v svete zakonodatel'nyh novell. S. 10.

[18] Sm.: Ugolovno-pravovoe vozdejstvie. S. 144.

19 Rjasov D. A. Ogranichenie svobody v sisteme ugolovnyh nakazanij, predusmatrivajushhih ogranichenie lichnoj svobody osuzhdennogo. S. 84.

[20] Sm.: Zvonov A. V., Sokolova O. V. O meste ogranichenija svobody v sisteme mer ugolovno-pravovogo vozdejstvija. S. 21.

[21] Sm.: SZ RF. 2010. № 41 (Ch. 2). St. 5199.

[21] См.: СЗ РФ. 2010. № 41 (Ч. 2). Ст. 5199.
[22] Буранов Г. К. Уголовно-правовое ограничение свободы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1. С. 45–52.

[22] Buranov G. K. Ugolovno-pravovoe ogranichenie svobody // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 1. S. 45–52.

УДК 343.3

К вопросу о наказании за насильственные преступления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ

О. Н. РЯБЧЕНКО – старший преподаватель кафедры экологического, аграрного и природоресурсного права Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье анализируются санкции за насильственные преступления против порядка управления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ, а также практика назначения судами уголовных наказаний за совершение соответствующих деяний, выявляются связанные с этим основные тенденции в пенитенциарной сфере, формулируются предложения по совершенствованию санкций ст. 318 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против порядка управления; назначение наказания; судебная практика; лишение свободы; санкция.

On the issue of punishment for violent crimes provided for in Art. 317 and Art. 318 of the Criminal Code

O. N. RYABCHENKO – Senior Lecturer of the Department of Ecological, Agrarian and Natural Resources of the Udmurtiya State University, PhD. in Law

The article analyzes sanctions for violent crimes against order of management, stipulated by Art. 317 and Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the practice of appointing by the courts criminal penalties for their commission. The basic tendencies of penitentiary practice are revealed. Suggestions are made to improve the sanctions of Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: crimes against order management; sentencing; litigation; imprisonment, sanction.

Назначение наказания является важнейшим этапом правоприменительной деятельности, во многом завершающим сложный процесс социальной и правовой оценки совершенного лицом общественно опасного поступка. Значимость законного и эффективного наказания признается всеми без исключения: специалистами в области уголовного права, политиками, простыми гражданами. Большой вклад в дело формирования практики назначения наказания вносит высшая судебная инстанция. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[1] особо подчеркивается, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, определенных в ст. 2 и 43 УК РФ, а в постановлении от 29.10.2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»[2] отмечается, что установленный законом порядок назначения уголовных на-

казаний является важной гарантией реализации принципов законности, справедливости и гуманизма.

В связи с этим следует признать, что изучение практики назначения уголовных наказаний должно составлять одно из приоритетных направлений научных исследований и выступать областью постоянного профессионального мониторинга. Нельзя сказать, что соответствующая работа не ведется. Суды регулярно публикуют обзоры и обобщения практики, акцентируя внимание на типичных недочетах и ошибках, выходят в свет серьезные научные исследования. Между тем, на наш взгляд, в отечественной науке работ по проблемам назначения наказаний за отдельные виды преступлений крайне мало. Что касается научного исследования вопросов назначения наказания за преступления против порядка управления, то оно вовсе представлено единичными публикациями К. А. Долгополова и А. Р. Саруханяна[3]. Очевидно, что эти труды не охватывают всего комплекса возникающих вопросов и служат лишь первым опытом погружения в тему.

Исходя из вышесказанного обращение к анализу практики назначения наказания за такую относительно самостоятельную группу деликтов, как насильственные преступления против сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, видится и оправданным, и необходимым. Для изучения вопроса в качестве источников первичной научной информации были взяты размещенные в свободном доступе на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации статистические данные о состоянии и динамике судимости в стране (формы статистического наблюдения № 10.3 и 10.3.1). Глубина наблюдения составила 6 лет (2010–2016 гг.), что вполне достаточно и для формулирования репрезентативных выводов, и для определения некоторых тенденций в развитии правоприменительной практики. Удлинение временного лага с учетом динамики санкций уголовного закона, активации новых видов уголовных наказаний может исказить суть тенденций и привести к некорректным выводам. В качестве объекта исследования выступила практика назначения наказания, прежде всего, за два преступления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ.

Ежегодно за совершение рассматриваемых деяний обвинительный приговор выносится 7–8 тыс. чел., причем в последнее время обнаруживается рост этого показателя (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика осужденных за насильственные преступления против порядка управления

Статьи УК РФ	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.
317	37	53	40	104
318, ч. 1	6008	5453	6685	7089
318, ч. 2	940	861	966	930

Рост преступных посягательств в отношении представителей власти, который сам по себе должен стать предметом пристального криминологического наблюдения, может объясняться весьма широким спектром причин – от активной и бескомпромиссной работы представителей власти до активизации протестных настроений на фоне увеличения бюрократического аппарата и его неэффективности.

В нашу задачу не входят детальное исследование и оценка этой тенденции (причины, последствия, связь с социально-экономическим и политическим развитием страны и др.). Важно просто зафиксировать тот факт, что преступления против субъектов управления получают все большее распространение, и учитывать его при оценке практики назначения уголовных наказаний за соответствующие деликты.

Вопрос о допустимости и пределах влияния криминологической ситуации на процесс и результат назначения наказания дискуссионен. Так, по мнению А. Д. Соловьева, «значительная часть ошибок при назначении наказания объясняется именно тем, что суды не всегда учитывают состояние преступности, распространенность того или иного вида преступлений в данной области, городе, районе»[4]. Эту точку зрения разделяют и другие авторы[5]. В то же время Е. В. Благов выступает с критикой такой идеи, указывая, что «человека нельзя наказывать, принимая во внимание то, что он не совершал. Иное противоречит как принципам вины и справедливости (ст. 5 и 6 УК РФ), так и основанию уголовной ответственности (ст. 8), которые законодатель связывает лишь с деянием данного лица»[6].

Представляется, что в этом споре истина находится посредине. Дело в том, что закон не содержит и по определению не может содержать указаний на необходимость учета при индивидуализации наказания конкретному лицу обстоятельств, не связанных непосредственно с совершенным им преступлением и личностью виновного. Иное, как

правильно пишет Е. В. Благов, противоречит принципиальным установкам отрасли уголовного права. Но, с другой стороны, жесткость уголовной репрессии должна быть связана с тенденциями преступности. Общая закономерность здесь понятна: чем больше совершается деяний, тем жестче должно быть наказание для того, чтобы обеспечивать общепревентивный эффект. Вопрос состоит в том, как эти две позиции примирить.

Представляется, что ключ к решению проблемы лежит в разведении таких правовых процессов, как пенализация и назначение наказания. При назначении наказания учитывается только то, что описано в законе и что относится к конкретному преступлению. В процессе же конструирования санкции на правотворческом уровне спектр подлежащих учету факторов значительно шире. Правы исследователи, когда пишут: «Конструирование санкции – самостоятельная задача, в решении которой принимается в расчет не только опасность деяния, но и иные факторы, не связанные с характеристикой отдельного поведенческого акта, но тяготеющие к области социальных и политических отношений (степень распространенности деяния, политические интересы, состояние бюджета и пр.)»[7]. Учитывая это, распространенность тех или иных преступлений может и должна приниматься во внимание в наказательной практике, но не на уровне принятия решения по конкретному делу, а на уровне уголовной политики, при определении, какой должна быть санкция за то или иное преступление.

Изложенное не дает оснований для формулирования вывода о необходимости коррекции санкций, ибо понятно, что распространенность преступлений является лишь одним из многих факторов, которые надо учитывать при их конструировании. Для того чтобы дать оценку существующей сегодня системе наказаний за преступления против порядка управления, необходимо рассмотреть и сами эти санкции, и практику назначения уголовных наказаний.

Анализ показывает, что самым подходящим наказанием за исследуемые деликты, по мысли законодателя, является лишение свободы (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение наказаний в санкциях

Статьи УК РФ	Смертная казнь, пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Арест	Принудительные работы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Количество наказаний	Максимальный срок лишения свободы
317	+	+							2	20
318, ч. 1		+	+	+				+	4	5
318, ч. 2		+							1	10

Если принять во внимание, что арест на сегодняшний день не назначается, а принудительные работы начали применяться только с января 2017 г. (и то, как показывает практика, объемы их использования пока крайне незначительны ввиду нехватки специальных учреждений и проблем с определением их правовой природы), то становится очевидным, что единственно возможным наказанием в санкциях норм о насильственных преступлениях против субъектов управления является лишение свободы.

Практика закономерно подтверждает этот вывод (см. табл. 3).

Таблица 3

Назначение наказания за преступления против порядка управления (удельный вес за исключением условно осужденных)

Статьи УК РФ	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф
317	5,1	94,9	–	–	–	–
318, ч. 1	–	35,2	0,1	0,2	0,2	64,3
318, ч. 2	–	97,5	0,1	0,4	0,1	1,9

Разумеется, такое распределение обусловлено абсолютными цифрами, степенью распространенности отдельных преступлений против порядка управления и особенностями санкций, а потому нуждается в уточнении и дифференцированной оценке. В

частности, надо иметь в виду, что за преступления, связанные с применением серьезного насилия в отношении представителей власти, лишение свободы назначается в более чем 90 % случаев, что свидетельствует о совпадении законодательной и судебной оценки общественной опасности преступлений против субъектов управления.

Итак, лишение свободы и по мысли законодателя, и согласно данным судебной статистики является оптимальным наказанием за совершение насильственных преступлений против представителей власти. Санкции в соответствующих нормах достаточно высокие и более строгие, нежели за преступления, связанные с причинением аналогичного вреда рядовым гражданам.

Это стало поводом для оспаривания соответствующих уголовно-правовых норм в Конституционном Суде Российской Федерации. В частности, граждане ставили вопрос о соответствии санкций ст. 317, 318 УК РФ, Конституции Российской Федерации, указывая на то, что их размер не соответствует санкциям общеуголовных аналогов и потому нарушается принцип равенства[8]. Суд всегда отказывал в принятии таких жалоб, поясняя, что федеральный законодатель предусмотрел более строгое наказание за применение насилия в отношении такой категории лиц, как представители власти, в полной мере реализуя предоставленные ст. 71 Конституции Российской Федерации полномочия в сфере регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина (п. «в»), а также уголовного законодательства (п. «о»).

Весьма остро вопрос о конституционности санкции встает при анализе ст. 317 УК РФ, поскольку последняя предусматривает возможность назначения высшей меры наказания за деяние, которое, согласно конструкции объективной стороны, может быть выражено в покушении на убийство представителя власти. Учитывая это, А. В. Седых, например, пишет, что «составы посягательства, предусмотренные ст. 277, 295 и 317 УК РФ, не согласуются с общенормативным определением оконченного преступления и покушения на преступление и поэтому не обеспечивают необходимой дифференциации уголовной ответственности в зависимости от наступивших последствий. Назначение длительных сроков наказания в виде лишения свободы, а тем более пожизненного лишения свободы, при нереализованном умысле противоречит принципу справедливости»[9].

Сомнения подобного рода также рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации. В частности, гражданин Тимирбулатов в своей жалобе ставил вопрос о конституционности санкции ст. 317 УК РФ и ее соответствии требованиям ст. 66 УК РФ о недопустимости назначения смертной казни и пожизненного лишения свободы за покушение на преступление. Однако суд в определении от 19.02.2003 г. № 72-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимирбулатова Салаудина Хасмагомадовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 57 и статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал, что установление в санкции ст. 317 УК РФ наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы уже за саму попытку лишения жизни не порождает неопределенности с точки зрения согласованности этой санкции с положением ч. 4 ст. 66 УК РФ, поскольку установленный ею запрет назначения в качестве наказания пожизненного лишения свободы относится лишь к приготовлению и покушению на особо тяжкие преступления против жизни и не касается оконченных преступлений. Кроме того, уголовный закон, предусматривая в санкции ст. 317 УК РФ наказания в виде лишения свободы, смертной казни или пожизненного лишения свободы, а также допуская возможность назначения в порядке ст. 64 УК РФ более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, позволяет суду дифференцированно решать вопрос о наказании лица, совершившего преступление, в том числе в зависимости от того, наступила или нет в результате этих действий смерть потерпевшего.

Таким образом, сами по себе повышенные санкции за насильственные преступления против представителей власти не являются свидетельством неравенства в защите лиц различной профессиональной и социальной принадлежности хотя бы потому, что защищают эти санкции не лиц как таковых, а порядок управления – принципиально иной по содержанию объект. Главное, чтобы эти повышенные санкции были адекватны и этому объекту, и характеру посягательства на него. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого

они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств»[10]. Принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при применении взыскания[11].

Рассматривая вопрос о наказаниях за насильственные преступления против представителей власти нельзя обойти стороной проблемы их соотношения с наказаниями, назначаемыми по аналогичным общеуголовным статьям. Имеющиеся данные свидетельствуют, что первые закономерно являются более жесткими (см. табл. 4).

Таблица 4

Сравнение наказаний, назначенных судом (удельный вес от общего числа наказанных, 2016 г.)

Статьи УК РФ	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Условное осуждение к иным мерам	Освобождение от наказания
317	8,7	91,3	0,5	–	–	–	–	–	–
105, ч. 2	3,7	95,7	–	–	–	–	–	–	–
318, ч. 1	–	20,3	46,1	0,1	0,1	0,1	32,9	–	0,4
116	–	2,7	5,9	3,4	15,3	40,3	25,7	3,5	3,2
318, ч. 2	–	48,7	50,3	0,1	0,2	0,1	0,4	–	0,2
111, ч. 2; 112, ч. 2; 115, ч. 2 (среднее)	–	39,6	34,4	4	5,2	13,5	0,4	1,3	1,6

Сведения в таблице подтверждают, что лишение свободы является доминирующим видом, причем масштабы его применения демонстрируют тенденцию роста. Если в общем массиве осужденных за все преступления удельный вес наказанных лишением свободы сокращается и стабилизируется на уровне 29–32 %, то среди осужденных за насильственные преступления против представителей власти он увеличивается: за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, – с 18,7 % в 2010 г. до 20,3 % в 2016 г., а за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 318 УК РФ, – с 37,9 % до 48,7 % соответственно. Это подтверждает известный тезис о предпочтительности именно лишения свободы как самого строгого наказания за преступления, связанные с причинением вреда здоровью человека, и в определенной мере является свидетельством влияния выявленной ранее тенденции роста насильственных преступлений на назначаемые судом виды и размеры уголовных наказаний. Однако следует отметить, что судебная практика весьма осторожно подходит к выбору размера наказания в виде лишения свободы (см. табл. 5).

Таблица 5

Сроки лишения свободы

Статьи УК РФ	2010 г.								2016 г.							
	Всего	До 1 года включительно	Свыше 1 года до 3 лет включительно	Свыше 3 до 5 лет включительно	Свыше 5 до 8 лет включительно	Свыше 8 до 10 лет включительно	Свыше 10 до 15 лет включительно	Свыше 15 до 20 лет включительно	Всего	До 1 года включительно	Свыше 1 года до 3 лет включительно	Свыше 3 до 5 лет включительно	Свыше 5 до 8 лет включительно	Свыше 8 до 10 лет включительно	Свыше 10 до 15 лет включительно	Свыше 15 до 20 лет включительно
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*13*	*14*	*15*	*16*	*17*
317	37	–	–	1	8	2	19	7	95	0	0	2	9	16	44	24

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
318, ч. 1	1 124	350	729	45	–	–	–	–	1 436	459	949	28	–	–	–	–
318, ч. 2	356	4	89	162	101	–	–	–	453	53	226	159	15	–	–	–

В то время как санкция ст. 317 УК РФ устанавливает пределы этого наказания в диапазоне от 12 до 20 лет, 74,7 % приговоренных к лишению свободы в 2016 г. был установлен срок не выше 15 лет, при максимуме наказания в пять лет по ч. 1 ст. 118 УК РФ у 98,5 % осужденных он не превысил трех лет, при максимуме в десять лет по ч. 2 ст. 118 УК РФ у 96,7 % – пяти лет. Иными словами, в большинстве случаев наказание в виде лишения свободы назначается судами в пределах низшей половины санкции. Этот тренд является весьма устойчивым как во временном отношении, так и в пространстве различных статей уголовного закона. Как представляется, на его основе можно сделать два основных вывода: во-первых, об относительно высоких размерах санкций в уголовном законе, которые для усиления общепревентивного эффекта не нуждаются в ужесточении; во-вторых, о том, что показатели индивидуальной опасности отдельных преступлений всегда менее выражены по сравнению с обобщенными показателями опасности преступлений некоторого вида, поскольку корректируются данными о личности виновного и смягчающими обстоятельствами. Если размеры санкции устанавливаются с учетом показателей опасности потенциально возможных экстраординарных случаев и имеют в значительной степени уголовно-политическое, демонстрационное значение, то практика назначения наказания фиксирует опасность типовых, стандартных преступлений соответствующего вида. Главное, на наш взгляд, состоит в том, чтобы между нормативной и судебной оценкой опасности преступлений не было большого разрыва, который способен негативно отразиться на общественной оценке и правотворчества, и правоприменения.

В связи с этим, полагаем, есть все основания к тому, чтобы сократить имеющийся сегодня существенный разрыв между максимальным и минимальным наказанием в виде лишения свободы в санкциях исследуемых статей. К тому есть два пути: снизить максимальный или увеличить минимальный размер наказания. Первый представляется заведомо бесперспективным, учитывая имеющиеся параметры санкций за общеуголовные преступления, признанную опасность преступлений против порядка управления и отсутствие в ряде случаев в санкции указания на минимальный срок лишения свободы. Второй вариант, на наш взгляд, более приемлемый.

Напомним, что реформа уголовного закона, согласно которой из санкций значительной части статей УК РФ было исключено указание на минимальный срок лишения свободы, вызвала неоднозначную и во многом негативную оценку специалистов[12]. Действительно, в ситуации, когда минимальный размер лишения свободы определяется положениями Общей части УК РФ и составляет два месяца, при максимуме наказания в десять и даже пять лет, разрыв становится неоправданно большим, что создает условия для злоупотребления судейским усмотрением.

С учетом сказанного представляется, что в санкцию ч. 1 ст. 318 УК РФ следует внести изменение, установив минимальный размер наказания в виде лишения свободы в два года (это обусловлено тем, что два года составляют максимальную санкцию за побои (ст. 116 УК РФ), которыми, собственно, ограничена объективная сторона деяния в ч. 1 ст. 318 УК РФ). Санкцию ч. 2 ст. 318 УК РФ также стоит скорректировать, установив минимальный размер наказания в виде лишения свободы на уровне двух лет (это будет соответствовать санкциям ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 115 УК РФ, где максимальное наказание составляет два года лишения свободы). В санкцию ст. 317 УК РФ внесение изменений не представляется необходимым, поскольку минимальный срок лишения свободы в ней (12 лет) выше аналогичного минимального срока, установленного в ч. 2 ст. 105 УК РФ (8 лет).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

[2] См.: Там же. 2010. № 1.

[3] См.: Долгополов К. А., Саруханян А. Р. К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против порядка управления // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 2. С. 54–60; Они же. Проблемы назначения наказания за

[1] Sm.: Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2016. № 2.

[2] Sm.: Tam zhe. 2010. № 1.

[3] Sm.: Dolgopolov K. A., Saruhanjan A. R. K voprosu o sankcijah ugolovno-pravovyh norm, reglamentirujushhih ugolovnuju otvetstvennost' za prestuplenija protiv porjadka upravlenija // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2014. № 2. S. 54–60; Oni zhe. Problemy naznachenija nakazanija za

отдельные преступления против порядка управления // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4 (8). С. 217–224.

[4] Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 25.

[5] См., напр.: Филимонов В. Д. Влияние распространенности преступления на размер уголовного наказания // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. Томск, 1985. С. 185–186; Непомнящая Т. Формализация назначения наказания // Уголовное право. 2006. № 4. С. 47–51.

[6] Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 321.

[7] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. М., 2017. С. 380.

[8] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Асеева Павла Витальевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1217-О-О от 23.09.2010 г. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision44159.pdf (дата обращения: 06.07.2017); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Дмитрия Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации № 85-О-О от 28.05.2009 г. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision 6550.pdf (дата обращения: 06.07.2017).

[9] Седых А. В. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 8.

[10] По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4.

[11] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 5.

[12] См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Трансформация санкций уголовного закона: проблемы уголовно-правовой теории, судебной практики и уголовной политики // Российское правосудие. 2012. Спецвыпуск; Наумов А. В. О предполагаемом исключении нижних пределов санкций статей УК РФ об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/726.html (дата обращения: 08.07.2017) и др.

otdel'nye prestuplenija protiv porjadka upravlenija // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2013. № 4 (8). S. 217–224.

[4] Solov'ev A. D. Voprosy primenenija nakazanija po sovetskomu ugolovnomu pravu. M., 1958. S. 25.

[5] Sm., napr.: Filimonov B. D. Vlijanie rasprostranennosti prestuplenija na razmer ugolovnogo nakazanija // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava na sovremennom jetape : sb. st. Tomsk, 1985. S. 185–186; Nepomnjashhaja T. Formalizacija naznachenija nakazanija // Ugolovnoe pravo. 2006. № 4. S. 47–51.

[6] Blagov E. V. Primenenie ugolovnogo prava (teorija i praktika). SPb., 2004. S. 321.

[7] Babaev M. M., Pudovochkin Ju. E. Rossijskaja ugolovnaja politika i ugolovnyj zakon: opyt kriticheskogo analiza. M., 2017. S. 380.

[8] Sm.: Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Aseeva Pavla Vital'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju vtoroj stat'i 63 i stat'ej 252 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe stat'ej 317 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1217-O-O ot 23.09.2010 g. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision44159.pdf (data obrashhenija: 06.07.2017); Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Fomina Dmitrija Vasil'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju vtoroj stat'i 318 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii № 85-O-O ot 28.05.2009 g. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision 6550.pdf (data obrashhenija: 06.07.2017).

[9] Sedyh A. V. Posjagatel'stvo na zhizn' gosudarstvennogo ili obshhestvennogo dejatelja po ugolovnomu pravu Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2007. S. 8.

[10] Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenija chasti pervoj stat'i 188 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki M. A. Aslamazjan : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.05.2008 g. № 8-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2008. № 4.

[11] Sm.: Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Zakona RSFSR «O Gosudarstvennoj nalogovoj sluzhbe RSFSR» i Zakonov Rossijskoj Federacii «Ob osnovah nalogovoj sistemy v Rossijskoj Federacii» i «O federal'nyh organah nalogovoj policii» : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15.07.1999 g. № 11-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1999. № 5.

[12] Sm.: Babaev M. M., Pudovochkin Ju. E. Transformacija sankcij ugolovnogo zakona: problemy ugolovno-pravovoj teorii, sudebnoj praktiki i ugolovnoj politiki // Rossijskoe pravosudie. 2012. Specvypusk; Naumov A. V. O predpolagaemom iskljuchenii nizhnih predelov sankcij statej UK RF ob otvetstvennosti za tjazhkie i osobo tjazhkie prestuplenija. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/726.html (data obrashhenija: 08.07.2017) i dr.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.83

Особенности жизненных планов сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным стажем службы

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

Т. В. ГАЛИЧ – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат психологических наук

Авторы рассматривают вопросы формирования жизненных планов сотрудников уголовно-исполнительной системы на разных этапах службы.

Ключевые слова: жизненные планы; жизненные перспективы; уголовно-исполнительная система; сотрудник; осужденный.

Peculiarities of life plans of the penal system employees with different service length

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State A. G. and N. G. Stoletov University, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor;

T. V. GALICH – Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

The authors consider the issues of formation of life plans for the staff in the penal system at various stages of the service.

Key words: life plans; life prospects; the penal system; employee; convicted.

Современные исследования проблем планирования жизни свидетельствуют о высокой значимости личностного элемента в эффективном саморазвитии и самореализации будущих специалистов.

Жизненные стратегии являются комплексным феноменом и связаны с категориями, характеризующими жизнь личности в целом. По всей вероятности, этим и можно объяснить то внимание, которое уделяется современной социально-гуманитарной наукой таким понятиям, как «жизненные стратегии», «жизненный план», «жизненный путь», «жизненный сценарий», «жизненная установка», «жизненные ориентации».

Согласно исследованию С. Н. Иконниковой, под жизненными стратегиями понимаются жизненные планы молодежи на

близкую и дальнюю перспективу развития личности, а также средства их реализации. Жизненные стратегии включают в себя:

– социальные ориентации (направленность на достижение желаемого социального поведения);

– культурные ориентации (принятие определенных культурных образцов);

– личные ориентации (индивидуально-личностные жизненные ситуации)[1].

По мнению Г. С. Абрамовой, неопределенное будущее не дает возможности двигаться к нему[2]. Опыт изучения проблемы профессионального самоопределения обобщен Н. С. Пряжниковым. В разработанной им содержательно-процессуальной модели профессионального самоопределения центром признаются ценностно-нравственный аспект, развитие самосознания (рефлексии) и потребность в профессиональной компетентности[3].

Наличие продуманной и подкрепленной опытом жизненной стратегии обеспечивает устойчивое конструктивное развитие личности и профессиональное становление. При подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы особенно важно уделять внимание формированию осознанных профессиональных и личных планов[4]. Если все тяготы службы заранее органично «вписаны» в картину мира, то курсант к моменту выпуска из учебного заведения уже морально готов к ним, что снижает в дальнейшем риск эмоционального выгорания и профессиональной деформации.

В ходе анкетирования нами были исследованы жизненные стратегии и планы у курсантов выпускного курса Владимирского юридического института ФСИН России (ВЮИ ФСИН России), а также сотрудников исправительных учреждений с разным стажем службы. Были сформированы две группы:

1) курсанты 5 курса, которые имеют опыт службы в исправительном учреждении только во время прохождения ознакомительной, производственной и преддипломной практик (30 чел.);

2) сотрудники исправительных учреждений со стажем службы 7–10 лет (91 чел.).

Для определения психологической составляющей жизненных планов были использованы методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Кроме того, испытуемым при анкетировании было предложено описать:

1) желаемое будущее в своей профессии (то, чего хочешь достичь);

2) нежелаемое будущее в своей профессии (то, что вызывает наибольшие опасения);

3) оценить, какой из сценариев развития – позитивный или негативный – более реален;

4) комплексную картину своего будущего (работа, семья, хобби и пр.).

Проанализируем полученные данные.

Особенности жизненных планов респондентов первой группы

Средний возраст опрашиваемых составляет от 20 до 22 лет. Это курсанты выпускного курса, которые уже прошли ознакомительную, производственную и преддипломную практики в исправительных учреждениях и имеют опыт несения службы в пределах учебного заведения.

Большинство респондентов (80 %) нацелены на карьерный рост – стать главой управления в своем регионе или начальником учреждения органа, от которого имеется направление, для 10 % важно самоуважение и уважение со стороны других сотрудников, и еще 10 % не имеют полного представления о будущей службе, но им интересно узнать ее поближе и проверить свои силы в данной сфере.

Жизненные планы курсантов отличаются четкостью, сформированностью, поскольку они с первых курсов знают свой комплектующий орган, прикреплены к определенному региону и учреждению, представляют перспективы продвижения по службе. По второму пункту анкеты были получены следующие ответы: половина респондентов боится отсутствия карьерного роста, четверть – преступить черту закона в связи с частым изменением законодательства, 25 % – не найти себя в будущей профессии и невозможность продолжить службу.

Таким образом, картина избегаемого будущего показывает, что для сотрудников этой группы важно оставаться на службе, которая при этом понимается как возможность самореализации, достижения социального статуса и уважения.

Что касается третьего пункта анкеты, то все респонденты выбрали позитивный сценарий будущей профессиональной деятельности, то есть уверены в своих силах и готовы прикладывать усилия для достижения целей.

Следует отметить, что не все курсанты точно представляют то место, где будут работать, но хотят вести спортивный образ

жизни, создать семью и развивать творческие способности.

Из полученных ответов очевидно, что 80 % респондентов данной группы ориентированы на службу в уголовно-исполнительной системе, видят в ней возможность самореализации и выстраивают свою будущую жизнь вокруг службы.

По методике М. Рокича нами выделены три наиболее значимые ценностные ориентации:

1) активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни) (35 %);

2) интересная работа (26 %);

3) уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений) (15 %).

Иные ответы составили 24 %.

Серьезность декларируемых жизненных планов подтверждается данными о терминальных ценностях. Респонденты настроены на активную деятельную жизнь, ценят интересную работу и уверенность в себе.

Что же касается второго списка с ценностями инструментального типа, то самые часто используемые выборы – это:

1) образованность (широта знаний, высокий культурный уровень) (25 %);

2) ответственность (чувство долга, умение держать свое слово) (24 %);

3) жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора) (20 %);

4) смелость в отстаивании своего мнения, взглядов (23 %).

Иные ответы были отмечены у 8 % опрашиваемых.

Таким образом, карьерный рост курсанты связывают с повышением своего образовательного уровня, ответственным отношением к жизни и чувством долга, смелостью и оптимизмом.

Методика О. Ф. Потемкиной выявила следующие особенности: респонденты первой группы в своих установках ориентированы на результат деятельности (8,2 балла), свободу (6,1 балла) и власть (7,4 балла) (см. диагр. 1).

Диаграмма 1

Результаты диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (первая группа)

Шкалы	Баллы	Диаграмма	Баллы	Шкалы
Процесс	3,6		8,2	Результат
Альтруизм	4,5		5,2	Эгоизм
Труд	4,4		6,1	Свобода
Власть	7,4		5,1	Деньги

Таким образом, если обобщить данные трех методик, то можно сделать следующие выводы:

1. Сотрудники с небольшим стажем службы основными ценностями считают активную деятельную жизнь, интересную работу и уверенность в себе.

2. В своей деятельности ориентированы на достижение результата, ценят свободу и власть.

3. Жизненные планы направлены на достижение высокого социального статуса, самореализации в профессиональной деятельности.

Особенности жизненных планов респондентов второй группы

Средний возраст опрашиваемых составляет 30–35 лет, стаж службы – 7–10 лет, 24 % поступили на службу сразу после службы в армии. Доля сотрудников женского пола в группе составила 30 %. Должностное положение – от начальника учреждения до лиц вольнонаемного состава. Семейное положение: 63 % респондентов состоят в браке, у 82 % есть дети.

Как показало исследование, только 10 % опрошенных имеют хобби, что объясняется тяжелым графиком работы, большой за-

грузкой на рабочем месте и нехваткой персонала.

Что касается планов на будущее, то можно выделить три самых распространенных ответа:

1) карьерный рост (32 %);

2) достижение минимального порога пенсионного возраста (27 %);

3) получение единовременной социальной выплаты с целью покупки жилой площади (20 %).

Таким образом, можно говорить о том, что у большинства сотрудников жизненные планы связаны либо с карьерным ростом, либо с выходом на пенсию.

В плане избегаемых рисков можно выделить следующие:

1) нежелание попасть под сокращение (38 %);

2) увольнение по причине возбуждения уголовного дела (30 %);

3) возможность заражения туберкулезом (15 %).

Негативный сценарий развития жизненных планов респондентам кажется более реальным. Это связано с тем, что возрастает сложность работы, во всех учреждениях проходят большие сокращения. Помимо этого, велика возможность заболевания туберкулезом в связи с тем, что количество больных им осужденных значительно.

По методике М. Рокича выделены следующие терминальные ценности:

1) материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений) (27 %);

2) интересная работа (16 %);

3) уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений) (14 %).

Что же касается второго списка с ценностями инструментального типа, то тремя самыми часто используемыми карточками являются:

1) ответственность (чувство долга, умение держать свое слово) (39 %);

2) самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) (31 %);

3) смелость в отстаивании своего мнения, взглядов (23 %).

Этот выбор обусловлен тем, что сотрудники уголовно-исполнительной системы испытывают большую ответственность, подвержены значительному риску совершения правонарушений и привлечения к ответственности, должны постоянно контролировать свои эмоции.

Исследование с применением методики О. Ф. Потемкиной позволило выявить следующее особенности: респонденты в своих установках ориентированы на результат деятельности (7,3 балла), труд (7,3 балла) и деньги (7,2 балла) (см. диагр. 2).

Диаграмма 2

Результаты диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (вторая группа)

Шкалы	Баллы	Диаграмма	Баллы	Шкалы
Процесс	5,5		7,3	Результат
Альтруизм	5,5		2,8	Эгоизм
Труд	7,3		3,7	Свобода
Власть	2,8		7,2	Деньги

Таким образом, обобщая данные, полученные с использованием трех методик, можно сделать следующие выводы:

1. Сотрудники со стажем службы 7–10 лет основными ценностями считают материальную обеспеченность, интересную работу и

внутреннюю гармонию, свободу от внутренних противоречий, сомнений.

2. В своей деятельности ориентированы на достижение результата, труд и деньги.

3. Жизненные планы направлены на обеспечение стабильного материального положения для себя и своей семьи. Как правило, эти планы связны либо с продвижением по службе, либо с выходом на пенсию. Отдельно следует отметить, что для сотрудников этой группы очень важно не оказаться в числе попавших под сокращение или потерявших здоровье.

При том, что многие связывают будущее с выработкой необходимого для выхода на пенсию стажа, сам выход на пенсию в планы не входит. Респонденты из страха потерять имеющуюся материальную стабильную и предсказуемую ситуацию, а также следуя социальным установкам на труд и альтруизм, планируют продолжать работать. Работа больше понимается как средство обеспечения материального благополучия, чем саморазвития и самореализации. Заявленное материальное благополучие необходимо для того, чтобы реализовать планы, связанные с семьей, – оплачивать ипотеку, «поднимать» детей, а не для проведения досуга, как это отмечалось у более молодых сотрудников.

Подводя итог исследованию, можно отметить, что сотрудники второй группы более склонны к труду и оплате данного труда по достижении результата, что мало прослеживается у респондентов первой группы. Сотрудники со стажем службы проявляют в себе такие качества, как эгоизм, и получают удовольствие от работы, что не характерно для курсантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Дубровина И. В. Возрастная и педагогическая психология. М., 2003. С. 46.

[2] См.: Абрамова Г. С. Возрастная психология. Екатеринбург, 2002. С. 56.

[3] См.: Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М., 2002. С. 46.

[4] См.: Малкова Л. Л. Управление развитием человеческого капитала: социально-экономические аспекты // Проблемы экономики и организации управления персоналом : сб. науч. тр. Челябинск, 2016. С. 34–38.

[1] Sm.: Dubrovina I. V. Vozrastnaja i pedagogicheskaja psihologija. M., 2003. S. 46.

[2] Sm.: Abramova G. S. Vozrastnaja psihologija. Ekaterinburg, 2002. S. 56.

[3] Sm.: Prjazhnikov N. S. Metody aktivizacii professional'nogo i lichnostnogo samoopredelenija. M., 2002. S. 46.

[4] Sm.: Malkova L. L. Upravlenie razvitiem chelovecheskogo kapitala: social'no-jekonomicheskie aspekty // Problemy jekonomiki i organizacii upravlenija personalom : sb. nauch. tr. Cheljabinsk, 2016. S. 34–38.

УДК 615.851:343.828

О возможности использования когнитивно-поведенческой психотерапии при лечении и профилактике психосоматических и психоневрологических расстройств у лиц, осужденных к лишению свободы

Е. С. ЛОБАНОВА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Е. А. ГЛАДКОВ – начальник психологической лаборатории ЛПУ РБ-2 УФСИН России по Республике Карелия

В статье анализируются возможности применения методов когнитивно-поведенческой психотерапии в процессе психологического сопровождения процесса лечения и профилактики психосоматических и психоневрологических расстройств у лиц, осужденных к лишению свободы; на основе результатов эмпирического исследования определяются степень выраженности и содержание иррациональных установок пациентов различных лечебных отделений; перечисляются задачи и некоторые техники когнитивно-поведенческой терапии, рекомендованные для работы с указанной категорией лиц.

Ключевые слова: когнитивно-поведенческая психотерапия; иррациональные установки; психосоматические расстройства; рационально-эмотивно-поведенческая терапия.

On the possibility of using cognitive-behavioral psychotherapy in the treatment and prevention of psychosomatic and neuropsychiatric disorders persons sentenced to deprivation of liberty

E. S. LOBANOVA – Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

E. A. GLADKOV – Head of the Psychological Laboratory of Treatment and Prophylactic Institution of the District Hospital-2 of the Federal Penal Service of Russia in the Republic Kareliya

The article is devoted to analysis of possibility of application methods of cognitive-behavioral psychotherapy in the process of psychological support of the process of treatment and prevention of psychosomatic and neuropsychiatric disorders persons sentenced to deprivation of liberty. On the basis of the results of the empirical study, the severity and content of irrational settings of patients in different treatment departments are determined, there are listed tasks and some techniques of cognitive-behavioral therapy recommended for working with this category of persons.

Key words: cognitive-behavioral psychotherapy; irrational settings; psychosomatic disorders; rational-emotive-behavioral therapy.

Сохранение и укрепление здоровья населения, профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни, обеспечение социально-психологического сопровождения лиц, находящихся в местах лишения свободы и освобождающихся из них, остаются важными направлениями внутренней политики Российской Федерации. Проблема соматических заболеваний среди людей, в том числе отбывающих наказание в местах лишения свободы, сохраняется.

Является актуальным вопрос о выборе эффективных методов психокоррекционной работы, позволяющих эффективно осуществлять психологическое сопровождение лечения и профилактики соматических заболеваний. Для этого необходимо знать, как связаны психические процессы и состояние соматического здоровья. Существуют два подхода: в одном состояние заболевания определяет особенности психической деятельности человека, в другом доминирование психологического явления (особенности мышления, эмоций) детерминирует возникновение соматических болезней. В медицине и психологии существует понятие психосоматических расстройств, которые классифицируются следующим образом:

1. Психосоматические заболевания. Обязательным условием отнесения болезненных состояний к психосоматическим является наличие для личности психотравмирующих эмоционально значимых событий, которые связаны во времени с началом или обострением соматического заболевания и выполняют существенную патогенную роль в возникновении расстройств.

2. Псевдосоматические расстройства. К ним относятся состояния, проявляющиеся в соматической сфере при отсутствии объективной соматической патологии.

3. Нозогении. Реакция личности на соматическое заболевание и его последствия рассматривается в качестве психогенного влияния соматической сферы на психическую и определяется как нозогения. Тип нозогенных реакций связан с доболезненными личностными особенностями больного, семантикой диагноза заболевания, социальными последствиями болезни, степенью трудности совладания с ней, состоянием организма. В случае проявления хронической формы заболевания нозогения может стать начальным этапом формирования патологического развития личности.

4. Соматогении. Под соматогенией понимают весь комплекс нарушений в психической сфере, возникший под влиянием воздействия соматических вредностей на центральную нервную систему. Вероятность возникновения соматогенных расстройств зависит от специфики заболевания (степени тяжести, длительности, этапа течения), проводимого лечения, индивидуальных особенностей личности (конституции, патохарактерологических особенностей личности, развившихся в процессе болезни, возраста, пола)[1].

Исследователи отмечают тесное переплетение психогенных, соматогенных,

личностных факторов, которые на практике далеко не всегда удается разделить на первичные и вторичные. Это обусловливает сложность определения механизма развития психосоматических расстройств[2].

К группе психоневрологических расстройств относятся неврозы и пограничные психические состояния. При этом в механизме возникновения расстройства психогенному фактору отводится важная роль.

М. Е. Сандомирский, анализируя психокоррекционные подходы, направленные на решение психологических проблем и лечение психосоматических расстройств, упоминает рационально-когнитивные (А. Эллис, А. Бек) и телесно-ориентированные методы (М. Фельденкрайз, А. Лоуэн, Ф. М. Александер, Ш. Селвер и Ч. Брукс), каждый из которых имеет определенные сильные стороны и эффективные технические приемы. При этом исследователь отмечает целесообразность применения интегративного подхода[3].

Остановимся подробнее на методах когнитивно-поведенческой психотерапии, которая нашла свое широкое применение при лечении невротических и психосоматических расстройств, аддиктивного и агрессивного поведения, нервной анорексии. Цели такой психотерапии представляются следующим образом: 1) проведение функционального поведенческого анализа; 2) изменение представлений о себе; 3) коррекция дезадаптивных форм поведения и иррациональных установок; 4) развитие компетентности в социальном функционировании[4]. При коррекции особое внимание уделяется теории А. Эллиса об иррациональных установках и разработанной им рационально-эмоционально-поведенческой терапии (РЭПТ).

С точки зрения ученого, иррациональная установка – это система индивидуальных иррациональных представлений о мире, убеждения, носящие характер предписаний, требований, имеющие абсолютистский характер, часто представленные в виде преувеличений, упрощений, необоснованных предположений, ошибочных выводов. Они не соответствуют реальности, противоречат объективно сложившимся условиям и приводят к дезадаптации личности. Как правило, усваиваются в детстве от значимых взрослых. Отсутствие возможности осуществлять иррациональные убеждения приводит к длительным, негативным эмоциям. Согласно РЭПТ мысли являются основным фактором, который определяет эмоциональное состояние человека. Как человек интерпретирует событие, такую эмоцию в результате он и получает в конкретной ситуации.

А. Эллис выделил четыре группы наиболее часто встречающихся вредных иррациональных установок:

1. Установки долженствования, отражающие иррациональное убеждение в том, что есть универсальные долженствования, которые должны реализовываться всегда независимо от того, что на самом деле происходит в окружающем мире. Подобные установки формируются в отношении себя и других людей.

2. Установка катастрофизации, характеризующаяся гиперболизацией негативного характера явления или ситуации.

3. Установка обязательной реализации своих потребностей, отражающая иррациональное убеждение, что человек, чтобы существовать и быть счастливым, должен обязательно осуществлять свои желания, обладать определенными качествами или вещами.

4. Оценочная установка, состоящая в том, что людей, а не отдельные фрагменты их поведения, свойства можно оценивать глобально. При такой установке оценка какого-либо ограниченного аспекта характера человека отождествляется с оценкой всего человека[5].

Основная цель РЭПТ – коррекция иррациональных мыслей клиента. Терапия не оказывает прямого воздействия на соматическую или неврологическую симптоматику, имеющуюся у больного, однако помогает человеку изменить отношение и преодолеть невротические реакции на болезнь, усиливает желание выздороветь[6].

А. А. Александров определил следующие категории клиентов, которым может быть показана терапия А. Эллиса: с низкими адаптивными способностями, умеренной тревожностью; с проблемами в сексуальной сфере; с неврозами; с расстройствами характера; в работе с правонарушителями детского возраста и взрослыми преступниками; с синдромом пограничного расстройства личности; психотические клиенты, включая больных с галлюцинациями, когда они в контакте с реальностью; индивиды с легкими формами умственной отсталости; с психосоматическими проблемами[7].

Когнитивно-поведенческая психотерапия имеет значимый потенциал для применения в общей медицине при коррекции зависимости от психоактивных веществ, лечении невротических и психосоматических рас-

стройств, терапии депрессивных состояний, страхов, посттравматических стрессовых расстройств и др. При этом ее можно использовать с людьми разного возраста, в индивидуальной и групповой формах.

В пенитенциарной сфере также возможно применение данной терапии[8]. Для того чтобы определить возможности РЭПТ в отношении осужденных к лишению свободы, имеющих психосоматические и психоневрологические расстройства, целесообразно определить наличие, степень выраженности и содержание их иррациональных установок. С этой целью было проведено эмпирическое исследование на базе ЛПУ РБ-2 УФСИН России по Республике Карелия. В исследовании приняли участие 90 чел. Выборка была разделена на три группы по 30 чел. с терапевтического, хирургического и психоневрологического отделений. Предположительно в первые две группы входили люди с психосоматическими расстройствами, в третью – с психоневрологическими. Конечно, нет оснований утверждать, что у всех пациентов терапевтического и хирургического отделений имеются психосоматические расстройства, поскольку в связи с этическими нормами отсутствует информация о конкретных диагнозах пациентов и историях болезней. В этом случае учитывался факт наличия соматического заболевания.

Исследования проводились с помощью диагностических методов (тестирование и проективный метод), контент-анализа, методов статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Эллиса и методика незаконченных предложений в авторской разработке, направленная на определение конкретного содержания иррациональных установок респондентов).

В целом полученные результаты по всем группам позволяют утверждать, что у респондентов присутствуют иррациональные установки. При сравнительном анализе групп по методике А. Эллиса были обнаружены значимые различия по всем шкалам, то есть установки катастрофизации, долженствования в отношении себя и других, оценочная установка присутствуют у всех опрошенных, но степень выраженности их разная (см. таблицу).

Распределение значений, полученных по методике диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Эллиса, у пациентов различных отделений

Уровень выраженности установки	Отделение		
	терапевтическое	хирургическое	психоневрологическое
	Установка катастрофизации (%)		
Отсутствие установки	–	–	–
Наличие установки	10	50	90
Выраженная установка	90	50	10
	Установка долженствования в отношении себя (%)		
Отсутствие установки	–	–	3
Наличие установки	10	17	60
Выраженная установка	90	83	37
	Установка долженствования в отношении других (%)		
Отсутствие установки	–	–	–
Наличие установки	50	57	73
Выраженная установка	50	43	27
	Оценочная установка (%)		
Отсутствие установки	3	–	–
Наличие установки	44	70	30
Выраженная установка	53	30	70

Так, ярко выраженный характер установки катастрофизации выявлен у 90 % пациентов терапевтического отделения, 50 % хирургического отделения, 10 % неврологического (значимость различий между группами – $p < 0,01$). Во всех группах не выявлено ни одного случая отсутствия указанной установки. Установка долженствования в отношения себя доминирует у пациентов терапевтического (90 %) и хирургического (83 %) отделений. Для пациентов психоневрологического отделения характерна выраженная оценочная установка (70 %). Установка долженствования в отношении других проявляется у всех респондентов, однако яркий уровень выраженности не превышает половины случаев.

На основании обобщения результатов диагностики по обеим методикам были определены общие и отличительные характери-

стики содержания и степени выраженности иррациональных установок исследуемых групп.

У осужденных терапевтического отделения доминируют иррациональные установки катастрофизации, проявляющиеся в преувеличении негативных оценок и последствий ситуаций, и долженствования в отношении себя. По содержанию иррациональные мысли данной категории лиц отражают страх потери родных и близких, запрет смены вероисповедания, сложность в принятии критики в общении, страх болезней, нетрудоспособности. Произошедшее неприятное событие оценивается ими как катастрофа, которая может разрушить их жизнь и на которую они никак не могут повлиять. В неприятной ситуации они используют стратегию ухода от решения проблем, пытаются не участвовать в конфликтной ситуации. В отношении других людей доминируют отрицательные оценки и характеристики.

В группе респондентов хирургического отделения доминируют иррациональные установки долженствования в отношении себя, яркая выраженность которых дает возможность говорить о завышенных требованиях к себе, часто с невозможностью им соответствовать. Можно отметить опасения за свое будущее, наличие тревожных мыслей, связанных с актуальными жизненными ситуациями, которые вызывают серьезные сомнения. При этом у осужденных выражено стремление проявлять бдительность к различным сторонам событий, быть готовым к любым ситуациям, проявлять подозрение. Можно предположить, что эта установка формируется в условиях мест лишения свободы, при этом не исключено, что это связано с недоверием к миру в целом. Вероятно, иррационально завышенный уровень притязаний к своим возможностям, несоответствие ожиданий и реальных способностей может провоцировать высокий уровень психологического напряжения, что в свою очередь ведет к возникновению психосоматических расстройств. При разногласиях в общении респонденты данной группы используют стратегию сдерживания эмоций, что опять же может стать причиной накопления напряжения.

У представителей обеих групп часто проявляется страх прожить жизнь в одиночестве без семьи, не имея детей. Возможно, эти ответы обусловлены социальной установкой на значимость института семьи, на создание семьи как обязательного этапа жизни человека. С другой стороны, это мнение могло стать результатом событий собственной жизни, связанных с семейными отношениями и сопровождающими их переживаниями. Иррациональность суждений заключается в том, что ситуацию отсутствия семьи осужденные оценивают как «неудавшуюся жизнь». Они подчеркивают, что не выносят обмана, предательства, что может быть следствием негативных взаимоотношений в прошлом.

У пациентов психоневрологического отделения доминирует иррациональная оценочная установка. Они ориентированы на категоричную общую оценку себя и других людей без учета конкретных особенностей, качеств, поступков. Не хотят принимать мир таким, какой он есть, и выдвигают к нему свои определенные требования, в основе которых лежит чувство собственной исключительности, особенности, правоты, чувство несправедливости. Подобные установки вызывают напряжение, тревожность, раздражение и гнев, ведут к переживаниям, невротическим расстройствам, являются мощным источником стресса. В коллективе любят людей, которые относятся к ним с пониманием, ценят их. У них чаще проявляется мнение, что все люди думают только о себе, ориентируются на получение собственной выгоды. Проблемы в общении решают агрессивно, используя метод противостояния, стратегию нападения. То есть по сравнению с пациентами хирургического отделения возникающее психологическое напряжение, отрицательные эмоции в процессе взаимодействия с людьми эта категория лиц не стремится сдержать, а наоборот, дает ему возможность проявления, выхода. Что еще раз подтверждает идею о том, что постоянное подавление психологического напряжения провоцирует соматические реакции в виде нарушения нормального функционирования внутренних органов.

В содержательном плане общими установками респондентов стали следующие. Ожидания, что мир в целом и окружающие люди должны быть лучше, добрее, миролюбивее, при этом зачастую доброжелательность должна проявляться по отношению к ним лично. Характерно стремление оценивать других исходя из того, проявляют ли они расположение, уважение, доверие, любовь по отношению к опрошенным, то есть личность другого часто оценивается в контексте собственных взаимоотношений. Для осужденных характерен страх заболеть более тяжелыми заболеваниями или

столкнуться с ситуацией повторного или длительного отбывания наказания в местах лишения свободы. При этом будущее они хотят видеть светлым, радужным, ясным и часто используют самоободряющие обобщенные высказывания относительно будущих событий («все будет хорошо», «будущее будет непременно лучше»). В этом случае сложно судить, являются ли эти высказывания признаком позитивного мышления или же усвоенным шаблоном, используемым в общении. Отмечается приписывание другим людям мыслей о том, что они считают себя лучше других и заинтересованы в первую очередь в удовлетворении собственных потребностей.

Сложно сказать, когда сформировались у опрошенных выявленные иррациональные установки: до или после болезни, что затрудняет вывод о психогенной природе заболеваний. Однако существует факт одновременного наличия заболеваний и иррациональных установок, который целесообразно учитывать при организации психологической работы с указанной категорией лиц.

Выявленное наличие иррациональных установок и их содержание могут быть основой для разработки способов психологического сопровождения лечебного процесса и профилактики психосоматических и психоневрологических расстройств лиц, осужденных к лишению свободы. При этом информацию о некоторых различиях в содержании иррациональных установок у пациентов трех лечебных отделений можно использовать при определении приемов психотерапии.

Здесь можно рекомендовать разработку коррекционно-развивающих программ, в основе которых лежат принципы и методы когнитивно-поведенческой терапии. Актуальными целями терапии в этом случае являются следующие: модификация иррациональных убеждений и создание адаптивных стратегий поведения; развитие регуляции мышления, эмоциональных состояний и поведения посредством формирования способности к самонаблюдению, самоанализу, самоинструктированию; оказание помощи осужденным в пересмотре системы ценностей, норм и представлений. Работа в рамках когнитивно-поведенческой психотерапии, как правило, включает ряд этапов: прояснение параметров конкретного события, произошедшего в жизни человека и эмоционально его затронувшего; идентификация эмоциональных и поведенческих последствий воспринятого события; реконструкция иррациональных установок; выполнение самостоятельных заданий, способствующих закреплению адаптивного поведения.

Основными техниками когнитивно-поведенческой психотерапии в этом случае могут быть обсуждение и опровержение иррациональных взглядов, когнитивное домашнее задание, основанное на самоанализе, рационально-эмотивное воображение, ролевая игра, поведенческие техники. Использование этих техник с осужденными к лишению свободы может реализовываться как в индивидуальной, так и в групповой формах работы.

Таким образом, результаты эмпирического исследования дают основание говорить о целесообразности применения методов когнитивно-поведенческой психотерапии в работе с лицами, имеющими психосоматические и психоневрологические расстройства. Необходимо использовать техники, направленные на коррекцию иррациональных убеждений для предупреждения возникновения указанных расстройств и сохранения психологического и соматического здоровья осужденными к лишению свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Митрушина Н. А. Введение в психологию лечебного процесса : метод. указания. Ярославль, 2011. С. 5–13.

[2] См.: Справочник терапевта / под ред. Ф. И. Комарова. М., 1979.

[3] См.: Сандомирский М. Е. Психосоматика и телесная психотерапия : практ. рук. М., 2005. С. 14–15.

[4] См.: Карвасарский Б. Д. Психотерапия : учеб. для студентов мед. вузов. СПб., 2002. С. 123–124.

[5] См.: Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход. СПб. ; М., 2002. С. 272.

[6] См.: Сенькова М. А. Коррекция иррациональных установок и самоактуализация личности // Материалы докладов 48 Междунар. науч.-техн. конф. преподавателей и студентов, посвящ. 50-летию ун-та : в 2 т. Витебск, 2015. Т. 1. С. 45–47.

[7] См.: Александров А. А. Иррациональные убеждения Альберта Эллиса // Российский психотерапевтический журнал. 2013. № 1 (6). С. 45–51.

[1] Sm.: Mitrushina N. A. Vvedenie v psihologiju lechebnogo processa : metod. ukazanija. Jaroslavl', 2011. S. 5–13.

[2] Sm.: Spravochnik terapevta / pod red. F. I. Komarova. M., 1979.

[3] Sm.: Sandomirskij M. E. Psihosomatika i telesnaja psihoterapija : prakt. ruk. M., 2005. S. 14–15.

[4] Sm.: Karvasarskij B. D. Psihoterapija : ucheb. dlja studentov med. vuzov. 3-e izd. SPb., 2002. S. 123–124.

[5] Sm.: Jellis A. Gumanisticheskaja psihoterapija: racional'no-jemocional'nyj podhod. SPb. ; M., 2002. S. 272.

[6] Sm.: Sen'kova M. A. Korrekcija irracional'nyh ustanovok i samoaktualizacija lichnosti // Materialy dokladov 48 Mezhdunar. nauch.-tehn. konf. prepodavatelej i studentov, posvjashh. 50-letiju un-ta : v 2 t. Vitebsk, 2015. T. 1. S. 45–47.

[7] Sm.: Aleksandrov A. A. Irracional'nye ubezhdenija Al'berta Jellisa // Rossijskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2013. № 1 (6). S. 45–51.

[8] См.: Баламут А. Н., Черкасова М. А. Актуальные вопросы совершенствования психотерапевтического направления деятельности пенитенциарного психолога // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 69–72.

[8] Sm.: Balamut A. N., Cherkasova M. A. Aktual'nye voprosy sovershenstvovanija psihoterapevticheskogo napravlenija dejatel'nosti penitenciarnogo psihologa // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 1 (33). S. 69–72.

УДК 351.74/.76:159.9.072.43

Личностные особенности эффективных сотрудников патрульно-постовой службы

Н. В. НОСОВА – заведующий кафедрой психологии и педагогики Вологодского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент;

М. О. ЦАТУРЯН – доцент кафедры психологии и педагогики Вологодского государственного университета, кандидат психологических наук

В статье анализируются личностные особенности эффективных сотрудников патрульно-постовой службы, разрабатывается методический инструмент, используемый в процессе изучения данных особенностей, оцениваются достоверные различия в проявлении личностных качеств рассматриваемой категории лиц.

Ключевые слова: личность; личностные качества; профессиональные качества; профессиональная эффективность; различия.

Personal features of effective employees of the patrol service

N. V. NOSOVA – Head of the Department of Psychology and Pedagogy of the Vologda State University, PhD. in Psychology, Associate Professor;

M. O. TSATURYAN – Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Vologda State University, PhD. in Psychology

The article analyzes the personal characteristics of effective employees of the patrol service, develops a methodical tool used in the process of studying these features, estimates significant differences in the manifestation of personal qualities of the category of persons in question.

Key words: personality; personal qualities; professional features; professional effectiveness; differences.

Создание качественно нового института обеспечения правопорядка – одна из главных задач Министерства внутренних дел. На сегодняшний день в штате МВД России числится 914 500 чел. – это третий показатель в мире по численности после Китая (1,6 млн чел.) и Индии (1,5 млн). В связи с этим очевидно, что многоаспектное исследование данной профессиональной категории значимо и востребовано в современном российском обществе. Отличительной чертой полиции должен являться высокий профессионализм, дисциплинированность и ответственность, умение четко и эффективно решать задачи в сфере обеспечения правопорядка и защиты граждан в интересах каждого отдельного человека. Современный полицейский должен обладать не только высоким уровнем профессионализма, но и определенными личностными качествами.

Если говорить о том, с какими структурным подразделением МВД России чаще

всего сталкивается в своей жизни обычный человек, то наиболее распространенным ответом будет – патрульно-постовая служба (ППС), основными задачами которой являются предупреждение и пресечение беспорядков на улицах и в общественных местах. Учитывая высокую частоту взаимодействия всех категорий населения с сотрудниками данной службы, детальное изучение личностных особенностей последних как диспозиции качества профессиональной деятельности является актуальной задачей.

Общетеоретическими положениями отечественной психологии правоохранительной деятельности занимались Ю. М. Антонян, О. В. Афанасьев, В. М. Богданов, В. Л. Васильева, Б. Ф. Водолазский, Ф. В. Глазырин, В. М. Данилов, отдельными направлениями изучения влияния личностных свойств на успешность работы различных категорий сотрудников правоохранительных органов – Е. А. Козловская, И. С. Медведев, И. Б. Пономарев, С. Е. Райкин. Однако личностные особенности сотрудников патрульно-постовой службы, влияющие на эффективность их деятельности, исследованы учеными в недостаточной мере.

Очевидно, что значимость тех или иных личностных черт, востребованных для рассматриваемой профессии, будет определять сама специфика профессиональной деятельности. Так, эффективный сотрудник патрульно-постовой службы должен обладать эмоциональной стабильностью, личностной зрелостью и социальной ответственностью, чувствительностью, готовностью к риску, адекватностью восприятия и высоким уровнем самоконтроля над эмоциями и поведением.

Повышенная экстремальность деятельности, связанная с задержанием преступников, освобождением заложников, применением оружия, обеспечением правопорядка в период массовых мероприятий, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, требует повышенной готовности к риску. Профессиональная деятельность сотрудников патрульно-постовой службы также связана с высокой степенью риска потери здоровья, а иногда и жизни, требует особого организационного построения и правил межличностного общения, повышенной социальной и профессиональной ответственности. В связи с этим особая роль уделяется психологической устойчивости сотрудников как своеобразному фундаменту профессиональной готовности к выполнению действий в экстремальных условиях оперативно-служебной деятельности[1]. Частое пребывание в опасных, а иногда и угрожающих жизни ситуациях требует от рядовых сотрудников умения владеть собой, быстро оценивать сложные ситуации и принимать адекватные решения. Данные навыки способствуют более эффективному выполнению поставленных задач и уменьшению чрезвычайных происшествий, а также срывов в профессиональной деятельности среди личного состава органов внутренних дел[2]. Кроме того, сотрудник патрульно-постовой службы должен обладать добродушием, чувствительностью, чтобы установить доверительные отношения с гражданами[3].

Таким образом, определенные личностные особенности являются неотъемлемой частью профессионально важных качеств сотрудника патрульно-постовой службы и, следовательно, влияют на эффективность его деятельности. Вышеуказанные положения, значимость поставленной научной задачи, фрагментарность имеющихся исследований в науке позволяют определить цель нашего исследования – изучение личностных особенностей эффективных сотрудников патрульно-постовой службы.

В качестве исследовательской гипотезы было выдвинуто следующее предположение: личностные особенности эффективных и неэффективных сотрудников патрульно-постовой службы имеют существенные различия. Для проверки выдвинутой гипотезы было организовано специальное научное исследование на базе одного из структурных подразделений патрульно-постовой службы г. Вологды. В исследовании приняли участие 65 сотрудников.

Для решения поставленных научных задач были использованы следующие методы: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования; метод попарного сравнения как разновидность экспертной оценки; метод тестирования. В частности, для комплексной оценки личностных особенностей использовались: тест-опросник, разработанный Е. Ф. Бажиным и др. на основе шкалы локуса-контроля Дж. Роттера (УСК); пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» МакКрае-Коста; методика диагностики степени готовности к риску Шуберта; методика оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз»; шкала оценки уровня ситуативной и личностной тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханин). Математическая обработка данных, сравнительный качественный и количественный анализ

осуществлялись на основе непараметрического U-критерия Манна – Уитни.

На первом этапе исследования (с помощью метода попарного сравнения как разновидности экспертной оценки) была изучена эффективность работы сотрудников патрульно-постовой службы. Экспертами в оценке эффективности выступали командир отдельной роты патрульно-постовой службы, заместитель командира и командир взвода. Эксперты использовали метод попарного сравнения сотрудников по эффективности, используя следующую шкалу: 2 балла – эффективность более выражена; 0 баллов – эффективность менее выражена; 1 балл – эффективность одинаково выражена.

С учетом полученных данных для проверки исследовательской гипотезы и дальнейшего изучения личностных особенностей сотрудников были сформированы две группы испытуемых: эффективные сотрудники патрульно-постовой службы (20 чел., экспериментальная группа) и неэффективные сотрудники ППС (16 чел., контрольная группа). Остальная часть выборки продемонстрировала средние значения по изучаемому параметру и, следовательно, не принимала участие на следующих этапах исследования.

Второй этап исследования был направлен на всестороннюю диагностику личностных особенностей сотрудников патрульно-постовой службы при помощи специально подобранного диагностического инструментария.

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы. Общая интернальность существенно выше в экспериментальной группе ($U_{эмп} = 6$, $p < 0,01$), что может свидетельствовать о высоком уровне субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями у данной категории испытуемых. Психологами установлено, что характерными чертами интерналов являются ответственность, уверенность в себе, сердечность, моральная нормативность, общительность. Интерналы убеждены, что усердная работа, вероятнее всего, ведет к высокой продуктивности, а высокая продуктивность способствует получению «высокого» вознаграждения. Они способны отсрочить сиюминутное удовлетворение ради достижения отдаленного, но более ценного блага. По сравнению с экстерналами у них большая удовлетворенность трудом[4].

В контрольной группе, напротив, наблюдаются низкие показатели по общей интернальности. Можно предположить, что в данной группе присутствуют экстерналы – люди, считающие, что их успехи и неудачи являются результатом внешних сил, таких как случайность, везение, давление окружающих и т. п. В целом экстерналам свойственны конформность, безответственность, неуверенность в своих способностях, тревожность, депрессивность, цинизм и др.

Общий уровень локализации контроля в обеих группах имеет средние показатели. Но в группе эффективных сотрудников он приближается к высокому уровню, что позволяет предположить наличие интерналов среди данной категории респондентов. Вероятно, чтобы быть эффективным сотрудником патрульно-постовой службы, необходимо обладать определенной мерой социальной ответственности, уметь устанавливать психологический контакт, обладать большой терпимостью и моральной нормативностью.

Анализ данных по методике «Прогноз» для взрослых (нервно-психическая устойчивость) позволяет сделать вывод, что у большинства испытуемых экспериментальной группы высокий уровень нервно-психической устойчивости (НПУ). Они устойчивы к стрессу, в конфликтных и напряженных ситуациях обладают самоконтролем над своими эмоциональными реакциями, в большинстве случаев способны осознанно брать на себя ответственность, быть настойчивыми, добиваться поставленных задач. В контрольной группе встречаются более высокие показатели по шкале НПУ, что свидетельствует о нервно-психической неустойчивости в стрессе ($U_{эмп} = 70$, $p < 0,01$). Такие сотрудники с трудом переносят нервно-психические, эмоциональные нагрузки, резкое увеличение объема работы или изменение ее содержания, особенно в напряженных, экстремальных условиях деятельности.

Анализ данных, полученных с помощью опросника «Большая пятерка», позволяет констатировать значимые различия между рассматриваемыми группами по следующим параметрам. Испытуемые в группе эффективных сотрудников обладают более высокими показателями по шкале «экстраверсия – интроверсия» ($U_{эмп} = 16,5$, $p < 0,01$). Данный факт говорит о том, что им в большей мере свойственна экстраверсия – качество, отвечающее за общительность, уверенность в себе, легкость вступления в контакт. Экстраверты предприимчивы и находчивы, способны не только быстро оценить рабочую ситуацию и принять решение, но и нести полную ответственность

за свои поступки. Низкие значения по фактору «экстраверсия–интроверсия» в группе неэффективных сотрудников могут свидетельствовать о принадлежности их к интровертированному типу личности, то есть обращенному к собственным переживаниям и мыслям. Основными особенностями интровертов являются отсутствие уверенности в отношении правильности своего поведения и невнимание к происходящим вокруг событиям. Для них характерны такие личностные черты, как пассивность, скрытность, пессимистичность.

Также в экспериментальной группе наблюдаются более высокие показатели по параметру «привязанность – обособленность» ($U_{эмп}$ = 26,5, $p < 0,01$), что определяет позитивное отношение к гражданам. Такие лица испытывают потребность быть рядом с другими людьми. Как правило, это добрые, отзывчивые люди, они хорошо понимают других людей, чувствуют личную ответственность за их благополучие. Сотрудники, имеющие низкие оценки по фактору «привязанность – обособленность», часто не понимают тех, с кем общаются. Их больше волнуют собственные проблемы, чем проблемы окружающих людей.

В изучаемых группах обнаруживаются статистически значимые различия по фактору «самоконтроль – импульсивность» ($U_{эмп}$ = 21, $p < 0,01$). Более высокие значения по данному фактору наблюдаются в группе эффективных сотрудников, что свидетельствует о наличии у них таких черт личности, как добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах. Такие люди настойчивы в деятельности, придерживаются моральных принципов, не нарушают общепринятых норм поведения в обществе и соблюдают их даже тогда, когда нормы и правила кажутся пустой формальностью. В группе неэффективных сотрудников показатель уровня самоконтроля поведения достаточно низкий. Для таких людей в большей мере характерны беспечность, склонность к необдуманным поступкам, недобросовестное отношение к работе, а также отсутствие настойчивости в достижении цели.

Анализ данных по параметру «эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость» также позволил выделить значимые различия между исследуемыми группами. Можно сделать вывод, что эффективные сотрудники патрульно-постовой службы более эмоционально устойчивы, нежели неэффективные сотрудники ($U_{эмп}$ = 52,5, $p < 0,01$). Низкие значения по данному фактору свойственны лицам, эмоционально зрелым, уверенным в своих силах, не поддающимся случайным колебаниям настроения. Эмоционально устойчивые люди сохраняют хладнокровие и спокойствие даже в самых неблагоприятных ситуациях. Высокие значения по этому фактору характеризует неэффективных сотрудников как неспособных контролировать свои эмоции. Такие люди хуже работают в стрессовых ситуациях.

Аналогичная картина предстает при анализе параметра «экспрессивность – практичность». Так, в экспериментальной группе респонденты обладают более высокими показателями по уровню экспрессивности ($U_{эмп}$ = 32,5, $p < 0,01$). Можно предположить, что они – гибкие, артистичные люди, чаще доверяют своим чувствам и интуиции, удовлетворяют любопытство, проявляя интерес к различным сторонам жизни. В контрольной группе большинство сотрудников с выраженной чертой практичности. Они больше верят в материальные ценности, чем отвлеченные идеи, не любят резких перемен в жизни и предпочитают стабильность.

Анализ данных по методике «Готовность к риску» позволил сделать вывод, что у большинства эффективных сотрудников патрульно-постовой службы наблюдается максимальный показатель по исследуемому параметру, что говорит о высокой готовности к решению сложных и опасных ситуаций, но также может трактоваться как склонность к неоправданному риску ($U_{эмп}$ = 31,5, $p < 0,01$). В группе неэффективных сотрудников, напротив, выявлена склонность к избеганию риска, что проявляется в боязни рисковать в экстремальных ситуациях и неуверенности в достижении успеха.

По шкале оценки уровня ситуативной и личностной тревожности в обеих группах также выявлены статистически значимые различия ($U_{эмп}$ = 39,5, $p < 0,01$). В первой группе преобладают высокие показатели по уровню личностной тревожности. Можно предположить, что это свидетельствует о тревожном, беспокойном отношении к любым жизненным ситуациям. Высокая тревожность является негативной личностной чертой применительно к профессии сотрудника патрульно-постовой службы[5].

Итак, обобщая полученные данные, можно дать описательную характеристику личностных качеств эффективного сотрудника патрульно-постовой службы. Эффективный сотрудник обладает такими качествами,

как эмоциональная стабильность, устойчивость, экстравертированность, то есть обращенность личности во вне, умение брать на себя ответственность за результаты собственной деятельности, владение техникой общения, готовность к помощи, отзывчивость, тактичность, обязательность, уверенность, рассудительность, дисциплинированность, добросовестность, активность в совместной деятельности, психологическая гибкость, самообладание и уравновешенность в конфликтах, сочетающиеся с высокой готовностью к разрешению сложных и опасных ситуаций, психическая выносливость, а также дружелюбие и способность располагать к себе людей.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы для создания государственных программ по развитию кадрового потенциала МВД России, применяться в тренинговой, просветительской работе, а также проектной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Минжанов Н. А. Психологическая подготовка сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1995. № 2. С. 27–29.

[2] См.: Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 24.12.2008 г. № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[3] См.: Климов Е. Л. Введение в психологию труда : учеб. М., 2004.

[4] См.: Головей Л. А., Рыбалко Е. Ф. Практикум по возрастной психологии : учеб. пособие. СПб., 2010.

[5] См.: Там же.

[1] Sm.: Minzhanov N. A. Psihologicheskaja podgotovka sotrudnikov OVD // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 1995. № 2. S. 27–29.

[2] Sm.: Ob utverzhdenii Kodeksa professional'noj jetiki sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii : prikaz MVD Rossii ot 24.12.2008 g. № 1138. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

[3] Sm.: Klimov E. L. Vvedenie v psihologiju truda : ucheb. M., 2004.

[4] Sm.: Golovej L. A., Rybalko E. F. Praktikum po vozrastnoj psihologii : ucheb. posobie. SPb., 2010.

[5] Sm.: Tam zhe.

УДК 159.972:343.8

Личностные особенности осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению

В. Г. РОГАЧ – преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук;

Е. А. ПОЛЯКОВА – преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России

В статье представлен сравнительный анализ психологических особенностей осужденных с тенденциями к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии-поселении и колонии особого режима. На основе результатов исследования составлены предложения по предупреждению суицидальных попыток среди осужденных.

Ключевые слова: суицидент; аутоагрессивное поведение; аутогенная тренировка; нормативность поведения.

Personal characteristics of male convicts prone to suicidal behavior

V. G. ROGACH – Lecturer of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology;

E. A. POLYAKOVA – Lecturer of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article presents a comparative analysis of the psychological characteristics of convicts with tendencies towards suicidal behavior, serving punishment in the colony-settlement and colony of special regime. Based on the results of the study proposals are made to prevent suicide attempts among convicts.

Key words: suicide; autoaggressive behavior; autogenic training; behavior normativity.

Выявление лиц, склонных к деструктивным формам поведения, изучение и прогнозирование суицидов, анализ причин и условий их возникновения, разработка рекомендаций по предупреждению являются одними из наиболее актуальных задач, стоящих в настоящее время перед психологами уголовно-исполнительной системы. Кроме того, предупреждение суицида среди осужденных следует также рассматривать и как фактор профилактики правонарушений в местах лишения свободы.

В работах пенитенциарных психологов показано, что глубокое понимание внешних и внутренних причин, приведших к конкретному факту самоубийства или попытке самоубийства, возможно лишь с учетом психологических особенностей данного суицидента и данной суицидогенной ситуации, с одной стороны, и с опорой на обобщенные психологические характеристики той социальной группы, к которой относится суицидент, и категории соответствующих ей ситуаций взаимодействия – с другой[1].

Психологические особенности суицидентов обусловливает к тому же и характер совершенных деяний. Так, согласно исследованиям И. В. Бойко[2], самоубийства совершаются преимущественно лицами, осужденными за насильственные преступления (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, разбой и др.). Это свидетельствует о наличии устойчивой прямой связи между агрессивными и аутоагрессивными проявлениями человека.

По наблюдениям А. С. Михлина, для суицидентов характерно агрессивное поведение и во время отбывания наказания в местах лишения свободы. Так, уровень самоубийств у злостных нарушителей режима в четыре раза выше по сравнению с другими категориями осужденных. Среди всех осужденных, совершавших попытку самоубийства, положительно характеризовались только около четверти (24 %)[3]. По мнению исследователя, в условиях исправительного учреждения, значительно ограничивающих и жестко карающих насильственные проявления, у преступников указанного типа происходит перенос агрессии на себя.

Таким образом, актуальность исследования личностных особенностей осужденных, склонных к суицидальному поведению, обусловливает, с одной стороны, необходимость всестороннего психологического анализа этого насильственного феномена, а с другой – потребность в разработке профилактических мер, направленных на снижение риска негативных последствий в конкретной социальной среде[4].

Эмпирическое исследование личностных особенностей осужденных, склонных к суицидальному поведению, проводилось в два этапа на базе КП-7 и ИК-4 УФСИН России по Вологодской области.

На первом этапе эмпирического исследования с помощью опросника суицидального риска (ОСР) определено содержание суицидальных намерений лиц, состоящих на профилактическом учете у психолога в качестве склонных к суицидальному поведению. Выборка осужденных была уравновешена по возрасту, уровню образования, количеству судимостей и сроку лишения свободы. Всего в исследовании приняли участие 60 чел.

На втором этапе нами были сформированы две группы: в экспериментальную вошли 30 осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в колонии особого режима (группа 1), в контрольную – 30 осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих уголовное наказание в колонии-поселении (группа 2).

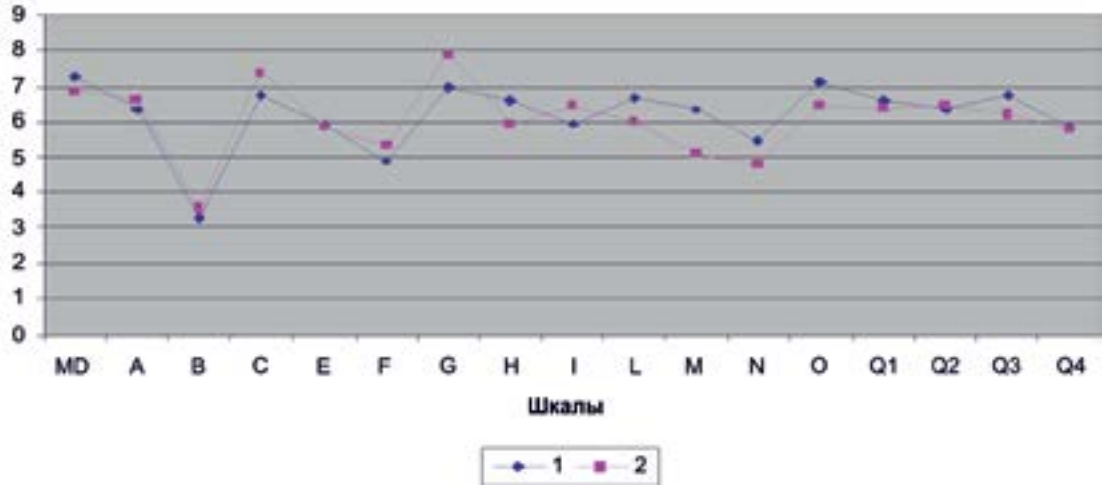
В качестве инструментария, который позволил выявить и изучить личностные особенности осужденных мужского пола, отбывающих наказание в ИУ, в нашем исследовании использовались многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла и авторское нестандартазированное интервью.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что личностный про-

филь осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии-поселении, не отличается от личностного профиля осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии особого режима, по шкалам методики Р. Кеттелла: «эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость», «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» и «практичность – мечтательность».

Анализ эмпирических данных, представленных в диагр. 1, позволяет говорить о том, что средние показатели по большинству шкал для обеих групп находятся в зоне средних значений (6–7 баллов), что может трактоваться как норма.

Диаграмма 1



Средние значения индивидуально-личностных особенностей (профиль личности), полученные в экспериментальных группах (методика Р. Кеттелла):
1 – осужденные из первой группы; 2 – осужденные из второй группы

Анализ эмпирических данных, представленных на рис. 1, позволяет заключить, что профиль респондентов, входящих в первую экспериментальную группу, почти полностью повторяет профиль респондентов, включенных во вторую экспериментальную группу. Так, мы наблюдаем наибольшие значения (пики на диаграмме) по шкалам A (6,6), C (7,4), G (7,9), I (6,4), O (6,44), низкие значения – по шкалам B (3,6), F (5,3), N (4,8). На основании полученных данных мы можем предположить, что респонденты, включенные в первую экспериментальную группу, характеризуются общительностью, эмоциональной устойчивостью, зрелостью, высокой нормативностью поведения, ответственностью, им присущи развитое чувство долга, настойчивость в достижении цели. Это люди чувствительные, впечатлительные, обладают развитым воображением. Однако нельзя не отметить и характерные для них беспокойство, тревожность, подверженность ипохондрии, страху, неуверенность в себе, низкий уровень интеллекта, наивность и прямолинейность.

Для математического подтверждения гипотезы исследования значения, полученные по шкалам методики Р. Кеттелла, в экспериментальных группах сравнивались с помощью критерия Манна – Уитни. Результаты сравнения представлены в таблице.

Средние значения, полученные по методике Р. Кеттелла у испытуемых из экспериментальных групп

Шкалы	Средние значения в 1 группе	Средние значения во 2 группе	Критерий Манна-Уитни
1	*2*	*3*	*4*
MD (адекватная самооценка – неадекватная самооценка)	7,3	6,8	---
A (замкнутость – общительность)	6,2	6,6	---
B (интеллект)	3,2	3,6	---
C (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность)	6,5	7,7	0,05

1	2	3	4
E (подчиненность – доминантность)	6,0	5,8	---
F (сдержанность – экспрессивность)	4,9	5,3	---
G (низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения)	6,9	8,9	0,05
H (робость – смелость)	6,7	5,9	---
I (жесткость – чувствительность)	5,9	6,4	---
L (доверчивость – подозрительность)	6,6	6,0	---
M (практичность – мечтательность)	6,3	5,1	0,05
N (прямолинейность – дипломатичность)	5,4	4,8	---
O (спокойствие – тревожность)	7,1	6,4	---
Q_1 (консерватизм – радикализм)	6,6	6,4	---
Q_2 (конформизм – нонконформизм)	6,4	6,0	---
Q_3 (низкий самоконтроль – высокий самоконтроль)	6,7	6,2	---
Q_4 (расслабленность – напряженность)	5,2	5,8	---

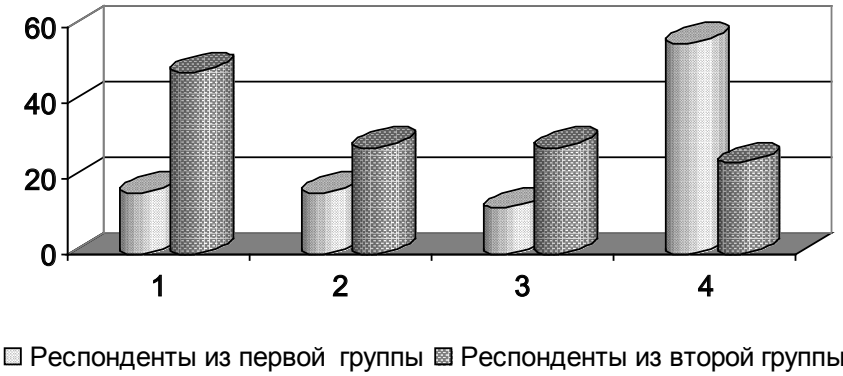
Анализ эмпирических данных, представленных в таблице, позволяет сделать вывод о том, что по шкалам многофакторной личностной методики Р. Кеттелла статистически значимых различий между исследуемыми выборками не существует за исключением шкал «С» (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность), «G» (низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения) и «М» (практичность – мечтательность), причем значимость различий по последним шкалам на уровне $p \leq 0,05$. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что осужденные мужского пола, склонные к суицидальному поведению, отбывающие наказание в колонии-поселении, обладают более богатым воображением, им свойственны поглощенность своими идеями, внутренними иллюзиями, легкость отказа от практических суждений, умение оперировать абстрактными понятиями, ориентированность на свой внутренний мир, мечтательность. Осужденные же, склонные к суицидальному поведению, отбывающие наказание в колонии особого режима, отличаются высокой скоростью решения практических задач, прозаичностью, ориентацией на внешнюю реальность, развитым конкретным воображением, практичностью, реалистичностью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осужденные, склонные к суицидальному поведению, отбывающие наказание в колонии-поселении, по сравнению с осужденными мужского пола, склонными к суицидальному поведению, отбывающими наказание в колонии особого режима, в большей степени ориентированы на свой внутренний мир, поглощены своими идеями, менее практичны, реалистичны и приспособлены к внешней реальности.

Авторская методика нестандартизированного интервью позволила также проанализировать личностные особенности осужденных, склонных к суицидальному поведению.

На вопрос «Что Вас больше всего беспокоит в настоящее время?» были получены следующие ответы.

Диаграмма 2



Распределение ответов респондентов из экспериментальных групп на вопрос «Что Вас больше всего беспокоит в настоящее время?»:
1 – лишение привычного образа жизни; 2 – ограничение свободы;
3 – необходимость соблюдать режимные требования; 4 – иное

Так, на уточняющий вопрос «Что Вас больше всего беспокоит в настоящее время?» 48 % респондентов, включенных нами во вторую экспериментальную группу, дали ответ «лишение привычного образа жизни», по 28 % осужденных беспокоят ограничение свободы и необходимость соблюдать режимные требования, ответ «иное» выбрали 24 % испытуемых, 16 % из них не конкретизировали причины своего беспокойства, в то время как 8 % опрошенных назвали такие факторы, как будущее и отсутствие семьи. Испытуемые из первой экспериментальной группы в 16 % случаев признали причиной беспокойства ограничение свободы, 16 % в качестве таковой назвали лишение привычного образа жизни, 12 % – необходимость соблюдать режим. 56 % указали на иные причины беспокойства, причем 48 % выборки не конкретизировали ответ, 8 % говорили о страхе перед будущим, вине перед убитой.

Анализируя частоту нарушений режима отбывания наказания со стороны осужденных, склонных к суицидальному поведению, необходимо отметить, что по 14 % участников из первой и второй экспериментальных групп допускали нарушения установленного режима отбывания наказания. Таким образом, можем констатировать, что различий между осужденными экспериментальных групп по частоте нарушений режима содержания в ходе исследования не выявлено.

Среди причин, приведших к нарушениям режима отбывания наказания, осужденные из первой экспериментальной группы назвали следующие: стресс, волнение, тоска по дому, нервозность, провокации, конфликты, усталость, сам виноват, отсутствие на спальном месте, писание жалоб. Осужденные из второй экспериментальной группы указали на такие причины нарушений установленного режима отбывания наказания, как употребление алкоголя, нервозность, стресс, легкомыслие, халатность, администрация, нарушение формы одежды, недопонимание, психическое расстройство.

Группировка причин нарушений режима, перечисленных осужденными, склонными к суицидальному поведению, позволила выделить следующие их категории:

1) психическое состояние (нервозность, стресс, психическое расстройство, тоска, усталость, волнение);

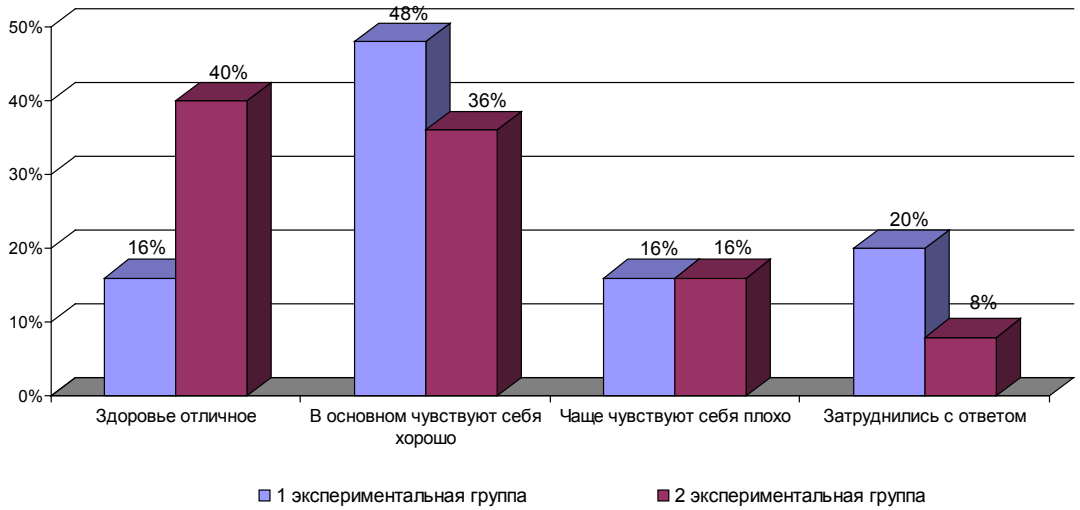
2) трудности в межличностных отношениях (недопонимание, администрация, конфликты, провокации);

3) личностные особенности (легкомыслие, вредные привычки, неряшливость, сам виноват).

Рассматривая ответы на вопрос «Считаете ли Вы себя конфликтным человеком?», мы получили следующие эмпирические данные: 80 % осужденных из колонии-поселения и 91 % осужденных из колонии особого режима таковыми себя не считают. Иначе говоря, большинство осужденных, склонных к суицидальному поведению, называют себя неконфликтными людьми. Однако анализ публикаций по заявленной проблеме показывает, что осужденным-суицидентам свойственна конфликтность. Представляется, что при интерпретации результатов настоящего исследования следует учитывать, что осужденные сами давали оценку своей конфликтности, а оттого не исключены социально желаемые ответы.

На диагр. 3 представлены данные, характеризующие оценку осужденными экспериментальных групп состояния своего здоровья.

Диаграмма 3



Сравнительный анализ оценки осужденными экспериментальных групп состояния своего здоровья

Таким образом, состояние своего здоровья осужденные, принявшие участие в исследовании, оценили следующим образом:

– отличное – 16 % осужденных из первой и 40 % осужденных из второй экспериментальных групп;

– в основном чувствуют себя хорошо – 48 % осужденных из первой и 36 % осужденных из второй экспериментальных групп;

– чаще чувствуют себя плохо – по 16 % осужденных из каждой группы.

Так, 64 % осужденных первой и 72 % осужденных второй экспериментальных групп на вопрос «Испытывали ли Вы в последнее время негативные эмоции?» ответили отрицательно, 4 % выборки из колонии особого режима затруднились ответить на предложенный вопрос. 36 % испытуемых первой группы и 24 % из второй группы признались, что они в последнее время испытывали негативные эмоции. Эти эмоции, по словам участников исследования, были связаны с суровостью наказания, давлением со стороны администрации, отношениями с другими осужденными, отсутствием писем из дома, неблагоприятными известиями от близких, однообразием, скукой, состоянием тревоги, усталостью, неудовлетворенностью трудовой деятельностью, музыкой.

В наличии мыслей о причинении себе вреда, самоубийстве признались 12 % опрошенных осужденных из колонии-поселения и 20 % опрошенных из колонии особого режима. При сравнении экспериментальных групп по признаку наличия мыслей о причинении себе вреда, самоубийстве существенных различий не выявлено.

Кроме того, в результате проведенного исследования установлено, что 20 % осужденных из первой группы и 16 % осужденных из второй группы испытывают чувство безнадежности (бесперспективности, тщетности усилий), и, соответственно, 80 % испытуемых из колонии-поселения и 84 % испытуемых из колонии особого режима отрицают наличие у них такого чувства.

Отметим, что в возможности распоряжаться своим будущим уверены 92 % осужденных из первой и 96 % осужденных из второй экспериментальной группы. Полученный результат противоречит данным публикаций, согласно которым суицидента сопровождает чувство безнадежности, бесперспективности, тщетности усилий[5]. Это можно объяснить тем, что склонность к суицидальному поведению у испытуемых не приобрела гипертрофированный характер, граничащий с принятием волевого решения о переносе суицидальных замыслов в реальность.

Результаты анкетирования также позволяют нам проанализировать распределение осужденных обеих исследуемых групп по видам совершенных преступлений. Так, 80 % испытуемых, отбывающих наказание в колонии-поселении, осуждены за корыстные преступления. Среди испытуемых второй группы этот показатель составил 48 %. За насильственные преступления отбывают наказание 20 % принявших участие в исследовании осужденных из колонии-поселения и 36 % осужденных из колонии особого режима. Осуждены за корыстно-насильственные преступления 16 % испытуемых из колонии особого режима. Испытуемые из колонии-поселения, осужденные за преступления такого вида, в исследовании участия не принимали. Полученные данные согласуются с данными ФСИН России о том, что 44 % суицидентов осуждены за совершение преступлений против собственности (80 % и 48 % соответственно в первой и второй группах), 29 % – за преступления против жизни и здоровья (20 % в первой и 36 % во второй группах).

Итак, в данной статье проанализированы индивидуально-психологические особенности осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии-поселении, в сравнении с особенностями осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии особого режима. В результате эмпирического исследования нами были сформулированы следующие выводы:

1. Доля осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, не меньше доли осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии особого режима.

2. Индивидуально-личностные профили осужденных экспериментальной и контрольной групп имеют много общего. Так, осужденным обеих групп свойственны высокая нормативность поведения, высокая тревожность, адекватная самооценка.

В результате проведенного эмпирического исследования представляется возможным отметить, что гипотеза о том, что индивидуально-психологические особенности осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих

наказание в колонии-поселении, не отличаются существенно от индивидуально-психологических особенностей осужденных мужского пола, склонных к суицидальному поведению, отбывающих наказание в колонии особого режима, полностью подтвердилась.

С учетом данных личностных особенностей осужденных, склонных к аутоагрессивным проявлениям, выявленных в результате проведенного исследования, можно предложить следующие пути предупреждения суицида:

– включить в планы работы психологических служб разделы по изучению суицидального поведения осужденных;

– регулярно проводить в рамках служебной подготовки личного состава исправительного учреждения занятия по оказанию доврачебной медицинской помощи лицам, совершившим суицидальные акты;

– разработать методические основы программы психологической коррекции суицидальных форм поведения осужденных в направлении их социальной реабилитации;

– применять методы психокоррекции суицидального поведения, используя аутогенную и эмоционально-волевые тренировки.

Для профилактики суицидального поведения необходимо при проведении воспитательной работы особое внимание обращать на формирование позитивного отношения осужденных к окружающему, работу с такой категорией лиц осуществлять в русле направленности на их ресоциализацию.

Перечисленные предложения должны помочь сотрудникам уголовно-исполнительной системы в выявлении и предупреждении как актов аутоагрессии в целом, так и суицида в частности в местах лишения свободы и послужить тем самым обеспечению безопасности осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Михайлов А. Н., Соболев Н. Г. Особенности автобиографической памяти осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1. С. 48–54.

[2] См.: Бойко И. Б. Введение в суицидологию (пенитенциарный аспект). Рязань, 1995. Ч. 1.

[3] См.: Михлин А. С. Характеристики личности осужденных, совершивших самоубийство в местах лишения свободы // Клинико-психологические, социальные и правовые проблемы суицидального поведения. М., 1974.

[4] См.: Комлев В. А. Прогнозирование аутоаргессивного поведения осужденных в исправительных учреждениях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. С. 2–3.

[5] См.: Рогач В. Г., Поздняков В. М. Методические рекомендации по оптимизации переживаний у осужденных мужского пола, отбывающих длительные сроки лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 52–57.

[1] Sm.: Mihajlov A. N., Sobolev N. G. Osobennosti avtobiograficheskoj pamyati osuzhdennyh, priznannyh zlostnymi narushitelyami ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2017. № 1. S. 48–54.

[2] Sm.: Bojko I. B. Vvedenie v suicidologiyu (penitenciarnyj aspekt). Ryazan', 1995. CH. 1.

[3] Sm.: Mihlin A. S. Harakteristiki lichnosti osuzhdennyh, sovershivshih samoubijstvo v mestah lisheniya svobody // Kliniko-psihologicheskie, social'nye i pravovye problemy suicidal'nogo povedeniya. M., 1974.

[4] Sm.: Komlev V. A. Prognozirovanie autoargessivnogo povedeniya osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. SPb., 2010. S. 2–3.

[5] Sm.: Rogach V. G., Pozdnyakov V. M. Metodicheskie rekomendacii po optimizacii perezhivanij u osuzhdennyh muzhskogo pola, otbyvayushchih dlitel'nye sroki lisheniya svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 3 (31). S. 52–57.

УДК 159.9.07

Основные направления изучения психологии правосознания осужденных в современных зарубежных исследованиях

Е. Л. СУЧКОВА – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены основные направления современных зарубежных исследований в области изучения психологии правосознания осужденных. Констатируется, что внимание ученых привлекают вопросы, связанные с рассмотрением роли правосознания в преступном поведении, изучением отношения осужденных к наказанию, выделением факторов, способствующих и препятствующих повторному совершению преступлений бывшими осужденными.

Ключевые слова: правосознание; психология правосознания; криминальное мышление; наказание; рецидивная преступность.

The main directions of studying the psychology of the convicts sense of justice in contemporary foreign studies

E. L. SUCHKOVA – Associate Professor of the Department of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor

The main directions of modern foreign research in the field of studying the psychology of the convicts sense of justice are presented in the article. It is stated that the attention of scientists is drawn to issues related to the consideration of the role of sense of justise in criminal behavior, the study of the attitude of convicts to punishment, the identification of factors that facilitate and prevent the repeated commission of crimes by former convicts.

Key words: sense of justice; psychology of sense of justice; criminal thinking; punishment; recidivist crime.

В отечественной науке для обозначения отношения людей к разнообразным явлениям в сфере права существует единый термин – «правосознание». В юридико-психологических исследованиях правосознания осужденных традиционно выделяются четыре основных типа оценочных отношений: к праву, правовому поведению людей, правоохранительным органам и их деятельности, собственному правовому поведению (правовая самооценка). Осужденные считают допустимыми разнообразные варианты противоправного поведения, тем самым оставляя для себя немало возможностей нарушения установленных правил и норм. Они отрицательно относятся к правоохранительным органам и негативно оценивают их деятельность. Наказание, назначенное судом, большинство осужденных считают несправедливым, не соответствующим тяжести и опасности совершенного деяния. Характерным для всех групп преступников является описание назначенных мер наказания как слишком суровых[1].

Результаты современных российских исследований психологии правосознания осужденных согласуются с данными, полученными в советские годы. Так, осужденные допускают самые разные варианты нарушения закона, ссылаясь на собственные моральные соображения, в которых несоблюдение правовых и моральных норм является возможным в том случае, когда они (нормы) препятствуют удовлетворению потребностей и желаний[2]. Большинство осужденных считает, что в нашей стране правоохранительные органы работают плохо и существует проблема недостаточной правовой защиты личных прав граждан, а деятельность судебной системы нельзя назвать справедливой[3]. В представлениях осужденных о совершенном преступлении и наказании отсутствует чувство вины, наблюдается неприятие ответственности за содеянное, для них характерны низкая оценка общественной опасности совершенного преступления и его последствий, восприятие назначенного судом наказания как несправедливого и повлекшего за собой ограничения, которые являются крайне неприятными и вызывают сильные негативные эмоциональные переживания[4].

В зарубежной науке вопросы, связанные с изучением содержания психологии правосознания населения, рассматриваются в русле самых разных теоретических направлений и в ряде случаев выступают как поле для демонстрации общих психологических закономерностей, служат для подтверждения социально-психологических теорий. Такая раздробленность изучения правосознания приводит к игнорированию его целостности, следствием чего становится отсутствие интереса к теоретическому осмыслению этого феномена.

Фрагментарность исследования правосознания в зарубежных исследованиях проявляется прежде всего в наличии «модных» тем, которые подвергаются более интенсивному изучению по сравнению с остальными. К их числу относятся такие аспекты, как знание и оценка закона, оценка серьезности преступлений, страх перед преступлениями и преступниками, отношение к наказанию, оценка деятельности работников правоохранительных органов и суда и т. д.[5] В указанных тематических областях проводились отдельные немногочисленные исследования, включающие в выборку лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, но в

отличие от отечественной науки системного изучения содержания психологии правосознания за рубежом не осуществлялось.

Проведенный нами анализ основных направлений изучения психологии правосознания осужденных в современных зарубежных исследованиях показал, что в последние годы наблюдается рост интереса к этой сфере. Внимание ученых привлекают вопросы, связанные с определением роли правосознания в преступном поведении. В рамках исследования того, как ориентация на соблюдение закона и правовой цинизм сказываются на следовании закону (или совершении криминального правонарушения), были получены данные о прямом независимом влиянии правового цинизма на противозаконное поведение и о том, что эта взаимосвязь не претерпевает изменений в ситуации низкого самоконтроля[6].

Констатируется, что существуют особые типы мышления, которые в определенной мере обусловливают криминальное поведение. Несовершеннолетние, менее образованные, представители этнических меньшинств, одинокие, не имеющие отношений, лица с психологическими расстройствами и осужденные, которым не оказывается психиатрическая помощь, имеют более высокий уровень криминогенного сознания. Отмечается, что полученные результаты имеют важное значение для реализации коррекционной психиатрической помощи, направленной на снижение криминального рецидивизма[7].

В современных исследованиях также активно рассматриваются вопросы отношения осужденных к наказанию. L. Sexton предлагает новую теоретическую концепцию осознания осужденными уголовного наказания. Автор акцентирует внимание на том, что указанный подход выходит за рамки ограниченного объективного видения наказания как официальной санкции и обнаруживает его более широкое восприятие, в котором преобладают субъективность и смысл. В результате анализа данных интервью, проведенных с заключенными, было обнаружено два измерения наказания: осознание и степень тяжести. Степень тяжести наказания воспринимается на уровне обобщения, в то время как его осознание определяется разницей между ожиданиями отдельного человека и пережитым им опытом осуществления наказания[8].

Исследователи отмечают, что наказание является центральным элементом уголовного права, однако, что конкретно оно подразумевает под собой и как соотносится с другими целями заключения (снижение преступности, реабилитация, защита общества и исправление), остается невыясненным. Для определения соотношения представлений осужденных с различными концепциями наказания проводились эмпирические исследования субъективного пережитого опыта заключения и условного заключения соответственно. Полученные данные позволили сформулировать две основные концепции наказания: наказание как лишение свободы и наказание как жестокое обращение[9].

В исследовании M. Schinkel впервые рассматривался вопрос о том, насколько пережитый опыт заключенных с длительными сроками лишения свободы соответствует нормативной теории уголовного наказания как морально-нравственного взаимодействия. В результате подтвердилось предположение о том, что традиционное понимание наказания как способа морально-нравственного воздействия является достаточно проблематичным для осознания заключенными из-за неизбежного давления на обвиняемых в зале суда и на осужденных во время их пребывания в тюрьме. В суде внимание обвиняемых сосредоточено на длительности полученного срока заключения. В тот момент они поглощены своими эмоциональными переживаниями и не воспринимают судебное решение в качестве меры морально-нравственного воздействия[10].

В зарубежных исследованиях изучается проблема восприятия справедливости понесенного наказания. Так, в работе J. Faris, J. Miller описывается то, каким образом осужденные женщины осознают различные аспекты справедливости в связи с опытом их пребывания в тюрьме и деятельностью официальных институтов, занимающихся сопровождением семей. Авторы анализируют данные статистического опроса женщин и в малых группах матерей, отбывающих срок заключения, чтобы определить, каким образом они понимают закон и справедливость. Все без исключения женщины осознают, что, если дело касается семьи, с ними обращаются в тюрьме справедливо, но во всех остальных случаях они чувствуют несправедливость по отношению к себе со стороны официальной системы[11].

Проводятся исследования по изучению того, влияет ли восприятие заключенными процессуальной справедливости на их криминальное поведение после освобождения

и опосредовано ли отношение между процессуальной справедливостью и повторным правонарушением осознанием заключенными легитимности уголовно-правовой системы. Получены данные о том, что те осужденные, которые указали на соблюдение норм процедурной справедливости по отношению к ним во время заключения, проявляли меньшую склонность к совершению рецидива в течение 18 месяцев после освобождения[12].

Изучалась взаимосвязь между отношением осужденных к понесенному наказанию и их правовому поведению после освобождения. В ходе исследования, в котором приняли участие 1344 голландских осужденных, выяснилось, что лица, которые переживают свое заключение как вызывающее большое отвращение, с меньшей вероятностью совершают преступления повторно после освобождения. В то же время даже в случае субъективно пережитой жестокости заключения более строгие тюремные приговоры не останавливают осужденных от повторного участия в преступлениях, что создает основания для дискуссии относительно сдерживающего эффекта заключения[13].

Особое внимание уделяется изучению факторов, способствующих и препятствующих повторному совершению преступлений бывшими осужденными. Рецидивная преступность рассматривается в контексте проблемы отвержения обществом этих лиц и, как следствие, их стигматизации. Отмечается, что в исследованиях, рассматривающих повторное совершение преступлений, часто не учитывается то, каким образом бывшие заключенные воспринимают социальное отторжение и дискриминацию, с которой они сталкиваются в обществе[14].

B. Holliday, C. King, K. Heilbrun предприняли попытку изучить понимание заключенными факторов, которые будут способствовать их криминальной деятельности в будущем. С целью оценки понимания заключенными общих факторов риска и их собственных факторов риска был проведен опрос вернувшихся в общество после тюремного заключения правонарушителей мужского пола. Полученные результаты позволяют говорить о том, что данные лица выделяют факторы, увеличивающие риск будущих правонарушений, но не воспринимают их как относящиеся лично к ним[15].

Таким образом, внимание зарубежных исследователей сосредоточено на изучении типов мышления, способствующих криминальному поведению, различных аспектов субъективного восприятия наказания, взаимосвязи между восприятием наказания и его последствиями, осознания осужденными факторов, способствующих противоправному поведению. На наш взгляд, особый интерес представляют исследования представлений осужденных о стигматизации и отвержении со стороны общества лиц, находившихся в заключении, а также роли дискриминации в совершении осужденными новых правонарушений. В отечественных исследованиях данная предметная область практически не затронута.

В целом проведенный обзор позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на различия в исследовательских подходах к изучению психологии правосознания осужденных, и в зарубежной, и отечественной науке к приоритетными являются направления, связанные с изучением вопросов роли правосознания в преступном поведении, отношения осужденных к совершенному преступлению и понесенному наказанию, факторов, способствующих и препятствующих возникновению рецидива. Наблюдается тенденция рассмотрения обозначенной проблематики в контексте решения задачи по осознанию смысла понесенного уголовного наказания, коррекции криминального поведения и социально-психологической реабилитации лиц, находящихся в заключении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988. С. 240.

[2] См. подробнее: Сучкова Е. Л. Представления осужденных о праве и законе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 2016. № 3 (71). С. 205–209.

[3] См. подробнее: Она же. Отражение правовой действительности в групповом правосознании осужденных // Там же. 2014. № 4 (64). С. 219–223.

[4] См. подробнее: Она же. Представления осужденных о собственном поведении в правовой сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 49–54.

[5] См.: Гулевич О. А., Голынчик Е. О. Правосознание и правовая социализация : аналит. обзор. М., 2003. С. 111.

[1] Sm.: Efremova G. X., Ratinov A. R. Pravovaja psihologija i prestupnoe povedenie. Krasnojarsk, 1988. S. 240.

[2] Sm. podrobnee: Suchkova E. L. Predstavlenija osuzhdennyh o prave i zakone // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD. 2016. № 3 (71). S. 205–209.

[3] Sm. podrobnee: Ona zhe. Otrazhenie pravovoj dejstvitel'nosti v gruppovom pravosoznanii osuzhdennyh // Tam zhe. 2014. № 4 (64). S. 219–223.

[4] Sm. podrobnee: Ona zhe. Predstavlenija osuzhdennyh o sobstvennom povedenii v pravovoj sfere // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. № 2 (57). S. 49–54. .

[5] Sm.: Gulevich O. A., Golynchik E. O. Pravosoznanie i pravovaja socializacija : analit. obzor. M., 2003. S. 111.

[6] См.: Reisig M. D., Wolfe S. E., Holtfreter K. Legal Cynicism, Legitimacy, and Criminal Offending The Nonconfounding Effect of Low Self-Control // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38 (12). Pp. 1265–1279.

[7] См.: Mandracchia J. T., Morgan R. D. Predicting Offenders' Criminogenic Cognitions With Variables // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol. 39 (1). Pp. 5–25.

[8] См.: Sexton L. Penal subjectivities: Developing a theoretical framework for penal consciousness // Punishment & Society. 2015. Vol. 17 (1). Pp. 114–136.

[9] См.: FJC van Ginneken E., Hayes D. «Just» punishment? Offenders views on the meaning and severity of punishment // Criminology and Criminal Justice. 2017. Vol. 17 (1). Pp. 62–78.

[10] См.: Schinkel M. Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners // Punishment & Society. 2014. Vol. 16 (5). Pp. 578–597.

[11] См.: Faris J., Miller J. Family Matters Perceptions of Fairness Among Incarcerated Women // The Prison Journal. 2010. Vol. 90 (2). Pp. 139–160.

[12] См.: Beijersbergen K. A., Dirkzwager A. J., Nieuwbeerta P. Reoffending After Release Does Procedural Justice During Imprisonment Matter? // Criminal Justice and Behavior. 2016. Vol. 43 (1). Pp. 63–82.

[13] См.: Exploring the Relationship between Subjectively Experienced Severity of Imprisonment and Recidivism. A Neglected Element in Testing Deterrence Theory / E. A. Raaijmakers, T. A. Loughran, J. W. Keijser, P. Nieuwbeerta, A. J. Dirkzwager // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2016. Vol. 54 (1). Pp. 3–28.

[14] См.: LeBel T.P. If One Doesn't Get You Another One Will Formely Incarcerated Persons' Perceptions of Discrimination // The Prison Journal. 2011. Vol. 92 (1). Pp. 63–87.

[15] См.: Holliday S. B. King C., Heilbrun K. Offenders' Perceptions of RiskFactors for Self and Others Theoretical Importance and Some Empirical Data // Criminal Justice and Behavior. 2013. Vol. 40 (9). Pp. 1044–1061.

[6] Sm.: Reisig M. D., Wolfe S. E., Holtfreter K. Legal Cynicism, Legitimacy, and Criminal Offending The Nonconfounding Effect of Low Self-Control // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38 (12). Pp. 1265–1279.

[7] Sm.: Mandracchia J. T., Morgan R. D. Predicting Offenders' Criminogenic Cognitions With Variables // Criminal Justice and Behavior. 2012. Vol. 39 (1). Pp. 5–25.

[8] Sm.: Sexton L. Penal subjectivities: Developing a theoretical framework for penal consciousness // Punishment & Society. 2015. Vol. 17 (1). Pp. 114–136.

[9] Sm.: FJC van Ginneken E., Hayes D. «Just» punishment? Offenders views on the meaning and severity of punishment // Criminology and Criminal Justice. 2017. Vol. 17 (1). Pp. 62–78.

[10] Sm.: Schinkel M. Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners // Punishment & Society. 2014. Vol. 16 (5). Pp. 578–597.

[11] Sm.: Faris J., Miller J. Family Matters Perceptions of Fairness Among Incarcerated Women // The Prison Journal. 2010. Vol. 90 (2). Pp. 139–160.

[12] Sm.: Beijersbergen K. A., Dirkzwager A. J., Nieuwbeerta P. Reoffending After Release Does Procedural Justice During Imprisonment Matter? // Criminal Justice and Behavior. 2016. Vol. 43 (1). Pp. 63–82.

[13] Sm.: Exploring the Relationship between Subjectively Experienced Severity of Imprisonment and Recidivism. A Neglected Element in Testing Deterrence Theory / E. A. Raaijmakers, T. A. Loughran, J. W. Keijser, P. Nieuwbeerta, A. J. Dirkzwager // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2016. Vol. 54 (1). Pp. 3–28.

[14] Sm.: LeBel T.P. If One Doesn't Get You Another One Will Formely Incarcerated Persons' Perceptions of Discrimination // The Prison Journal. 2011. Vol. 92 (1). Pp. 63–87.

[15] Sm.: Holliday S. B. King C., Heilbrun K. Offenders' Perceptions of RiskFactors for Self and Others Theoretical Importance and Some Empirical Data // Criminal Justice and Behavior. 2013. Vol. 40 (9). Pp. 1044–1061.

УДК 159.9.07:343.8

Особенности межличностного взаимодействия осужденных с высоким пенитенциарным статусом

Е. Ф. ШТЕФАН – старший преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье описываются результаты эмпирического исследования особенностей межличностного взаимодействия осужденных с высоким пенитенциарным статусом, специфика которого состоит в поддержании всеми доступными способами своего положения в тюремной иерархии, оказании влияния на решение проблем, авторитарном, властном подчинении себе других осужденных. С целью коррекции негативных форм межличностного взаимодействия предлагаются три направления работы.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие; пенитенциарный статус; тюремная субкультура; агрессивное поведение; манипулятивное поведение.

Peculiarities of interpersonal interaction prisoners with high penitentiary status

E. F. STEFAN – Senior Lecturer of the Department of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

The article describes the results of the empirical study of interpersonal interaction between convicts with high penitentiary status. Specificity in this case consists in maintaining by all available means its position in the prison hierarchy, influencing the solution of problems, authoritarian, imperious submission to itself of other convicts. In order to correct negative forms of interpersonal interaction three areas of work are proposed.

Key words: interpersonal interaction; penitentiary status; prison subculture; aggressive behavior; manipulative behavior.

В последние годы в нашей стране наблюдаются определенные положительные результаты в борьбе с преступностью, однако ее общий уровень остается относительно высоким. Это обусловливает актуальность проблемы тюремной субкультуры в пенитенциарных учреждениях. Специфика содержания осужденных в местах лишения свободы с часто формальным и неэффективным исправительным воздействием создает предпосылки к постоянной регенерации криминальной культуры и сохранению питательной среды для рецидивной преступности.

Асоциальное влияние субкультуры на личность осужденного проявляется в двух взаимодополняющих механизмах: а) механизме самоутверждения и поиска способов психологической защиты личности в новой среде, в том числе противостояния требованиям администрации; б) механизме взаимной агрессии членов сообщества, взаимного наказания и притеснения ради собственного удовлетворения[1]. Тюремная субкультура является духовной и материальной основой существования и деятельности преступного сообщества, нормы и ценности которого дегуманизируют межличностные и межгрупповые отношения в среде осужденных.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы наблюдается максимальная концентрация лиц с ярко выраженными антиобщественными установками, в связи с чем возникает закономерный вопрос о системе взаимоотношений, существующей в этой среде. Криминальные наклонности осужденных постоянно проявляются в особенностях межгруппового общения[2]. В пенитенциарной психологии система межличностного взаимодействия рассматривается как достаточно стабильная и плотная сеть непосредственных личностных (групповых) взаимосвязей осужденных, которая объективируется в поведенческих актах, способах взаимовлияния, особенностях внутри- и межгруппового общения[3].

Наиболее сложной с точки зрения осуществления исправительного процесса является категория осужденных, занимающих высокое место в тюремной иерархии. Нормы и ценности криминальной субкультуры выступают для этих лиц реальным стимулом поведения и обусловливают специфические особенности их межличностного взаимодействия. Лица, находящиеся на высоких ступенях неформальной структуры тюремного сообщества, ориентированы прежде всего на соблюдение и пропаганду воровских традиций, нарушение режима, поэтому работа с данной категорией требует специального психологического сопровождения, компетентных и консолидированных действий всех служб исправительного учреждения.

С целью изучения особенностей межличностного взаимодействия осужденных с высоким пенитенциарным статусом нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 осужденных мужчин, отбывающих наказание в ИК-2 УФСИН России по Костромской области (под нашим руководством в сборе эмпирических данных участвовал А. С. Кадников). В экспериментальную группу было включено 30 осужденных с высоким пенитенциарным статусом, а в контрольную группу вошло 30 осужденных, имеющих средний субкультуральный статус. Для сбора эмпирических данных использовались нестандартизированное интервью, методика «Опросник межличностных отношений» (А. А. Рукавишников), методика «Диагностика межлич-

ностных отношений» (Т. Лири, Г. Леформ, Р. Сазек).

Данные, полученные с помощью нестандартизированного интервью по изучению специфики взаимодействия осужденных, позволяют говорить о том, что осужденные с высоким пенитенциарным статусом значительно чаще, чем осужденные со средним пенитенциарным статусом, при взаимодействии ориентируются на авторитет и житейскую мудрость собеседника и существенно меньше ценят в людях такие качества, как доброта и честность. В группе высокостатусных осужденных по сравнению со среднестатусными было намного больше тех, кто указал на то, что при взаимодействии с другими людьми старается использовать агрессию и грубость, и меньше тех, кто ориентирован на открытость взаимоотношений, при этом целью любого общения для них является получение информации и демонстрация своего «я».

Сравнительный анализ результатов по методике «Опросник межличностных отношений» (А. А. Рукавишников) в группе осужденных с высоким и средними пенитенциарными статусами показал, что лица с высоким статусом обнаруживают более высокие значения по шкалам «включение» и «контроль» (выраженное поведение), что подтверждается статистически значимыми различиями между группами ($p \leq 0{,}01$). На поведенческом уровне это проявляется в стремлении создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми. Во многом это необходимо для того, чтобы, являясь членом группы, иметь гарантии своей безопасности, а также обладать возможностью обмениваться информацией, роль которой в исправительном учреждении очень велика.

Более низкие значения (значимость различий при $p \leq 0{,}01$) по шкале «включение» (требуемое поведение) в группе осужденных с высоким пенитенциарным статусом свидетельствуют о том, что высокостатусные осужденные очень сильно ограничивают свой круг общения, взаимодействуя лишь с теми, кто имеет авторитет в преступной среде, а также с сотрудниками, наделенными определенными властными полномочиями. Осужденные с высоким пенитенциарным статусом для поддержания своего высокого положения и демонстрации своей значимости готовы брать ответственность за свои слова и поведение, но при этом они полностью устраняются от ответственности в тех случаях, когда понимают, что не получат личной выгоды.

Данные, полученные с помощью методики «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири, Г. Леформ, Р. Сазек), показали значимые различия между исследуемыми группами практически по всем шкалам (при $p \leq 0{,}01$). Можно говорить о том, что осужденные с высоким пенитенциарным статусом в отличие от осужденных со средним статусом значительно чаще прибегают к авторитарным способам межличностного взаимодействия, ориентируясь прежде всего на личные интересы. Они в большей степени стремятся к независимости, чаще используют возможность манипулирования другими людьми, проявляют резкость в оценке, жестокость и враждебность к окружающим, склонность обвинять во всем других. Агрессивное взаимодействие, часто переходящее в асоциальное, в большинстве случаев является для них средством занять или удержать высокое положение в тюремной иерархии. Отметим, что в обеих группах наблюдались высокие значения в оценке типа межличностных отношений «подозрительный». Особенности такого поведения состоят в осторожности при выборе лиц, с которыми поддерживаются более глубокие эмоциональные отношения, что во многом объясняется экстремальными условиями мест лишения свободы и нормами тюремной субкультуры.

Проведенное исследование показало, что осужденные с высоким пенитенциарным статусом в отличие от осужденных со средним статусом в межличностном взаимодействии в большей степени проявляют агрессивность, напористость, уверены в непогрешимости своего мнения, ориентированы только на свои интересы. Они склонны полагаться прежде всего на свои моральные и физические ресурсы, проявляя по отношению к другим людям требовательность, жестокость и враждебность. Представители этой категории в межличностном взаимодействии в большей степени пытаются брать на себя ответственность, соединенную с ведущей ролью, стремятся к власти, авторитету и контролю над другими.

Очевидно, что наиболее важным фактором для осужденных с высоким пенитенциарным статусом является положение человека в неформальной структуре колонии. Специфика межличностного взаимодействия заключается в сохранении всеми доступными способами своего места в тюремной иерархии, оказании влияния при решении проблем, авторитарном, властном подчинении себе других осужденных. Осужденные из данной группы в межличностном

взаимодействии ориентированы прежде всего на удовлетворение своих интересов и потребностей.

Указанные особенности взаимодействия усиливают давление деструктивных норм тюремной субкультуры на других осужденных, тем самым способствуя росту количества правонарушений в местах лишения свободы, что в целом снижает эффективность мер исправительного воздействия.

В целях коррекции негативных форм межличностного взаимодействия и устранения их последствий следует проводить работу в следующих направлениях: оптимизация оперативно-режимных мероприятий, психологическая работа с сотрудниками и осужденными. На организационном уровне в рамках первого направления целесообразно пресекать различного рода дезинформацию, слухи, которыми умело манипулирует асоциальная часть осужденных для якобы восстановления социальной справедливости или оправдания своих действий, использовать дифференцированный подход при применении к осужденным мер дисциплинарного характера.

Как показывает практика, сотрудники ориентируются на неформальные нормы среды осужденных, достаточно лояльно относятся к фактам отступления от правил исполнения наказания, используя неформальную нормативную систему осужденных для решения служебных задач, дифференцированно подходят к осужденным в зависимости от их положения в неформальной структуре отряда, используют жаргон[4]. Поэтому в процессе работы с персоналом исправительных учреждений усилия должны быть направлены на повышение уровня профессиональной компетентности, профилактику нравственной, криминальной и должностной деформации, а также на проведение мероприятий антикоррупционной направленности.

Психокоррекционные занятия с сотрудниками исправительных учреждений, непосредственно взаимодействующими с осужденными, обязательно должны содержать упражнения по формированию навыков самоконтроля, антиманипулятивного поведения, умений профилактировать возникновение конфликтных ситуаций. Для эффективного исправления осужденных необходимо слаженное взаимодействие всех служб исправительного учреждения, так как только при комплексном воздействии на личность осужденного возможно изменить его представления о ценности и незаменимости тюремной субкультуры.

При работе с осужденными следует учитывать то, что большинство из них придерживаются норм и традиций тюремной субкультуры, поэтому нужны профилактические мероприятия, направленные на неукоснительное соблюдение и выполнение режимных требований. Важно привлечь как можно больше осужденных к трудовой, творческой и образовательной деятельности. Это создаст особую среду, обеспечивающую эффективную ресоциализацию.

Целесообразно проводить мероприятия в формате вечера вопросов и ответов для профилактики возникновения слухов, а также беседы, направленные на развенчание романтического ореола тюремной жизни, показ несправедливости воровских законов и их двойственного характера. Индивидуальная работа может проводиться в форме консультаций, на которых будут освещаться вопросы межличностного взаимодействия в среде осужденных. При этом необходимо уделять особое внимание анализу жизненного пути, прояснению смысложизненных ориентаций осужденных для определения индивидуальной линии поведения, независимой от тюремной субкультуры. В процессе индивидуальной работы следует учитывать особенности осужденных отрицательной направленности и их негативное отношение к осужденным, вставшим на путь исправления, режиму отбывания наказания, труду, учебе, воспитательным мероприятиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Башкатов И. П. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей. М., 1993. С. 38.

[2] См.: Уваров И. А. Общеуголовная пенитенциарная преступность в системе объектов пенитенциарной профилактики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3. (14). С. 13.

[3] См.: Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 77.

[4] См.: Сучкова Е. Л., Штефан Е. Ф. Влияние субкультуры осужденных на ценностно-мотивационную сферу сотрудников УИС // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 95–96.

[1] Sm.: Bashkatov I. P. Psihologija grupp nesovershennoletnih pravonarushitelej. M., 1993. S. 38.

[2] Sm.: Uvarov I. A. Obshheugolovnaja penitenciarnaja prestupnost' v sisteme ob#ektov penitenciarnoj profilaktiki // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 3. (14). S. 13.

[3] Sm.: Antonjan Ju. M., Kudrjavcev V. N., Jeminov V. E. Lichnost' prestupnika. SPb., 2004. S. 77.

[4] Sm.: Suchkova E. L., Shtefan E. F. Vlijanie subkul'tury osuzhdennyh na cennostno-motivacionnuju sferu sotrudnikov UIS // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 4 (20). S. 95–96.

УДК 159.937.523

К вопросу об архаизации психологического пространства личности в местах лишения свободы

О. М. ПИСАРЕВ – начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье предпринята попытка теоретического осмысления проблемы психологического пространства личности в условиях несвободы. Актуальность ее обусловлена природой изучаемого феномена, являющегося значимым компонентом как личностного развития, так и взаимодействия человека со средой. В ходе рассмотрения основных подходов в исследуемой области внимание фокусируется на причинах архаизации психологического пространства осужденных, отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы. Особый интерес при этом представляет учет ценностно-смысловых, поведенческих и эмоциональных характеристик в контексте построения и дальнейшего изменения психологического пространства личности под влиянием криминальной составляющей пенитенциарного социума. Формулируется вывод о необходимости проведения эмпирического исследования с целью дальнейшего изучения рассматриваемого в статье понятия.

Ключевые слова: архаизация; психологическая система; психологическое пространство; криминализация личности; места лишения свободы.

To the question about archaization psychological space of the person in imprisonment places

O. M. PISAREV – the Head of the Department of Staff, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute of Staff Training of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

In article an attempt is made to comprehend the problem of the psychological space of an individual in conditions of unfreedom. Its relevance is determined by the nature of the phenomenon being studied, which is an important component of both personal development and human interaction with the environment. During the consideration of the main approaches in the study area, attention is focused on the reasons for the archaization of the psychological space of convicts serving criminal punishment in imprisonment places. Of particular interest is the consideration of value-semantic, behavioral and emotional characteristics in the context of constructing and further changing the psychological space of the individual under the influence of the criminal component of the penitentiary society. The conclusion is drawn that it is necessary to carry out an empirical study with a view to further studying the concept considered in the article.

Key words: archaization; psychological system; psychological space; criminalisation of the person; an imprisonment place.

Феномен психологического пространства в последнее время находится в зоне пристального внимания представителей психологических, философских, социальных и других наук. Проведенный анализ теоретических источников показывает, что интерес к проблеме изучения психологического пространства личности, его характеристик проявляют как отечественные (Л. И. Анцыферова, Г. С. Абрамова, А. А. Бодалев, Т. Г. Бохан, Л. Я. Дорфман, Ю. М. Забродин, Д. А. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, О. И. Муравьева, Е. Н. Панина, А. Н. Славская, И. П. Шкуратова), так и зарубежные исследователи (К. Левин, К. Роджерс, Э. Холл, Г. Зиммель, М. Хейдметс, Д. Фаст, А. Пиз, Э. Эриксон, М. Черноушек). Масштаб рассмотрения данного понятия связан с операционализацией категории субъекта, содержание которой позволяет как уточнить собственно приро-

ду психологического пространства, так и в контексте заявленной темы сфокусировать внимание на особенностях его построения осужденными, отбывающими уголовное наказание в местах лишения свободы[1].

Развитие личности всегда происходит внутри психологического пространства, специфические особенности которого придают этому процессу индивидуальную окраску. По мнению А. В. Брушлинского, личность всегда неразрывно связана с другими людьми и вместе с тем автономна, независима, относительно обособлена, она и субъект, и объект социальных влияний, представляет несомненную ценность для общества[2]. В данном контексте психологическое пространство личности наполнено разнообразными исторически сложившимися социально-психологическими условиями, факторами, закономерностями и механизмами, способствующими при благоприятном стечении обстоятельств достижению человеком высоких уровней личностного развития.

В ряде работ психологическое пространство личности изучается именно как пространственный компонент. Р. Соммер обозначал персональное пространство как «площадь с невидимой границей, которая окружает тело человека и в которую может войти чужой»[3]. По его мнению, термин «персональное пространство» есть пространственная сфера вокруг человека, очерченная мысленной чертой, за которую другим не следует заходить. Мерой персонального пространства является расстояние, на которое к данному человеку может приближаться другой человек. Персональное пространство не является кругообразным, его удаленность в разные стороны не равна. В концепции черт личности Г. Оллпорта психологическое пространство может представлять собой позитивное, творческое, стремящееся к росту и развивающееся свойство самости и выступает организующей и объединяющей силой, назначение которой – помогать в формировании уникальной человеческой природы, не потерять и охранять от посягательств других составные части «я»[4].

С точки зрения С. К. Нартовой-Бочавер, человек как обладающее психикой и сознанием существо живет не в объективной среде, а в психологическом пространстве, построенном субъектом в соответствии с его потребностями и возможностями. Автор отмечает, что субъект считает своими собственными тело, мысли, переживания, поступки, он обладает чувством авторства по отношению к собственной жизни и способен принимать на себя ответственность. Субъект «прозрачен» в стабильном состоянии и проявляет себя при столкновении с объектом, который распознается им как иное. Между субъектом и иным проходят границы, которые подвижны, могут изменяться и заявляют о себе наличием проблемных зон. Разрешение конфликтных ситуаций вносит определенность: объект либо интериоризируется и становится внутренним достоянием, либо остается чуждым по отношению к субъекту[5]. Данное положение находит свое подтверждение в исследовании Н. Н. Мозговой, определяющей психологическое пространство как «интегрированное психологическое образование, являющееся результатом развития субъектности личности и обеспечивающее ее неприкосновенность, сохранение идентичности, возможность самопрезентации, защиты себя от манипулятивного и любого негативного воздействия других лиц»[6].

По мнению В. Е. Клочко, психологическое пространство личности отличается от среды, всей окружающей человека действительности, объективной реальности тем, что включает в себя субъективные координаты – смыслы, ценности и значения. Оно пронизано эмоциями, посредством которых предметы становятся доступными нашему сознанию[7]. Тому, кто берется исследовать элементы окружающего мира вне системы «субъект – среда», не удастся выявить в них те характеристики (свойства, качества, функции и т. д.), которые открываются субъекту или создаются им в процессе взаимодействия со средой. Такие характеристики, доступные для восприятия и значимые для конкретного человека или группы, определяются неповторимостью ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер индивидуального или группового субъекта. «Это то, что происходит между человеком и средой, пространство, в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике – логике самоорганизации человека как открытой системы»[8]. Дополняя и конкретизируя эту мысль, А. Л. Журавлев и А. Б. Купреченко отмечают, что речь идет о логике не только самоорганизующегося, но и самоопределяющегося в социальной среде субъекта[9]. В этом плане интерес для исследователей могут представлять и такие показатели, как однородность/разнородность психологического пространства личности, наличие и количество особых зон,

подпространств, а также ограничивающих их смысловых порогов, барьеров и т. д. Как было отмечено выше, созидателем психологического пространства является сам субъект (личность, малая или большая группа), поэтому анализ пространства должен учитывать его специфические черты. Содержательными характеристиками субъекта, оказывающими существенное влияние на содержание, структуру и само существование пространства, являются его отношение к данному пространству в целом, а также к отдельным его элементам, видение своего места, роли и функций. Ключевыми видами таких отношений будут выступать ожидания, надежды и опасения, смыслы и намерения и т. д.

Психологическое пространство личности находится в движении и зависит от интенсивности и осмысленности жизнедеятельности человека: оно может расширяться (стадия жизненного поиска), оставаться стабильным (стадия обретения ответа) и регрессировать (стадия архаизации). В стабильные периоды жизни пространство стремится к равновесию, используя сложившиеся и уже освоенные языки самовыражения. Переход из одной жизненной ситуации в другую вынуждает человека отказаться от привычных условий прошлой жизни и предполагает определенный период адаптации к новым условиям социальной действительности с полным принятием норм, ценностей и традиций иного социального окружения[10]. Отсюда следует, что ценностно-нормативное поле превращается в одно из измерений многомерного мира человека, в пространство, сближающее его с другими людьми в силу определенной тождественности их миров, определяющейся единым источником, из которого «вычерпываются» эти ценности, – общей культурой[11]. Одни осужденные отказываются от привычного (в нашем понимании – криминального) образа жизни, восстанавливают социально полезные связи и отношения, другие продолжают придерживаться норм субкультуры[12]. При этом восприятие социума как своего позволит проявиться конструктивным, жизнетворческим тенденциям, проводящим человека через прозрачные для него социальные границы. Если же социум ощущается как чужой, эти границы могут блокироваться, ограничивая поле самоактуализации личности[13].

В то же время отметим, что деформация психологического пространства (например, его архаизация через криминальные ценности и установки) может не всегда осознаваться человеком, имея при этом явные негативные проявления. Например, восприятие человеком окружающего мира и своего места в нем сквозь призму криминальных взглядов может негативно сказываться на реализации себя в сфере просоциальных, семейных отношений и т. п. Современные исследователи отмечают, что человек, который уходит из привычного для него мира идентичностей и вторгается в иной мир, в котором существуют свои обязательства и связи, свои правила соподчинения и идентификации, чтобы избавиться от психологического дискомфорта, должен их принять[14]. В этой ситуации для него может стать актуальным не расширение психологического пространства, а, напротив, сужение его границ, связанное с искаженным восприятием мира из-за ожидания возможных негативных воздействий извне. Происходит архаизация психологического пространства, понимаемая как форма регресса с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности[15]. Соответственно под архаизацией в контексте обозначенной темы мы можем понимать обращение человека к специфическим социокультурным ценностям, доминирующим в местах лишения свободы, которые регламентируют пространственно-временное поле его жизни в процессе отбывания уголовного наказания.

Если человек перестает видеть необходимые для самореализации соответствия или не находит в этом мире себя, не видит в нем своего места, то возникает угроза для самой возможности взаимодействия с миром, что чревато не только прекращением развития психологической системы[16], но и ее распадом: сначала уходит вершинное – ценности, которые делают предметы, вещи значимыми во все времена, а затем и смыслы, придающие «ощущение реальности»[17]. Саморазвитие человека оказывается под угрозой, что проявляется в неспособности выделить те предметы и обстоятельства, которые составляют условия бытия, имеющие особый смысл и ценность; доминировании эмоциональных проявлений негативного плана; разрушении целостности жизненного мира как основы психологического здоровья. Все это приводит к страху свободы, актуализации криминальных установок, возврату к привычному (криминально-архаичному) образу жизни.

Отбывание уголовного наказания в местах лишения свободы приводит к тому, что

человек постепенно прекращает конструирование новых целей, останавливается в своем развитии, обращается к криминальным традициям и ценностям, имеющим выраженное архаичное наполнение. Еще 80 лет назад Д. С. Лихачев отмечал, что криминализация личности идет через стремление к упрощению материала, накопляемого восприятием, к конкретизации его и материализации, разрушению обычных реальных связей, существующих в мире, и замене их более примитивными[18]. Если человек в своей жизни закрыт, то в условиях несвободы ему легче принимать те штампованные ценности и правила, которые доминируют в пенитенциарном неформальном сообществе.

Таким образом, архаизация психологического пространства личности в местах лишения свободы способствует формированию имеющих негативную окраску отношений в системе «человек – среда», что являет собой актуальную проблему в контексте современных психологических изысканий. В рамках планируемого нами исследования представляет интерес поиск точек соприкосновения психологического пространства личности и архаичных норм и ценностей, доминирующих в пенитенциарном пространстве. Это позволит прийти к пониманию общей картины жизненного мира человека, отбывающего уголовное наказание в местах лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подр.: Писарев О. М. Особенности смысловых установок личности в закрытой среде (на примере мест лишения свободы) : дис. … канд. психол. наук. Томск, 2010.

[2] См.: Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995. С. 28–41.

[3] Sommer R. Personal space: Behavioral basis of design. N. Y., 1969.

[4] См.: Оллпорт Г. Личность в психологии. М. ; СПб., 1998. С. 282.

[5] См.: Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 27–36.

[6] Мозговая Н. Н. Развитие представлений о личностном пространстве студентов педагогического вуза : дис. … канд. психол. наук. Ставрополь, 2002. С. 37.

[7] См.: Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005. С. 34.

[8] Там же. С. 33–34.

[9] См.: Журавлев А. Л., Купреченко А. Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2 (11). С. 7–13.

[10] См.: Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово, 2004. С. 136.

[11] См.: Клочко В. Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8–9. С. 7–15.

[12] См.: Датий А. В., Пестриков Д. В. Особенности ролевого поведения осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 70–75.

[13] См.: Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). С. 30.

[14] См.: Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. № 43. Т. 8. С. 12.

[15] См.: Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.

[16] См.: Новохатько Е. Н. Психологическая помощь мигрантам в перестройке ценностно-смысловых составляющих образа мира (на примере вынужденных переселенцев) : дис. … канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 43.

[17] См.: Некрасова Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека : автореф. дис. … д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. С. 14.

[18] См.: Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М. ; Л., 1935. № III-IV. С. 47–100.

[1] Sm. podr.: Pisarev O. M. Osobennosti smyslovyh ustanovok lichnosti v zakrytoj srede (na primere mest lishenija svobody) : dis. … kand. psihol. nauk. Tomsk, 2010.

[2] Sm.: Brushlinskij A. V. Problema sub#ekta v psihologicheskoj nauke // Soznanie lichnosti v krizisnom obshhestve. M., 1995. S. 28–41.

[3] Sommer R. Personal space: Behavioral basis of design. N. Y., 1969.

[4] Sm.: Ollport G. Lichnost' v psihologii. M. ; SPb., 1998. S. 282.

[5] Sm.: Nartova-Bochaver S. K. Ponjatie «psihologicheskoe prostranstvo lichnosti»: obosnovanie i prikladnoe znachenie // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 6. S. 27–36.

[6] Mozgovaja N. N. Razvitie predstavlenij o lichnostnom prostranstve studentov pedagogicheskogo vuza : dis. … kand. psihol. nauk. Stavropol', 2002. S. 37.

[7] Sm.: Klochko V. E. Samoorganizacija v psihologicheskih sistemah: problemy stanovlenija mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyj analiz). Tomsk, 2005. S. 34.

[8] Tam zhe. S. 33–34.

[9] Sm.: Zhuravlev A. L., Kuprechenko A. B. Social'no-psihologicheskoe prostranstvo samoopredeljajushhegosja sub#ekta: ponimanie, harakteristiki, vidy // Vestnik prakticheskoj psihologii obrazovanija. 2007. № 2 (11). S. 7–13.

[10] Sm.: Seryj A. V. Sistema lichnostnyh smyslov: struktura, funkcii, dinamika. Kemerovo, 2004. S. 136.

[11] Sm.: Klochko V. E. Stanovlenie mnogomernogo mira cheloveka kak sushhnost' ontogeneza // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 1998. № 8–9. S. 7–15.

[12] Sm.: Datij A. V., Pestrikov D. V. Osobennosti rolevogo povedenija osuzhdennyh // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 4 (28). S. 70–75.

[13] Sm.: Klochko V. E. Samoorganizacija v psihologicheskih sistemah: problemy stanovlenija mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyj analiz). S. 30.

[14] Sm.: Seryj A. V., Janickij M. S. Smyslovye aspekty perezhivanija krizisa social'noj identichnosti pri vynuzhdennoj smene zhiznennoj situacii // Psihologicheskie issledovanija. 2015. № 43. T. 8. S. 12.

[15] Sm.: Ahiezer A. S. Arhaizacija v rossijskom obshhestve kak metodologicheskaja problema // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 2. S. 89–100.

[16] Sm.: Novohat'ko E. N. Psihologicheskaja pomoshh' migrantam v perestrojke cennostno-smyslovyh sostavljajushhih obraza mira (na primere vynuzhdennyh pereselencev) : dis. … kand. psihol. nauk. Rostov n/D, 2005. S. 43.

[17] Sm.: Nekrasova E. V. Prostranstvenno-vremennaja organizacija zhiznennogo mira cheloveka : avtoref. dis. … d-ra psihol. nauk. Barnaul, 2005. S. 14.

[18] Sm.: Lihachev D. S. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoj rechi // Jazyk i myshlenie. M. ; L., 1935. № III-IV. S. 47–100.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 355.233.2

О базовых основаниях формирования нравственно-патриотических ценностей курсантов: сравнительный анализ методологических подходов

Т. Н. ГУЩИНА – профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, доцент

В статье проводится сравнительный анализ материалистического, идеалистического, либерально-индивидуалистического, социологического и религиозно-философского подходов к формированию нравственно-патриотических ценностей у курсантов военного вуза. Обосновывается преимущество социологического и религиозно-философского подходов в данном направлении деятельности.

Ключевые слова: ценность; нравственность; патриотизм; курсант; военный вуз; формирование; методологический подход; анализ.

On the basic foundations in formation moral and patriotic values of cadets: a comparative analysis of methodological approaches

T. N. GUSHCHINA – Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with Youth of the Yaroslavl State Pedagogical K. D. Ushinsky University, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor

The article compares the materialistic, idealistic, liberal-individualistic, sociological and religious-philosophical approaches to the formation moral and patriotic values among military cadets. The advantage of sociological and religious-philosophical approaches in this area of activity is substantiated.

Key words: value; moral; patriotism; cadet; military high school; formation; methodological approach; analysis.

Актуальность проблемы формирования нравственно-патриотических ценностей у курсантов обусловлена коренными изменениями в духовно-нравственной жизни российского общества. В настоящее время воспитание гражданственности, патриотизма и готовности к достойному служению Отечеству является одной из важнейших составляющих общенациональной идеи Российской Федерации.

Значимую роль в разработке данной проблематики играют психолого-педагогические исследования различных аспектов нравственного воспитания курсантов: формирования их идеалов (Е. В. Адриянов), духовно-ценностных ориентаций (Е. Г. Гужва, Г. Х. Мухамедова, Д. В. Романов), совершенствования этической подготовки (В. И. Вдовюк).

Для теоретического осмысления феномена формирования нравственно-патри-

отических ценностей, механизмов нравственно-патриотического воспитания курсантов первичен вопрос: что же является фундаментальной основной такого воспитания? Как показывает история вооруженных сил России (включая историю вооруженных сил Древней Руси, Московского царства, Российской империи, СССР и современной России), нравственно-патриотическое воспитание может проводиться по разным направлениям и осуществляться разными методами. Однако любые усилия в рамках нравственно-патриотического воспитания военного профессионала окажутся безрезультатными до тех пор, пока не будет осознана важность таких проявлений человеческого духа, как мужество, воинская честь, патриотизм.

То, что является важным для человека, представляет для него ценность. Именно такое определение ценности дают А. А. Гусейнов и Р. Г. Апресян, указывая, что «ценностями называются обобщенные, устойчивые представления о чем-то как о предпочитаемом, как о благе», «ценности – это то, что дорого для человека, то, что имеет для него значение. Ценности – это значимые для человека объекты (материальные или идеальные)»[1]. В этой связи имеет смысл начинать нравственно-патриотическое воспитание с формирования убеждений о значимости тех или иных предметов, явлений и качеств.

Предпочтительный выбор индивидом тех или иных ценностей (материальных или духовных, общественных или личных) во многом определяется подходами к понятию «ценность».

Один из подходов к определению ценности можно назвать материалистическим. Материалистическая философия известна с глубокой древности. Самые известные представители этого подхода в новое время – К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ульянов (Ленин); в новейшее время – некоторые представители австрийской школы в экономической теории, в частности К. Менгер. Суть материалистического подхода состоит в том, что ценность так или иначе тождественна материальному благу и именно материальные блага являются ценностями в первую очередь. При этом классическая политическая экономия и австрийская школа расходятся в своих взглядах на объективность материальных ценностей. Первая считает определенные товары и блага ценностью объективной, а вторая – субъективной. Согласно К. Менгеру, ценность зависит от субъективной оценки людей, которые наиболее высоко ценят относительно редкие товары и услуги.

При этом вопрос о значимости духовных ценностей остается открытым, так как представители этого подхода не признают за религиозными или культурными ценностями значимой роли в человеческой истории. Значение имеют производительные силы и производственные отношения, которые определяются материальными ценностями, теми ресурсами, которыми владеет господствующий класс, а несправедливое распределение материальных ценностей как раз и приводит к смене общественных формаций. Знаменитое выражение К. Маркса «Религия – опиум для народа» было высказано им в работе «К критике гегелевской философии права». Следовательно, для основателя диалектического материализма религия – своеобразное «лекарственное средство», которое, с одной стороны, позволяет трудящимся забыть об их страданиях, с другой – отвлекает их от классовой борьбы. Именно по этой причине ни религия, ни культура, ни искусство в рамках материалистического подхода не являются сколько-нибудь значимой ценностью. Не является такой ценностью и патриотизм, ибо в рамках диалектического материализма патриотизм – это не более чем «предрассудок», способствующий закрепощению рабочего класса. Воинская честь, мужество, дисциплинированность тоже не могут признаваться материалистическим мышлением приоритетными ценностями, так как они не являются материальными. Таким образом, очевидно, что материалистический подход к понятию «ценность» не может быть наилучшим выбором военного педагога и не является оптимальным базовым основанием для формирования нравственно-патриотических ценностей курсантов высших военных учебных заведений.

Другой подход к понятию «ценность» – идеалистический. Защитниками этого значимого в мировой философии подхода можно назвать Платона и всех философов-идеалистов, включая таких представителей немецкого классического идеализма, как Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель. В концепции Платона абсолютная ценность – полнота бытия, а Благо тождественно Бытию, Добру и Красоте. Было бы упрощением считать самого Платона апологетом исключительно эстетического подхода к определению того, что есть ценность. Для Платона принципиальное значение имеет этическое измерение идеала. Но вопросы этических категорий

для идеализма крайне сложны на том основании, что понятия Добра и Зла не познаваемы обычными умозрительными способами, не доказуемы. Тем не менее, отвергнув «созерцательный» способ познания духовной действительности, философы-идеалисты вынуждены были определять категории «добра» и «зла» именно умозрительно, логически. В итоге классический идеализм приходит к пониманию свободы личности как высшей ценности. Эта позиция – логическое завершение установки субъективного идеализма, согласно которой мир жизнедеятельности субъекта – это совокупность его ощущений, переживаний, настроений. Но, даже мысля в рамках объективного идеализма, мы неизбежно приходим к тому же выводу: если абсолютом, высшей ценностью классический идеализм объявляет дух и если дух при этом способом традиционных религий не познаваем, единственное, в чем манифестирует дух, – это человек, личность, и свободу этой личности невозможно не признать наиболее ценным духовным явлением. Если свобода есть высшая ценность, первичными ценностями является все то, что ведет к свободе и осуществляет эту свободу: ценность в идеалистической картине мира определяется свободой и свободным выбором личности. Все это позволяет говорить о том, что классический идеализм стал философской базой современного индивидуалистического либерализма. Применительно к проблематике формирования нравственно-патриотических ценностей это означает, что если конкретный индивид признает для себя важность патриотизма, воинской чести, дисциплинированности, мужества на основании личного выбора, то эти категории и становятся для него ценностями.

Однако возможность такого выбора, особенно при признании субъективным идеализмом свободной воли человека главенствующей над его социальными и профессиональными обязанностями и не ограниченной ими, не очень велика, поэтому опора на идеалистический подход к понятию «ценность» применительно к задачам военной педагогики нам представляется нецелесообразной.

Традиционные для военной педагогики ценности не признаются важными и в рамках либерально-индивидуалистического подхода. Либерально-индивидуалистический подход (Э. Штратеншульте, А. Гессель) использует понятие «европейские ценности», к важнейшим из которых относят рыночную экономику, демократию с особым вниманием к соблюдению прав меньшинств, приоритет суверенитета личности над государственным суверенитетом, светскость общества и культуры, толерантность и мультикультурализм.

Светскость общества и культуры в системе европейских ценностей значима постольку, поскольку религия с ее «неудобными» нравственными требованиями и стремлением к аскетизму мешает высокому уровню потребления и получения удовольствия. То есть гедонистическая свобода личности становится внутри либерально-индивидуалистического подхода важнейшим источником ценностей. Такая установка либерально-индивидуалистического подхода отвергает ценности, значимые для военного педагога, поскольку дисциплинированность и мужество являются причиной нравственного благополучия, а не гедонистических удовольствий. То же самое верно и в отношении патриотизма и воинской чести.

Социологический подход к понятию «ценность», представителями которого можно считать Д. Милля, М. Вебера, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма, понимает ценность как нечто, что является благом для общества. Д. Милль воспринимает мораль как «правила для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых доставляется всему человечеству существование, наиболее свободное от страданий»[2]. По М. Веберу, ценность – форма, при помощи которой люди организуют свой жизненный опыт, в определенном контексте ценности «становятся нормами, которые лежат в основе социального порядка»[3]. Т. Парсонс отмечает, что одной из функциональных потребностей общества является воспроизводство нормативного образца, общественных ценностей.

В рамках русской религиозной философии имеется особый взгляд на природу ценности (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, В. С. Соловьев, Д. Л. Андреев), который можно назвать религиозно-философским. При этом речь идет о христианской религиозной философии: невозможно отрицать, что именно христианство в его национальной форме православия сыграло особую роль в формировании русского этноса и становлении российской государственности. В картине мира русской религиозной мысли ценность исходит от Бога: ценным признается человеческое движение навстречу Божественной воле, хотя вопросы взаимодействия божественной и человеческой воли русские философы разрешают по-разному.

Абсолютная ценность – существование в Боге, первичные ценности – все, что устремляет человека к этому существованию. Это возвращает к пониманию ценностей в рамках традиционного христианства. Дисциплинированность, мужество, воинская честь, патриотизм – данные категории в рамках традиционных религий не являются первичными. Дисциплинированность в религиозной практике применима в основном к самодисциплине, а подчинение светской власти не является высшей религиозной добродетелью; религиозное мужество – характеристика внутреннего мужества, направленного на борьбу с «бесовскими искушениями», а не характеристика воинского мужества.

Патриотизм не может сознанием верующего христианина восприниматься в качестве безусловного и высшего блага. Любовь к Богу для христианина – категория более значимая, чем любовь к своей Родине. Однако названные выше ценности, с точки зрения христианства, входят в категорию Блага. Не только Священное Предание, но и жития выдающихся подвижников русского православия (благословение святым преподобным Сергием Радонежским иноков Пересвета и Осляби на битву на Куликовом поле; канонизация святого благоверного князя Александра Невского, известного полководца и святого праведного Федора Ушакова) доказывают, что христианство не остается равнодушным к понятиям мужества, воинской чести, патриотизма, что оно приветствует эти проявления духа в мирянине, что данные ценности являются также ценностями религиозными. «Тот, кто борется за родину, борется не за свои интересы и не за чужие интересы, а за ценность, стоящую выше всякого блага людского. Всякая великая борьба может быть оправдана лишь как борьба за свою правду и за Бога», – указывает Н. А. Бердяев в статье «Патриотизм и политика»[4].

Таким образом, на основании краткого сравнительного анализа различных методологических подходов к понятию «ценность» отметим, что при всем разнообразии некоторые из них (материалистический, идеалистический, либерально-индивидуалистический) оказываются неприемлемыми в практике работы военного педагога. Они не могут служить философским обоснованием патриотизма и воинской чести, мужества и дисциплинированности. При формировании нравственно-патриотических ценностей будущих офицеров в военном вузе предлагаем опираться на социологический подход к природе ценности, согласно которому ценность определяется обществом как благо общества, и на религиозно-философский подход, который позволяет задействовать средства конфессионального воспитания. При использовании религиозно-философского подхода следует учитывать различную национальную и конфессиональную принадлежность курсантов высших военных учебных заведений. Именно такой выбор методологического обоснования позволяет обеспечить успешное формирование ценностных установок военного специалиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика : учеб. М., 2003. С. 228.
[2] Там же.
[3] Вебер М. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999.
[4] Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 1993. С. 15.

[1] Gusejnov A. A., Apresjan R. G. Jetika : ucheb. M., 2003. S. 228.
[2] Tam zhe.
[3] Veber M. Izbrannoe: Krizis evropejskoj kul'tury. SPb., 1999.
[4] Berdjaev N. A. Jekzistencial'naja dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo. M., 1993. S. 15.

УДК 364.04

Особенности социального сопровождения осужденных иностранных граждан (из зарубежного опыта)

О. Е. КУРЕНКОВА – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

С. Н. ШИШИГИНА – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются задачи и приводятся примеры социальной работы исправительных учреждений с осужденными иностранными гражданами, особое внимание акцентируется на обеспечении социокультурной адаптации, выступающей значимым условием их жизни на свободе.

Ключевые слова: осужденные иностранные граждане; социальная работа в исправительных учреждениях; социальное сопровождение; аккультурация; социально-психологическая адаптация; социокультурная адаптация; тренинг межкультурной коммуникации.

Features of social support convicted foreign citizens (from foreign experience)

O. E. KURENKOVA – Associate Professor of the Department of Organization of Psychological Service in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

S. N. SHISHIGINA – Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

In the article are defined specific tasks of social work in the correctional institution with convicted foreign citizens, are presented examples of foreign experience in solving social problems of foreigners implemented in isolation conditions. Special attention is paid to ensuring socio-cultural adaptation of convicted foreign citizens, which is an important condition for their life at large.

Key words: convicted foreign citizens; social work in the correctional institution; social accompaniment; acculturation; socio-psychological adaptation; socio-cultural adaptation; training of intercultural communication.

Иностранные граждане – особая категория клиентов социальных служб, специфичная не только заявляемым проблемам, но и особенными ресурсами для их решения, определяемыми особым правовым положением.

Количество иностранцев в российских исправительных учреждениях, по данным статистики, в последние годы увеличивается: если в 2015 г. оно составляло 28 714 чел., в 2016 г. – 29 822 чел., то в первой половине 2017 г. – 29 397 чел.[1] На 01.06.2017 наибольшее количество осужденных иностранцев являются гражданами государств СНГ: 8002 гражданина Таджикистана, 6362 – Узбекистана, 4761 – Украины, 2350 – Азербайджана[2]. 90 % из них отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Осужденные данной категории в период отбывания наказания в основном не трудоустроены, примерно 95 % не выполняют требований руководства, 30 % нарушают режим[3].

В условиях заключения работа по социальному сопровождению осужденных иностранных граждан призвана, с одной сто-

роны, организовать их социальную защиту, стимулируя деятельность уполномоченных на это особенных социальных институтов, а с другой – оптимизировать их социальное самочувствие, затрудненное в связи с пребыванием в иной культурной среде. Специфической задачей такой деятельности, на наш взгляд, могла бы стать аккультурация, ориентированная на сохранение иностранцем своей культурной идентичности и включение в чужую культуру[4].

Дж. Берри описаны четыре стратегии аккультурации: ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация. В процессе ассимиляции путем активного взаимодействия с представителями новой среды индивид принимает ее нормы и ценности, одновременно отказываясь от культуры, к которой принадлежал, идентифицируя себя с новой культурой. Выбор стратегии интеграции позволяет индивиду сохранить свои культурные характеристики, при этом принять основные ценности и образцы поведения новой культуры, установив прочные связи с ее представителями. В ходе сепарации индивид сохраняет свои культурные характеристики, отвергая любые контакты с представителями новой среды. Это свидетельствует о его низкой мотивации к адаптации в ней, вероятно, вызванной временным пребыванием в рассматриваемой среде или ее враждебным отношением. Стратегия маргинализации выражается в отвержении иностранцем своей культуры и одновременном непринятии новой[5].

Социальное сопровождение иностранных граждан, отбывающих наказание, на наш взгляд, должно обеспечивать их успешную ассимиляцию либо интеграцию, облегчающие социокультурную и социально-психологическую адаптацию к новой среде[6]. Отметим, что социально-психологическая адаптация выражается в субъективном ощущении человеком благополучия, удовлетворенности, хорошего душевного здоровья, построении позитивных планов в новой среде, а социокультурная – в интеграции в новую культурную среду на основе выработки адекватных моделей поведения, необходимых для успешного взаимодействия с ней, а также общей способности справляться с ежедневными проблемами в новом культурном окружении, особенно в трудовой, учебной и семейной сферах[7].

В Великобритании для отбывания наказания иностранными гражданами переоборудованы две тюрьмы. Такое нововведение, с одной стороны, позволяет гарантировать неизбежность их последующей депортации, а с другой – реализовать их специфические социальные потребности (введены должности переводчика, правового консультанта)[8].

В Норвегии решению вопросов социального обеспечения осужденных иностранных граждан уделяется значительное внимание[9]. Им выплачиваются пособия на детей и пенсии (отмечается, что ежегодный доход заключенного может составить более 10 тысяч евро). Оплата их труда на производственных предприятиях соответствует средней годовой зарплате в любой европейской стране. Законодательство позволяет освободившемуся из пенитенциарного учреждения иностранному гражданину, длительно отбывавшему наказание, оформить минимальную норвежскую пенсию (в размере 700 евро в месяц).

Исследователи отмечают, что с июня 2002 г. на служащих тюрем Норвегии возлагается дополнительная обязанность – кураторство трех-четырех заключенных. Главная его цель состоит в том, чтобы у каждого отбывающего наказание был куратор, заинтересованный в организации его исправления и обучения. Он должен создать заключенному условия, в которых тот сможет максимально проявить свое желание и волю к изменению поведения[10].

Находясь в тюрьме, осужденный обязан вести активный образ жизни: учиться, работать, проходить лечение, участвовать в различных программах. Все без исключения нарушившие закон в обязательном порядке должны пройти образовательные курсы по социальной интеллигентности, морали и этике, сдать экзамены по предметам «Правильное разрешение конфликтных ситуаций», «Снятие стрессов и эмоциональной напряженности», «Грамотное общение и взаимодействие с окружающими» и т. д.[11] Таким образом, деятельность всех сотрудников ориентирована на подготовку заключенного иностранного гражданина к социальной адаптации в обществе. С этой же целью в тюремных учреждениях Франции заключенным иностранным гражданам предлагается изучать французский язык, для этого в следственных изоляторах и тюрьмах организованы постоянно действующие языковые курсы[12].

Типичными проблемами освободившихся из пенитенциарных учреждений иностранных граждан в Германии являются: вопросы правового статуса и пребывания в другой стране (30 %), социальные и психосоциальные проблемы (30 %), потребность

в социальной помощи (16 %), получение образования, повышение квалификации и трудоустройство (13 %)[13]. Решению данных социальных проблем способствуют такие формы социальной защиты, как выдача льгот в натуральной форме в виде торговых ваучеров или смарт-карты, которые могут быть погашены только в определенных магазинах, оказание социальной помощи в виде продуктов питания или гигиенических пакетов, перечисление денежных средств (ежемесячная сумма для взрослых составляет 40 евро, для детей – 20[14]), прием по социальным вопросам.

В Англии для социального сопровождения иностранных граждан активно используются ресурсы общественности. Примером такого опыта служит деятельность учреждения Старт[15], ориентированная на содействие интеграции в общество и участие в общественной жизни лиц, ищущих убежища. В рамках Старта иностранцы получают не только информацию о своих правах и обязанностях, но и доступ к базовым социальным услугам. В каждом конкретном случае сотрудник учреждения помогает оформить заявку на оказание социальной помощи, подыскать подходящее жилье, стать получателем местных социальных выплат и услуг (например, выдача пищевых наборов, медицинская помощь и др.). Кроме того, Старт помогает подобрать языковые курсы, пройти повышение квалификации, подготовиться к прохождению административных процедур и собеседований и т. д.

В рамках конкретных проектов учреждения Старт («Швейная группа», «Трудовой клуб», «Выделение земельного участка» и «Культурная кухня») иностранцы получают возможность приобщиться к местной национальной культуре и традициям, стать участниками культурного обмена. Данные проекты становятся для них своеобразным безопасным местом, где можно обсуждать личные вопросы и проблемы, обратиться за советом, получить конкретные рекомендации как от сотрудников Старта, так и от других посетителей. Отдельное внимание уделяется правовым вопросам пребывания иностранного гражданина в Англии в рамках специфических учебных курсов, предлагаемых клиентам («Курс по правам человека» или «Тренинг Анти-Депортации»)[16].

Зарубежные специалисты утверждают, что социальная интеграция иностранных граждан не в последнюю очередь зависит от того, какие межэтнические и национальные отношения они уже построили[17]. Именно поэтому особым направлением социального сопровождения данной категории граждан становится так называемое окультуривание, основанное на овладении языком. Продолжительность и интенсивность персональной работы с клиентом зависит от его уровня понимания и приобретенных языковых навыков. При отсутствии языковых навыков все процедуры интеграции существенно замедляются[18]. В рамках проектов, предлагаемых службой Старт, иностранцы могут расширить свои контакты с представителями иных этнических групп, в том числе имеющими опыт выхода из трудных жизненных ситуаций, вызванных переездом в другую страну. Посредством социального обмена они получают новую информацию, необходимую им (в том числе сведения правового характера).

Описанные выше меры определяют направления постпенитенциарной ресоциализации иностранного гражданина, отбывающего наказание. Специфичность социального сопровождения осужденного иностранного гражданина определяется обеспечением его социокультурной адаптации к новой среде. С этой целью в тюрьмах Великобритании всем вновь прибывшим осужденным раздается переведенная на 20 языков «Зеленая книга», содержащая описание прав и обязанностей отбывающих наказание, а также иные предъявляемые к их поведению требования[19] (а значит, рассчитанная на профилактику адаптационных проблем граждан многих стран мира).

За рубежом практикуют также проведение кросскультурных тренингов и тренингов межкультурной коммуникации[20] в группах осужденных различных национальных групп. Исследователи указывают, что через проигрывание ситуаций, протекающих поразному в различных культурах, тренинг позволяет познакомить людей с межкультурными различиями и, представив характерные особенности чужой культуры, обеспечить перенос полученных знаний на другие жизненные ситуации[21]. Основой такого тренинга обычно является общекультурный тренинг, способствующий осознанию себя представителем конкретной культуры. Содержательная часть тренинга моделируется на основе использования метода культурных ассимиляторов[22] и позволяет человеку за короткое время узнать больше о различиях в культуре и жизненном укладе граждан различных стран, научиться видеть ситуацию с иных национальных позиций, облегчив его вхождение в новую социальную среду и отношения.

Культурные ассимиляторы состоят из описаний ситуаций, в которых взаимодействуют представители двух культур; четырех интерпретаций их поведения; «обратной связи» – выделения «правильной» с точки зрения представителей чужой для обучающихся культуры интерпретации и анализа ее особенностей[23]. Информация подбирается таким образом, чтобы представить ситуации, в которых проявляются значительные либо ключевые различия между культурами. Оптимальными ситуациями выступают либо наиболее часто встречающиеся во взаимодействии членов двух культур, либо конфликтные и неправильно интерпретируемые, либо позволяющие получить важные сведения о чужой культуре. При подборе ситуаций учитываются этнические стереотипы, различия в обычаях, особенности невербального поведения и др. Исследователями выделено 18 основных проблем, с которыми сталкиваются индивиды в ситуации межкультурного взаимодействия. Ситуации, отражающие эти проблемы, можно сгруппировать следующим образом:

– интенсивные эмоциональные реакции (тревожность, несбывшиеся ожидания, ощущение недостатка эмоциональной поддержки со стороны жителей новой страны, неопределенность отношений с ними, борьба с собственными предубеждениями);

– сфера знаний, важных для понимания межкультурных различий (социальные установки на труд и собственность, пространственно-временная организация общения, отношение к иностранным языкам, индивидуализм/коллективизм, ритуалы и суеверия, личностные и социальные ценности);

– когнитивные психологические процессы и явления, определяющие межгрупповые различия[24].

Соответственно, тренинги могут быть когнитивными (дающими информацию о другой культуре), поведенческими (формирующими навыки, необходимые для жизни в чужой культуре), атрибутивными (объясняющими социальное поведение с точки зрения другой культуры)[25]. В ходе тренинга ситуация (культурный ассимилятор) обсуждается в группе, затем сравниваются результаты участников, представляющих различные национальные группы, либо организуется ее проигрывание в ходе ролевой игры с последующим обсуждением. Задача каждого участника тренинга в обоих случаях – выбрать ту интерпретацию ситуации взаимодействия представителей двух культур, которая соответствует точке зрения чужой для него группы. Такое обсуждение фиксирует внимание участников на стереотипах и нормах родной и иной культур, готовит к бесконфликтному взаимодействию в рамках конкретной культуры.

Таким образом, культурные ассимиляторы помогают лучше понять представителей других культур, ослабить использование негативных стереотипов в повседневной жизни, откорректировать упрощенное понимание чужой культуры, повысить удовлетворение от общения с представителями чужой культуры, лучше адаптироваться к повседневным стрессам в новой среде[26].

Зарубежные подходы к организации социального сопровождения иностранных граждан, отбывающих наказание и освободившихся из пенитенциарных учреждений, несомненно, интересны и обладают определенным социальным эффектом. Целесообразно, на наш взгляд, внедрение в отечественную пенитенциарную практику следующих инноваций:

– изменение целевой ориентации социального сопровождения осужденных иностранных граждан в сторону обеспечения сохранения ими своей культурной идентичности и бесконфликтного включения в чужую культуру;

– активное социально-психологическое обучение иностранных граждан, обеспечивающее их социальную адаптацию в обществе (в том числе проведение тренингов межкультурной коммуникации);

– изменение среды исправительных учреждений с учетом особых потребностей осужденных иностранных граждан (введение должностей переводчика и правового консультанта, организация языковых курсов, перевод и тиражирование информационных материалов, раздаваемых осужденным, и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Мусаткина А., Астахов П., Тищенко М. Туристическая зона: сколько иностранных граждан отбывают наказание в России. URL: https://russian.rt.com/russia/article/411991-fsin-tyurmy-inostrancy (дата обращения: 26.10.2017).

[2] См.: Таджикские заключенные возглавили «тюремный топ» иностранцев в России. URL: http://eurasianews.info/politika/tadzhikskie-zaklyuchennye-vozglavili-tyuremnyj-top-inostrancev-v-rossii.html (дата обращения: 26.10.2017).

[1] Sm.: Musatkina A., Astahov P., Tishhenko M. Turisticheskaja zona: skol'ko inostrannyh grazhdan otbyvajut nakazanie v Rossii. URL: https://russian.rt.com/russia/article/411991-fsin-tyurmy-inostrancy (data obrashhenija: 26.10.2017).

[2] Sm.: Tadzhikskie zakljuchennye vozglavili «tjuremnyj top» inostrancev v Rossii. URL: http://eurasianews.info/politika/tadzhikskie-zaklyuchennye-vozglavili-tyuremnyj-top-inostrancev-v-rossii.html (data obrashhenija: 26.10.2017).

[3] См.: Трифонова Е. Мигрантов выгоняют из тюрем // Независимая газета. 2017. 13 апр.

[4] См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.

[5] См.: Бери Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. URL: http://psy.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=2102 (дата обращения: 11.07.2017).

[6] См.: Маркова С. Д. Аккультурация: к теории вопроса // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12.

[7] См.: Бери Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы.

[8] См.: Шабанов В. Б. Европейский опыт передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государства их гражданства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 11–13.

[9] См.: Смирнов А. Не санаторий, а тюрьма. URL: https://newizv.ru/news/world/04-10-2012/170885-ne-sanatorij-a-tjurma (дата обращения: 20.10.2017).

[10] См.: Щербаков А. В., Налдеев А. Б. Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских условиях // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 393–396.

[11] См.: Как сделать тюрьмы лучшими в мире. Опыт Норвегии. URL: http://edu.helsinki.org.ua/node/5839 (дата обращения: 11.07.2017).

[12] См.: Пархоменко А. Один день во французской тюрьме. URL: http://www.zakonia.ru/analytics/73/52745 (дата обращения: 05.11.2017).

[13] См.: Hamburger F. Abschied von der Interkulturellen Pädagogik. Plädoyer für einen Wandel sozialpädagogischer Konzepte. Weinheim und München. 2009. С. 153–154.

[14] См.: Pro Asyl. Der Einzelfall zählt. URL: http://www.proasyl.de/ (дата обращения: 17.08.2011).

[15] См.: START – students and refugees together. Identifying Refugee needs in Plymouth, Powerpoint Präsentation, Plymouth, Folien, 2009. Pp. 2–9. Verfügbar unter: ww.studentsandrefugeestogether.com/

[16] См.: Там же.

[17] См.: Maisch L. Soziale Arbeit mit Fluchtlingen: Bachelorarbeit. URL: https://hses.bsz-bw.de/files/94/OPUS_Bachelorarbeit.pdf

[18] См.: Там же.

[19] Тюремная система Великобритании // За решеткой. 2010. № 12.

[20] См.: Колосова А. А. О формах, методах и средствах обучения межкультурной коммуникации. URL: http://nbisu.moy.su›_ld/8/860 _Kolosova_A.A..pdf (дата обращения: 11.07.2017).

[21] См.: Грушевицкая Т. Г., Попков Т. Г., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.

[22] См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология.

[23] См.: Там же.

[24] См.: Психологическое сопровождение адаптации личности в поликультурном обществе как технология профилактики деструктивных форм поведения. URL: http://lib.knigi-x.ru/23tehnicheskie/41110-1-psihologicheskoe-soprovozhdenie-adaptacii-lichnosti-polikulturnom-obschestve-kak-tehnolo.php (дата обращения: 11.07.2017).

[25] См.: Грушевицкая Т. Г. Попков Т. Г., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации.

[26] См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : практикум. М., 2006. С. 154.

[3] Sm.: Trifonova E. Migrantov vygonjajut iz tjurem // Nezavisimaja gazeta. 2017. 13 apr.

[4] Sm.: Stefanenko T. G. Jetnopsihologija. M., 1999.

[5] Sm.: Beri Dzh. U. Akkul'turacija i psihologicheskaja adaptacija: obzor problemy. URL: http://psy.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=2102 (data obrashhenija: 11.07.2017).

[6] Sm.: Markova S. D. Akkul'turacija: k teorii voprosa // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2015. № 12.

[7] Sm.: Beri Dzh. U. Akkul'turacija i psihologicheskaja adaptacija: obzor problemy.

[8] Sm.: Shabanov V. B. Evropejskij opyt peredachi lic, osuzhdennyh k lisheniju svobody, dlja otbyvanija nakazanija v gosudarstva ih grazhdanstva // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 1 (33). S. 11–13.

[9] Sm.: Smirnov A. Ne sanatorij, a tjur'ma. URL: https://newizv.ru/news/world/04-10-2012/170885-ne-sanatorij-a-tjurma (data obrashhenija: 20.10.2017).

[10] Sm.: Shherbakov A. V., Naldeev A. B. Polozhitel'nyj opyt funkcionirovanija penitenciarnyh uchrezhdenij Norvegii i vozmozhnosti ego ispol'zovanija v rossijskih uslovijah // Molodoj uchenyj. 2015. № 2. S. 393–396.

[11] Sm.: Kak sdelat' tjur'my luchshimi v mire. Opyt Norvegii. URL: http://edu.helsinki.org.ua/node/5839 (data obrashhenija: 11.07.2017).

[12] Sm.: Parhomenko A. Odin den' vo francuzskoj tjur'me. URL: http://www.zakonia.ru/analytics/73/52745 (data obrashhenija: 05.11.2017).

[13] Sm.: Hamburger F. Abschied von der Interkulturellen Pädagogik. Plädoyer für einen Wandel sozialpädagogischer Konzepte. Weinheim und München. 2009. S. 153–154.

[14] Sm.: Pro Asyl. Der Einzelfall zählt. URL: http://www.proasyl.de/ (data obrashhenija: 17.08.2011).

[15] Sm.: START – students and refugees together. Identifying Refugee needs in Plymouth, Powerpoint Präsentation, Plymouth, Folien, 2009. Pp. 2–9. Verfügbar unter: ww.studentsandrefugeestogether.com/

[16] Sm.: Tam zhe.

[17] Sm.: Maisch L. Soziale Arbeit mit Fluchtlingen: Bachelorarbeit. URL: https://hses.bsz-bw.de/files/94/OPUS_Bachelorarbeit.pdf

[18] Sm.: Tam zhe.

[19] Tjuremnaja sistema Velikobritanii // Za reshetkoj. 2010. № 12.

[20] Sm.: Kolosova A. A. O formah, metodah i sredstvah obuchenija mezhkul'turnoj kommunikacii. URL: http://nbisu.moy.su›_ld/8/860 _Kolosova_A.A..pdf (data obrashhenija: 11.07.2017).

[21] Sm.: Grushevickaja T. G., Popkov T. G., Sadohin A. P. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii. M., 2003.

[22] Sm.: Stefanenko T. G. Jetnopsihologija.

[23] Sm.: Tam zhe.

[24] Sm.: Psihologicheskoe soprovozhdenie adaptacii lichnosti v polikul'turnom obshhestve kak tehnologija profilaktiki destruktivnyh form povedenija. URL: http://lib.knigi-x.ru/23tehnicheskie/41110-1-psihologicheskoe-soprovozhdenie-adaptacii-lichnosti-polikulturnom-obschestve-kak-tehnolo.php (data obrashhenija: 11.07.2017).

[25] Sm.: Grushevickaja T. G. Popkov T. G., Sadohin A. P. Osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii.

[26] Sm.: Stefanenko T. G. Jetnopsihologija : praktikum. M., 2006. S. 154.

УДК 004:378:343.8

Повышение качества преподавания информационных технологий в ведомственном вузе

О. А. ПАНФИЛОВА – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук

В статье рассматриваются методы повышения качества преподавания информационных дисциплин, анализируются результаты проверочной работы и опроса обучающихся, формулируются предложения по корректировке построения учебных курсов.

Ключевые слова: высшее образование; компетентностный подход; педагогическая технология; информация; информационные технологии; информационные ресурсы; информационная безопасность.

Improving the quality of teaching information technologies in a departmental institute of higher education

O. A. PANFILOVA – Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics

The article examines methods to improve the quality of teaching information disciplines, analyzes the results of testing and interviewing of students, formulates proposals for updating of training courses construction

Key words: higher education; competence approach; pedagogical technology; information; information technology; informational resources; information security.

Роль информации, информационных технологий и связанных с ними проблем информационной безопасности в современном мире постоянно повышается. Выбор в качестве основного направления развития сферы цифровых технологий в нашем государстве подтверждает их значимость. Условия экономического развития России таковы, что на первый план выступают ориентация на знания, виртуализация среды, инновации, динамизм, интеграция, межсетевое взаимодействие. В связи с этим при отборе сотрудников работодатель обращает внимание прежде всего на их умение оперативно находить информацию и с ее помощью решать возникающие проблемы, пользоваться ограниченными ресурсами, делать выбор, быть готовыми к перегрузкам и стрессовым ситуациям, уметь выходить из них. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н. С. Оботурова, «влияние информатизации может быть негативным, а экспансия интернет-ресурсов в образовательный процесс имеет существенные риски, обусловленные снижением качества информации»[1]. В связи с этим особое внимание в рамках изучения информационных дисциплин необходимо уделять вопросам качества информации и информационной безопасности.

Решению обозначенных задач будет способствовать применение компетентностного подхода в подготовке выпускника ведомственного вуза[2], способного решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний и опыта, самостоятельно действовать в разнообразных жизненных и профессиональных ситуациях[3].

В федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по различным специальностям и направлениям подготовки в числе важнейших компетенций выпускника выделяются следующие:

– способность работать с различными информационными ресурсами и технологиями;

– умение применять основные методы, способы и средства обработки информации;

– способность соблюдать в профессиональной деятельности требования правовых актов в области защиты государственной тайны и информационной безопасности;

– владение навыками работы с компьютером как средством управления информацией.

Однако при формировании данных компетенций у обучающихся возникает ряд трудностей. К ним можно отнести небольшой объем часов на изучение информационных дисциплин на первых курсах (по окончании обучения у выпускника снижаются навыки работы с профессиональными программами), неумение эффективно организовать самостоятельную работу, необходимость освоения технических знаний при получении гуманитарного образования, быстрый рост информационных технологий и др. Поэтому очень важным здесь для педагога становится умение правильно организовать процесс обучения, используя, как трактует компетентностный подход[4], имеющиеся ограниченные ресурсы и возможности, методы и формы. Индивидуальный подход к обучающимся является одним из таких методов, который реализуется с помощью интерактивного обучения, творческих работ, анкетирования обучающихся и др.

С целью измерения уровня компьютерной грамотности, владения терминами «информация», «информационные технологии», «информатизация», установления соотношения между теоретическими знаниями и практическими навыками была проведена проверочная работа среди студентов первого курса направления подготовки «Юриспруденция» (27 чел.). Были заданы следующие вопросы: что такое информация? в каких единицах она измеряется? какими свойствами обладает? каково значение термина «информационные технологии»? какими информационными технологиями вы пользуетесь? является ли наше общество информационным? в чем это выражается? каковы положительные и отрицательные стороны данного явления? из чего состоит компьютер? каковы наиболее важные его компоненты и их назначение? по каким характеристикам выбирают компьютер при покупке? чем руководствуются? какие виды памяти имеются в компьютере? в чем состоят отличия оперативной памяти от памяти на жестком диске? зачем нужна операционная система в компьютере? какая операционная система установлена на вашем компьютере?

Обратимся к результатам опроса. Наибольшее число обучающихся (74 %) информацию определяют как «сведения об окружающем мире, получаемые человеком с помощью органов чувств». Анализ показал общее непонимание базового понятия «информация», смешение различных подходов к его толкованию, упрощенное его восприятие. Например, при ответах на вопросы о единицах измерения и свойствах информации нередко просто перечислялись общие единицы и свойства без комментариев и указания на их связь между собой.

Около половины респондентов (45 %) полностью раскрыли понятие информационных технологий, 25 % не смогли конкретизировать данный термин.

Большинство опрошенных (85 %) в качестве используемых информационных технологий назвали аппаратные устройства, средства массовой информации и Интернет, программное обеспечение компьютера, что свидетельствует, прежде всего, о разрыве между теоретическими понятиями и их практической реализацией. Даже если обучающийся раскрывает изучаемые понятия и процессы, то приведение примеров их практического использования для него затруднительно.

96 % обучающихся считают наше общество информационным либо движущимся в данном направлении (варианты ответов: все больше процессов связано с информатизацией; появляются новые технологии, различные услуги, которые связаны с информацией; везде и все автоматизировано и т. д.). Респонденты отмечают как положительные (развитие средств связи, глобальное взаимодействие людей; улучшение качества работы, производительности, автоматизация обработки данных; доступность надежных источников информации, возможности для творчества), так и негативные стороны (рост безработицы, проблемы информационной безопасности, социальной коммуникации, зависимость от информационных технологий) информатизации общества.

Анализируя группу вопросов по знанию базового аппаратного и программного обеспечения компьютера, необходимого для понимания угроз при работе с информацией, овладения методами и средством обеспечения информационной безопасности, в том числе и в профессиональной деятельности, следует отметить, что основные компоненты персонального компьютера назвали все опрошенные. Но ответы на вопрос «По каким характеристикам выбирают компьютер при покупке?» подтвердили

предположение о поверхностных знаниях у студентов. Наиболее часто обучающиеся указывали такие параметры, как память и цена, не уделяя должного внимания марке, мощности, быстродействию, качеству, скорости устройства.

На вопрос о назначении операционной системы ответы полностью или частично дали 63 % опрошенных, около 60 % смогли назвать операционную систему, установленную на своих компьютерах.

Таким образом, можно отметить, что у обучающихся есть понимание общего смысла изучаемого материала, но в то же время наблюдается разрыв между теоретическими знаниями и их применением на практике.

Также преподавателями кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России было проведено анкетирование курсантов первого, второго и четвертого курсов юридического факультета (специальность «Правоохранительная деятельность», направление подготовки «Юриспруденция») с целью проверки знаний в области информационной безопасности (использование компьютеров и других гаджетов и защита данных). Были заданы следующие вопросы: какую технику вы используете для выхода в Интернет (компьютер, ноутбук, планшет, телефон)? стоит ли на указанной технике антивирусная защита? используете ли платный антивирус? мешает ли спам в работе? приходили ли на вашу электронную почту вложения с вирусами? и др.

Некоторые результаты анкетирования представлены в таблице.

Результаты анкетирования курсантов ВИПЭ ФСИН России по вопросам информационной безопасности

	Количество проанкетированных человек	Наличие антивирусной защиты	Установлен платный антивирус	Использование электронной почты	Отсутствие в электронных вложениях вирусов
1 курс	63	36 (57 %)	14 (39 %)	53 (84%)	50 (94 %)
2 курс	94	46 (49 %)	11 (24 %)	75 (80 %)	57 (76 %)
3 курс	53	41 (77 %)	13 (32 %)	47 (89 %)	35 (74 %)

Анализ данных показал, что каждый обучающийся постоянно использует одни из указанных видов техники (компьютер, ноутбук, планшет, телефон) и имеет доступ к Интернету, однако антивирусной защитой пользуются не более 77 % абонентов (от 49 до 77 %). Готовы платить за антивирусные программы от 24 до 39 % респондентов. Использование электронной почты в обучении достаточно высоко – 80–89 %, но наличие вирусов во вложениях отмечается редко. Наибольшей популярностью пользуются продукты компаний «Лаборатория Касперского» (33 %) и Avast (18 %).

Затруднения вызвал вопрос о других методах защиты данных, помимо антивирусной программы. Наиболее часто (43 %) указывался такой метод защиты, как использование надежных источников информации, файлообменников, в 10 % случаев – использование Ccleaner или Clean Master, то есть программ чистки кэш-памяти, оптимизации системы, ускорения работы компьютера. В качестве альтернативных методов защиты информации десятая часть опрошенных отметила активацию программ, дефрагментацию, форматирование диска, использование брандмауэра, 8 % – использование паролей, программ блокировок, ограничителей доступа к файлам и настройкам операционной системы.

Примерно пятая часть респондентов (22 %) указала на использование защитника USB (антивирусной утилиты, предназначенной для обнаружения и удаления компьютерных вирусов, пытающихся заразить компьютер через флеш-накопитель); защиту, установленную в браузерах; лечащие утилиты типа Dr.WebCureit; антибанеры, фильтры рекламы.

Характерно, что ни один из отвечающих не назвал ни резервное копирование данных, ни систематическое обновление антивирусных программ, браузеров. При этом специалисты в качестве основных причин распространения вредоносных программ отмечают отсутствие обновлений[5], должного контроля на сетевом уровне, дефицит компетенции и уровня квалификации сотрудников. Недооцененность важности ИТ-инфраструктуры приводит к тому, что за короткий промежуток времени парализуется работа корпоративных сетей.

Таким образом, проведенный опрос свидетельствует, с одной стороны, о высокой интенсивности использования компьютеров и других гаджетов, с другой – о необходимости повышения компьютерной грамотно-

сти в области защиты информации. В ходе анализа были выявлены такие проблемы, как разрыв между теорией и практикой в информационной сфере; непонимание и упрощенное восприятие ряда базовых понятий, поверхностность знаний об основных характеристиках компьютера, его программном обеспечении; непонимание важности антивирусной защиты информации; незнание методов защиты данных.

При организации дальнейшего обучения необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1) сформировать знание базовых понятий информатики, аппаратного и программного состава компьютера; при изучении аппаратного обеспечения компьютера повысить наглядность; закрепить навыки оценки характеристик компьютера на практических занятиях;

2) перераспределить часы в тематическом плане по информационной безопасности, увеличив время на изучение темы «Методы защиты от компьютерных вирусов»; проводить подробный разбор методов защиты информации, осуществлять разъяснительную работу о значимости своевременного обновления программного обеспечения, привлекать обучающихся к отслеживанию хакерских атак, анализу их причин, ущерба и выработке мер противодействия[6]; закрепить навыки защиты информации на практических занятиях; разработать творческие задания по информационным технологиям и информационной безопасности, провести конкурс работ;

3) разработать комплекс заданий для самостоятельной работы с целью повышения мотивации на более глубокое изучение современных информационных технологий, проблем информационной безопасности; организовать по данным темам курсантские научные исследования;

4) изучить современные направления и тенденции развития информационных технологий; использовать облачные технологии на занятиях как пример информационных технологий и современных методов защиты информации[7];

5) организовать встречи обучающихся со специалистами в области информационных технологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Оботурова Н. С. Влияние информатизации образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 84.

[2] См.: Шахов О. А., Бабкин А. А. Особенности формирования информационно-коммуникационной компетентности выпускника ведомственного вуза // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 101–105.

[3] См.: Бабкин А. А., Крюкова Д. Ю., Панфилова О. А. Информационное обеспечение в системе профессионального образования сотрудников управления исполнения наказаний // Задачи в обучении математике, физике и информатике: теория, опыт, инновации : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию П. А. Ларичева (г. Вологда, 16–18 февраля 2017 г.). Вологда, 2017. С. 299–301.

[4] См.: Басина Т. А. Особенности учебной мотивации курсантов ведомственной образовательной организации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 18–20.

[5] См.: Ульянов В. Сейчас многие захотят списать свои проблемы на кибератаку. URL: https://otr-online.ru/programmi/segodnya-v-rossii-27580/vladimir-ulyanov-68765.html (дата обращения: 18.05.2017).

[6] См.: Там же.

[7] См.: Горохова Ю. А. Использование облачных сервисов при обучении информатике // Информационно-техническое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2017. С. 16–18.

[1] Oboturova N. S. Vlijanie informatizacii obrazovatel'noj sredy na formirovanie obshhekul'turnyh kompetencij obuchajushhihsja // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 4 (36). S. 84.

[2] Sm.: Shahov O. A., Babkin A. A. Osobennosti formirovanija informacionno-kommunikacionnoj kompetentnosti vypusknika vedomstvennogo vuza // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2017. № 1 (37). S. 101–105.

[3] Sm.: Babkin A. A., Krjukova D. Ju., Panfilova O. A. Informacionnoe obespechenie v sisteme professional'nogo obrazovanija sotrudnikov upravlenija ispolnenija nakazanij // Zadachi v obuchenii matematike, fizike i informatike: teorija, opyt, innovacii : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 125-letiju P. A. Laricheva (g. Vologda, 16–18 fevralja 2017 g.). Vologda, 2017. S. 299–301.

[4] Sm.: Basina T. A. Osobennosti uchebnoj motivacii kursantov vedomstvennoj obrazovatel'noj organizacii // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2017. № 1 (68). S. 18–20.

[5] Sm.: Ul'janov V. Sejchas mnogie zahotjat spisat' svoi problemy na kiberataku. URL: https://otr-online.ru/programmi/segodnya-v-rossii-27580/vladimir-ulyanov-68765.html (data obrashhenija: 18.05.2017).

[6] Sm.: Tam zhe.

[7] Sm.: Gorohova Ju. A. Ispol'zovanie oblachnyh servisov pri obuchenii informatike // Informacionno-tehnicheskoe obespechenie dejatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom jetape : sb. materialov nauch.-prakt. seminara. Vologda, 2017. S. 16–18.

УДК 378.147.88:343.8

Совершенствование организации образовательного процесса посредством применения веб-квест-технологии в самостоятельной работе курсантов

М. Н. РАССАДИНА – старший преподаватель кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

В статье рассматриваются вопросы использования веб-квест-технологии в самостоятельной работе курсантов ведомственного вуза ФСИН России, анализируются этапы применения данной технологии, критерии и параметры оценивания результатов, формулируются предложения по применению веб-квеста в образовательном процессе.

Ключевые слова: компетентностный подход; интерактивное обучение; веб-квест; образовательные технологии; самостоятельная работа.

Improving the organization of the educational process through the application of the Web technology quest in the independent work of cadets

M. N. RASSADINA – Senior Lecturer of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics

The article deals with the use of the Web technology quest in the independent work of cadets in the departmental institution of the Federal Penal Service of Russia. The stages of application of this technology, the criteria and parameters for evaluating the results of independent work using the web-quests are analyzed. Proposals on the application of this technology in the educational process of the departmental institution are formulated.

Key words: competence approach; interactive training; Web-based quest; educational technologies; independent work.

В соответствии с Концепцией модернизации российского образования до 2020 г. основная цель высшего образования состоит в подготовке квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту. Одним из условий достижения поставленной цели является переход к инновационному обучению, включающий модернизацию подхода к организации образовательного процесса, оценке результатов обучения и качества подготовки специалиста[1].

Концепция инновационного обучения предполагает:

– построение глобальной модели обучения, направленной на формирование общекультурных и профессиональных компетенций будущего бакалавра/магистра;

– внедрение передовых информационных технологий в образование;

– использование международного научного и практического потенциала.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования содержат компетенции, определяющие знания, умения и навыки использования выпускниками информационных технологий. Образовательные стандарты включают указанные требования в общекультурные (способность работать с различными информационными ресурсами и технология-

ми, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации) и общепрофессиональные компетенции (способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-комуникационных технологий и учетом основных требований информационной безопасности)[2].

Процесс формирования общекультурных, профессиональных и специализированных профессиональных компетенций предусматривает использование новых информационных технологий. Эта цель может быть достигнута путем применения форм и методов интерактивного обучения, с помощью которого решаются задачи демократизации образовательного процесса, активизации участия обучающегося в создании образовательного результата, формирования компетенций, требуемых современным работодателем.

Интерактивный – значит основанный на взаимодействии. Интерактивное обучение предполагает диалог, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и обучающегося, непосредственное или опосредованное (с помощью электронной или компьютерной техники). Преимущество такой модели обучения заключается в том, что доминирует какой-то участник образовательного процесса или какая-то идея, из объекта воздействия студент становится его субъектом, он сам активно участвует в процессе обучения, конструировании индивидуального образовательного маршрута, моделировании жизненных ситуаций и др.[3]

В условиях реализации компетентностного подхода в образовательный процесс активно внедряются электронная почта, компьютерные обучающие программы, веб- и другие интернет-технологии, совершенствующие умение работать с информацией на разных носителях, поисковыми системами, планировать свою учебную деятельность, повышающие интерес к изучению дисциплин и будущей профессии.

Именно веб-квест объединяет в себе элементы проблемного обучения, метода проектов, игры и предполагает активное использование информационных и коммуникационных технологий. Как отмечает Е. С. Полат, метод проектов позволяет осуществлять поиск решения проблемы в практической деятельности, дает возможность осмыслить теоретические знания и формирует способность находить пути решения проблемных ситуаций[4].

Анализ интернет-ресурсов, методической и научной литературы показал, что веб-квест рассматривается как технология, проблемное задание, метод, форма и средство. Как технология он представляет собой совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата. Я. С. Быховский отмечает, что образовательный веб-квест – это сайт в Интернете, с которым работают учащиеся, выполняя ту или иную учебную задачу. Это и метод, и форма. Веб-квест как метод – это способ взаимосвязанной деятельности преподавателя и обучаемых, направленный на решение образовательных задач, способ организации учебно-познавательной деятельности учащегося. Веб-квест как форма – упорядочивание, налаживание, приведение в систему взаимодействия учителя и учащихся при работе над определенным содержанием[5].

По мнению М. В. Андреевой, веб-квест – это проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета[6].

Таким образом, использование веб-квестов в образовательном процессе способствует повышению мотивации познавательной деятельности, обеспечивает интерактивность обучения, возможность работать в удобном темпе, позволяет формировать навыки поиска информации, анализа, синтеза и оценки информации, критического мышления, способствует совершенствованию организации самостоятельной работы курсантов.

Различают два типа веб-квестов: краткосрочные (разрабатываются для 1–2 занятий) и долгосрочные (для нескольких занятий или целой дисциплины, на семестр, год). Первые предназначены для закрепления знаний, полученных на лекциях, а вторые – их углубления. Б. Додж выделил следующие виды занятий для веб-квестов:

– пересказ – демонстрация понимания темы на основе представления материалов из разных источников в новом формате: создание презентации, плаката, рассказа;

– планирование и проектирование – разработка плана или проекта на основе заданных условий;

– самопознание – любые аспекты исследования личности;

– компиляция – трансформация формата информации, полученной из разных источ-

ников: виртуальной выставки, капсулы времени, капсулы культуры;

– творческое задание – творческая работа в определенном жанре: создание пьесы, стихотворения, песни, видеоролика;

– аналитическая задача – поиск и систематизация информации: поиск и сравнительный анализ интернет-ресурсов по изучаемой проблематике;

– детектив, головоломка, таинственная история – выводы на основе противоречивых фактов;

– достижение консенсуса – выработка решения по острой проблеме;

– оценка – обоснование определенной точки зрения;

– журналистское расследование – объективное изложение информации (разделение мнений и фактов);

– убеждение – склонение на свою сторону оппонентов или нейтрально настроенных лиц;

– научное исследование – изучение различных явлений, открытий, фактов на основе уникальных онлайн источников[7].

Одной из проблем в организации образовательного процесса курсантов инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России можно обозначить низкую заинтересованность в самостоятельной учебной деятельности, самообразовании. Исходя из того, что современные студенты большую часть времени проводят в Интернете, полагаем, что самостоятельную учебную деятельность необходимо организовать с учетом возможностей электронных ресурсов. С этой точки зрения технология веб-квеста является наиболее эффективным способом организации образовательного процесса. Она объединяет в себе элементы проблемного обучения, метода проектов, игры и др.

Преимуществами веб-квест-технологии является развитие следующих умений:

– классифицировать получаемую информацию (отделять главное от второстепенного);

– организовывать полученную информацию в структуры;

– анализировать различные ситуации;

– проверять, планировать и соотносить полученную информацию в ходе познавательной деятельности;

– прогнозировать, предвосхищать и учитывать последствия принимаемых решений;

– выбирать и определять стратегии для выполнения задачи.

Способность выбирать стратегию собственного обучения и модифицировать ее под влиянием новых требований и с учетом своих интеллектуальных возможностей определяет готовность курсанта к самообразованию, индивидуальному развитию себя как личности, что соответствует требованиям новых образовательных стандартов. На этом основании можно определить активную управляемую самостоятельную учебную деятельность как важное методическое условие успешности образовательного процесса[8].

Использование веб-квест-технологии в самостоятельной работе целесообразно на старших курсах при изучении дисциплин, соответствующих виду профессиональной деятельности, а также при проведении комплексных учений. Задания должны соответствовать целям компетентностного подхода в обучении, профессиональной заинтересованности курсантов в решении поставленной проблемы. В ходе работы курсанты должны самостоятельно решить задачу, аргументируя свое решение. Корректная формулировка проблемы предполагает указание возможных способов и средств ее решения. Для этого необходимо варьировать уровень сложности веб-квеста и информационный материал, а ссылки предоставлять в определенной последовательности.

Работу можно разделить на три этапа:

1. Ознакомительный этап – в процессе дискуссии с преподавателем курсанты формулируют проблему, которую необходимо решить самостоятельно. Преподаватель делит группу на подгруппы и выдает задания, курсанты самостоятельно распределяют роли внутри подгруппы.

2. Исследовательский этап – курсанты работают индивидуально с ресурсами Интернета в соответствии с выбранными ролями, знакомятся с информацией на веб-сайтах, самостоятельно изучают материалы документов, анализируют информацию, делают выводы. Для осуществления обратной связи в социальных сетях создаются группы, где курсантам можно обмениваться информацией о достигнутых результатах, а преподавателю контролировать процесс выполнения работы, подсказывать дальнейшие действия, отвечать на вопросы, вызвавшие затруднения.

3. Презентационный (оценочный) этап – оценивание представленных результатов. Описание критериев и параметров оценивания веб-квеста дается курсантам вместе с заданием. За основу была взята методика О. Л. Осадчук[9]. Оценка результатов веб-квеста осуществляется по пяти критериям:

понимание задания, исполнение ролей, использование интернет-ресурсов, обработка информации, оформление результатов (см. таблицу).

Критерии оценивания результатов веб-квеста

Критерии	Оценка		
	3 балла	2 балла	1 балл
1. Понимание задания	Работа демонстрирует полное понимание задания	В работе есть материалы, имеющие прямое и опосредованное отношение	Представленные материалы мало связаны с темой веб-квеста
2. Работа в команде	Роли ясно выражены, обеспечивают выполнение задания	Роли распределяются, однако действия не всегда соответствуют выбранной роли	Роли не исполняются
3. Использование интернет-ресурсов	Вся информация точна, используется достаточно интернет-ресурсов, источники цитируются правильно	Не вся информация достоверна, используется ограниченное количество интернет-ресурсов, часть информации не относится к заданию	Случайная подборка материалов, используется один веб-источник, информация не имеет отношения к теме
4. Логическая организация	Демонстрируется критический анализ и оценка проблемной ситуации, определенность собственной позиции, выводы аргументированы	Недостаточно выраженная собственная позиция, проводится анализ, но выводы недостаточно аргументированы	Собранная информация не анализируется и не оценивается, нет выводов
5. Оформление результатов	Работа хорошо структурирована, отличается яркой индивидуальностью и практической значимостью	Логическое представление результатов работы, привлекательное оформление	Материал логически не выстроен, отсутствует наглядность представленных результатов
Итог	15–12 баллов – оценка «отлично»	11–8 баллов – оценка «хорошо»	7–5 баллов – оценка «удовлетворительно»

На заключительном этапе веб-квеста рассматриваются презентации и заслушиваются доклады игровых коллективов о проделанной работе, организуются конструктивное обсуждение, в котором принимают участие и преподаватель, и курсанты. Это позволяет сформулировать субъективные критерии оценивания, высказать замечания и предложения, определить лучшие работы.

Таким образом, применение веб-квест-технологии в самостоятельной работе является одним из наиболее эффективных средств развития умений самостоятельно управлять своей познавательной активностью и наблюдать за своими мыслительными процессами, без которых невозможен процесс познания и осознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Гитман Е. К., Тимкина Ю. Ю. Модель использования информационных технологий в самостоятельной работе студентов // «Alma mater» (Вестник высшей школы). 2012. № 10. С. 40–43.

[2] См.: Шахов О. А., Бабкин А. А. Особенности формирования информационно-коммуникационной компетентности выпускника ведомственного вуза // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 101–105.

[3] См.: Христова Н. А. Образовательный веб-квест как метод интерактивного обучения // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 89–91.

[4] См.: Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М., 2010.

[5] См.: Быховский Я. С. Образовательные веб-квесты. URL: http://ito.edu.rU/1999/III/l/30015.html (дата обращения: 06.05.2017).

[1] Sm.: Gitman E. K., Timkina Ju. Ju. Model' ispol'zovanija informacionnyh tehnologij v samostojatel'noj rabote studentov // «Alma mater» (Vestnik vysshej shkoly). 2012. № 10. S. 40–43.

[2] Sm.: Shahov O. A., Babkin A. A. Osobennosti formirovanija informacionno-kommunikacionnoj kompetentnosti vypusknika vedomstvennogo vuza // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2017. № 1 (37). S. 101–105.

[3] Sm.: Hristova N. A. Obrazovatel'nyj veb-kvest kak metod interaktivnogo obuchenija // Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 2. S. 89–91.

[4] Sm.: Polat E. S. Sovremennye pedagogicheskie i informacionnye tehnologii v sisteme obrazovanija. M., 2010.

[5] Sm.: Byhovskij Ja. S. Obrazovatel'nye veb-kvesty. URL: http://ito.edu.rU/1999/III/l/30015.html (data obrashhenija: 06.05.2017).

[6] Sm.: Andreeva A. V. Tehnologii veb-kvest v formirovanii kommunikativnoj i sociokul'turnoj kompetencii // Informacionno-

[6] См.: Андреева А. В. Технологии веб-квест в формировании коммуникативной и социокультурной компетенции // Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам: тезисы докладов I Междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 20–25.

[7] См.: Христова Н. А. Образовательный веб-квест как метод интерактивного обучения // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 89–91.

[8] См.: Шульгина Е. М., Обдалова О. А. Организация управляемой самостоятельной деятельности студентов посредством технологии веб-квест как условия успешности формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 162–167.

[9] См.: Осадчук О. Л. Использование веб-квест-технологии в самостоятельной работе студентов педагогического вуза по дисциплинам профессионального цикла (на примере дисциплины «Введение в профессионально-педагогическую деятельность»). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-veb-kvest-tehnologii-v-samostoyatelnoy-rabote-studentov-pedagogicheskogo-vuza-po-distsiplinam-professionalnogo-tsikla (дата обращения: 15.06.2017).

kommunikacionnye tehnologii v obuchenii inostrannym jazykam: tezisy dokladov I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2004. S. 20–25.

[7] Sm.: Hristova N. A. Obrazovatel'nyj veb-kvest kak metod interaktivnogo obuchenija // Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 2. S. 89–91.

[8] Sm.: Shul'gina E. M., Obdalova O. A. Organizacija upravljaemoj samostojatel'noj dejatel'nosti studentov posredstvom tehnologii veb-kvest kak uslovija uspeshnosti formirovanija inojazychnoj kommunikativnoj kompetencii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 376. S. 162–167.

[9] Sm.: Osadchuk O. L. Ispol'zovanie veb-kvest-tehnologii v samostojatel'noj rabote studentov pedagogicheskogo vuza po disciplinam professional'nogo cikla (na primere discipliny «Vvedenie v professional'no-pedagogicheskuju dejatel'nost'»). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-veb-kvest-tehnologii-v-samostoyatelnoy-rabote-studentov-pedagogicheskogo-vuza-po-distsiplinam-professionalnogo-tsikla (data obrashhenija: 15.06.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боровиков С. А., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Галич Т. В., старший преподаватель кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: livvah@mail.ru

Гладков Е. А., начальник психологической лаборатории ЛПУ РБ-2 УФСИН России по Республике Карелия. E-mail: evge-gladkov@mail.ru

Горбань Д. В., преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: dimas8807@mail.ru

Гущина Т. Н., профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: gushina2008@yandex.ru

Дудоров Т. Д., доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (центральный филиал), кандидат юридических наук. E-mail: timdudorov@yandex.ru

Кузьмин С. И., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Куренкова О. Е., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: jkmufru@gmail.com

Лапшин В. Е., профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: psyho-vlgu@mail.ru

Лобанова Е. С., старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: alenushka-248@yandex.ru

Носова Н. В., заведующий кафедрой психологии и педагогики Вологодского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: nosova2004@mail.ru

Панфилова О. А., начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук. E-mail: panfilovaoa@mail.ru

Пермиловская Е. А., старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kolibry04@mail.ru

Писарев О.М., начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: olbig@sibmail.com

Полякова Е. А., преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: misspolyakova@mail.ru

Рассадина М. Н., старший преподаватель кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук. E-mail: mrassadina@mail.ru

Рогач В. Г., преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: rogach.v.g@mail.ru

Рудаков А. М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ono.nil@yandex.ru

Рябченко О. Н., старший преподаватель кафедры экологического, аграрного и природоресурсного права Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук. E-mail: okt.wa@yandex.ru

Сергеев Д. Н., старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук. E-mail: dnse@mail.ru

Спиридонова Ю. Н., начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: upkiord@yandex.ru

Сучкова Е. Л., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Цатурян М. О., доцент кафедры психологии и педагогики Вологодского государственного университета, кандидат психологических наук. E-mail: marinats1985@gmail.com

Чжан Ю. А., инспектор филиала по Чернушинскому району Уголовно-исполнительной инспекции ГУФСИН России по Пермскому краю. E-mail: mode7hour7min@gmail.com

Шанина А. А., аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факульте-

та Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, E-mail: criminal@law.msu.su

Шеслер А. В., профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: sofish@inbox.ru

Шишигина С. Н., научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sshishigina@inbox.ru

Штефан Е. Ф., старший преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: evg-shtefan@yandex.ru.

Якушина Е. С., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borovikov S. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Chzhan Y. A., Inspector of the Branch in Chernushinsky district of the Penal Inspection of the Federal Penal Service of Russia Administration in the Perm Region. E-mail: mode7hour7min@gmail.com

Dudorov T. D., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University of Justice (Central Branch), PhD. in Law. E-mail: timdudorov@yandex.ru

Galich T. V., Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: livvah@mail.ru

Gladkov E. A., Head of the Psychological Laboratory of Treatment and Prophylactic Institution of the District Hospital -2 of the Federal Penal Service of Russia in the Republic Kareliya. E-mail: evgegladkov@mail.ru

Gorban' D. V., Lecturer of the Department of Organization and Supervision Regime in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia , PhD. in Law. E-mail: dimas8807@mail.ru

Gushchina T. N., Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with Youth of the Yaroslavl State Pedagogical K. D. Ushinsky University., Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: gushina2008@yandex.ru

Kurenkova O. E., Associate Professor of the Department of Organization of Psychological Service in Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: jkmufru@gmail.com

Kuzmin S. I., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow regional branch of the Moscow V. Ja. Kikotya University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Lapshin V. E., Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State A. G. and N. G. Stoletov University, Dsc. in Pedagogics, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: psyho-vlgu@mail.ru

Lobanova E. S., Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: alenushka-248@yandex.ru

Nosova N. V., Head of the Department of Psychology and Pedagogy of the Vologda State University, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: nosova2004@mail.ru

Panfilova O. A., Head of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Technics. E-mail: panfilovaoa@mail.ru

Permilovskaya E. A., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Process of the Northern (Arctic) Federal M. V. Lomonosov University. E-mail: kolibry04@mail.ru

Pisarev O. M., Head of the Department of Staff, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute of Staff Training of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: olbig@sibmail.com

Polyakova E. A., Lecturer of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: misspolyakova@mail.ru

Rassadina M. N., Senior Lecturer of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics. E-mail: mrassadina@mail.ru

Rogach V. G., Lecturer of the Department of Organization of Psychological Service in the Penal

System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: rogach.v.g@mail.ru

Rudakov A. M., Researcher of the Research Laboratory of the Organizatinal and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ono.nil@yandex.ru

Ryabchenko O. N., Senior Lecturer of the Department of Ecological, Agrarian and Natural Resources of the Udmurtiya State University, PhD. in Law. E-mail: okt.wa@yandex.ru

Sergeev D. N., Lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, PhD. in Law. E-mail: dnse@mail.ru

Shanina A. A., Postgraduate of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Moscow State M. V. Lomonosov University. E-mail: criminal@law.msu.su

Shesler A. V., Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Yugra State University, Dsc. in Law, Professor. E-mail: E-mail: sofish@inbox.ru

Shishigina S. N., Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sshishigina@inbox.ru

Spiridonova Yu. N., Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: upkiord@yandex.ru

Stefan E. F., Senior Lecturer of the Department of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: evg-shtefan@yandex.ru

Suchkova E. L., Associate Professor of the Department of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Tsaturyan M. O., Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Vologda State University, PhD. in Psychology. E-mail: marinats1985@gmail.com

Yakushina E. S., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow regional branch of the Moscow V. Ja. Kikotya University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law. E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ•НАКАЗАНИЕ•ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России
Главный редактор:
Е. Л. Харьковский
Ответственный секретарь:
С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160035, г. Вологда, ул. Октябрьская,
д. 51, оф. 208

Телефоны:
(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12
(8172) 51-98-70
E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.11.2017.
Дата выхода в свет 19.12.2017.
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 6203
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 158 руб. за 1 экземпляр.